

УРАЛЬСКИЙ № 6 (588), 2006
снеговым
РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

Июнь:

ПОД СЕМЬЮ МОСТАМИ

**ЗАГАДКА
ЛАМПОЧКИ
ПОЛЕНОВА**

**ВСТРЕЧИ
С МЕДВЕДЯМИ**

НАШИ ЛАУРЕАТЫ

Лауреаты журнала 2005 года

Говорят, первую половину жизни человек работает на имя, а потом уже имя работает на человека. В нынешнем году «Уральский следопыт»

отметил очередной день рождения – теперь ему уже семьдесят один. Пользуясь этим случаем, мы решили возобновить старую добрую традицию журнала – отмечать наиболее интересные на наш взгляд публикации по итогам минувшего года.

Праздник «Майский экстрим» помог нам в этом году объявить первых лауреатов. Ими стали:

В номинации «Художественная литература» («Аэлита») – писатель Александр Папченко (Екатеринбург) за повесть «Сокровище призрака» (№ 8–9).

В номинации «История и краеведение» («Река времени») – Андрей Леонов и Сергей Банных (Екатеринбург) за серию очерков «Каспиотида» (№ 3, 4, 6–9).

В номинации «Приключения и путешествия» («Встречный ветер») – Вадим Касатский (пос. Рефтинский Свердловской обл.) за записки «В поиске приключений, или Полет на парaparplane».

В номинации «Фантастика» лучшая публикация в этом году не отмечалась.

Лауреаты получили дипломы и ценные подарки.

Главный редактор — Максим Фирсов
Редакторы разделов — Юний Горбунов,
 Елена Минакова,
 Андрей Беспутин
Худ. редактор, верстка — Юлия Ульянова
Художник — Ирина Овсянникова
Набор — Валентина Кадочникова
Корректор — Татьяна Сергеенко
Интернет-версия — Андрей Ключников
Учредитель — общественная организация
 «Трудовой коллектив редакции
 журнала «Уральский следопыт»

Издатель — ООО «Уральский следопыт»
Редакционный совет —

Владислав Крапивин,
 Сергей Казанцев,
 Борис Стругацкий,
 Геннадий Прашкевич,
 Олег Поскребышев,
 Юрий Казарин,
 Станислав Мешавкин
Наблюдательный совет —
 Евгений Виноградский,
 м.с.м.к., «Снежный Барс»
 Евгений Савенко,
 чл. Союза фотохудожников России
 Семен Спектор,
 заслуженный врач России

Выпуск издания осуществлен
 при финансовой поддержке
**Федерального агентства по печати
 и массовым коммуникациям**
 при поддержке
**Министерства физкультуры, спорта
 и туризма Свердловской области**

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:
 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.
Тел. редакции:
 (343) 257-45-01, 257-36-62
E-mail: info@uralstalker.ru
 www.uralstalker.ru

«Уральский следопыт», № 6, 2006
 Издаётся с 1935 г.,
 возобновлен в 1958 г.

Регистрационное свидетельство № 441,
 выдано 13.12.90 г. Министерством печати
 и массовой информации РСФСР
 ООО «Уральский следопыт»
 обладает исключительным правом
 на логотипы и название журнала.
 Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12
 пт, по 60 знаков в строке, 28-30 строк на странице.
 Каждая страница рукописи должна быть подписана
 автором.
 Обязательно прилагать информацию об авторе; ука-
 зывать согласие на публикацию в журнале, на сайте
 журнала, корректурную и редакторскую правки.
 В первую очередь рассматриваются рукописи, допол-
 ненные электронной версией (E-mail, дискета, CD).
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
 При отправлении электронных сообщений
 обязательно заполнять поле ТЕМА.
 Любое использование материалов журнала
 допускается только с письменного согласия
 ООО «Уральский следопыт».
 Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.
**По вопросам приобретения журнала
 обращаться по тел. (343) 257-36-62.**
 Подписано к печати 04.06.2006 года.
 Формат бумаги: 84x108/16. Усл. печ. л. 9,66.
 Печать офсетная. Тираж 4500.
 Отпечатано в типографии
 ООО ПТЦ «ЯСА»
 г. Красноуральск, ул. Чапаева, 4

Заказ №:

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ УРАЛЬСКИЙ следопыт

ISSN 0134-241X

июнь 2006

РЕКА ВРЕМЕНИ

Тропой поиска

Ю. ГОРБУНОВ	Писательницы России.....	15
В. КОПЫЛОВ	Сенсация от Поленова, или Первый электрик Зауралья	44

Проекты «Уральского следопыта»

Ю. ГОРБУНОВ	Акинфиевский вариант.....	16
--------------------	---------------------------	----

Возвращение из Леты

В. ГОЛДИН	Ему писал Иван Бунин	50
------------------	----------------------------	----

Событие

В. СТРЕКАЛОВСКИЙ, Э. МОЛЧАНОВ	Все флаги в гости к нам.....	71
--	------------------------------	----

Далекое-близкое

А. ПОНОМАРЕВ	Деревенская помощь.....	79
---------------------	-------------------------	----

Легенды и были

И. АРТЕМЬЕВ	Глухариный аквамарин	87
--------------------	----------------------------	----

АЭЛИТА

Современная проза Урала

В. БУЛАНОВ	Говорящая собака Молли.....	6
-------------------	-----------------------------	---

Сказка

В. ХАНИН	В трех шагах от сказки. II часть.....	25
-----------------	---------------------------------------	----

Современная поэзия Урала

Д. БОЧЕНИН	Стихи.....	48
-------------------	------------	----

Проекты «Уральского следопыта»

А. ПАТОКИН	Приглашение к рисованию.....	60
-------------------	------------------------------	----

Фантастика

Т. НИКОЛАЙЦЕВ	Свидетели Апокалипсиса	61
----------------------	------------------------------	----

Дебют

А. АЛТАЙСКИЙ	За клюквой	74
---------------------	------------------	----

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Невыдуманные истории

В. КАСАТСКИЙ	Сибирский человек	2
---------------------	-------------------------	---

В объективе — Урал

В. БАЙДУКОВ	Ушма	18
--------------------	------------	----

Охота и рыбалка

Р. ТИХОНОВ	Нижнесергинские зарисовки.....	20
-------------------	--------------------------------	----

Советы специалиста

М. РУДКОВСКИЙ	Великолепная десятка	52
----------------------	----------------------------	----

Проекты «Уральского следопыта»

А. БЕСПУТИН	Майский экстрим: праздник на все сто	53
--------------------	---	----

Записки очевидца

В. ЮКЧУБАЕВ	Вахта	84
--------------------	-------------	----

Добрые попутчики «Уральского следопыта»

Лекарственные растения Урала	М. ПРОЗОРОВА	В союзе с «рыжими»	57
			58

все товары и услуги, рекламируемые в журнале «Уральский следопыт», имеют необходимые лицензии и сертификаты. Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных объявлениях. Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Вадим КАСАТСКИЙ,
иллюстрации Альберта ТУМАНОВА

СИБИРСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Невыдуманные истории

Я должен был проверить работу фельдшерских пунктов, расположенных по деревням на добрую сотню километров от Усть-Кута вниз по Лене, и сейчас подъезжал на попутном полуглиссере к деревне Таюра у впадения в Лену одноименной речки. Сухопутной дороги вдоль Лены тогда не было, а река в своих верховьях к осени сильно обмелела, и пароходы не ходили.

Над береговым обрывом столпились добротные серые избы, между ними желтел сруб строившегося дома. Вокруг деревни в «зелёном море тайги» видны были неправильных очертаний плешины. Про здешние поля нельзя сказать, что они «простирались», «раскинулись». Они сжаты тайгой, вклинились в неё, и она, обступив их, казалось, вот-вот хлынет и затопит своим хвойным шумом.

Полуглиссер, высадив меня, сразу же ушел вверх по реке. У ребятишек, оказавшихся на берегу, я спросил, где живёт фельдшер.

— Альбина? — переспросил старшенький, возившийся у воды с плетённой из ивовых прутьев корчагой для ловли рыбы. — А её дома нет. Она сегодня ночью в Усть-Кут уехала с геологами на

катере. Но в больничке ещё Семеновна работает. Пойдём, дяденька, мы покажем. А вы кто? Доктор? Из Иркутска? Нет? Значит, из Усть-Кута?

Я мысленно упрекнул себя за то, что не обзвонил все деревни, не предупредил о своём приезде, желая нагрязнуть внезапно. В то лето я окончил институт и старался работать инициативно, по-новаторски.

Санитарку Семёновну, жившую рядом с медпунктом, мы встретили на крыльце её дома в обществе мужчины в брезентовой куртке с капюшоном. Похоже было, что он на что-то жаловался, а она утешала. Семёновна издали следила за мной, пока я в сопровождении ребятишек приближался к крыльцу. Мужчина, услышав моё «здравствуйте», повернул ко мне лицо, и я увидел, что у него нет левого уха.

— Уж не доктор ли? — обрадованно заговорила она, вставая со ступеньки, на которой сидела. — Али проездом и занедужили в дороге?

Я объяснил, кто я и что мне надо.

— Вот жалость-то! Альбина Тимофеевна уехала за лекарствами. И надо же, ни раньше, ни позже! Вот и больной как назло объявился. Угораздило же!

И лёгким поворотом корпуса она указала на

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

собеседника, тоже поднявшегося на ноги. Осанка мужчины выдавала крепкое телосложение. Глубокие, грубые складки придавали его лицу выражение суровости и силы. Вероятно, скульптор охотно вылепил бы его портрет. На секунду мужчина глянул на реку, на ребятишек, и я рассмотрел, что на месте уха темнела только дырочка и от виска вниз тянулись красные неровные рубцы.

Лицо санитарки, которой, как и мужчине, было лет шестьдесят, иссечено мелкими милыми старушечьими морщинками. Сохранившая статность, она двигалась с живостью, редкой в этом возрасте.

— Ну да вы не горюйте, Альбина завтра вернется. Я вас устрою ночевать. Как раз и человеку поможете, — и она ободряюще посмотрела на одноухого.

— А что с вами? — спросил я его. Не открывая рта, он безнадежно махнул рукой, дело, мол, совсем плохо, и что-то страдальчески промычал.

— Зубы у него, зубы схватило, доктор. Охота началась, ушёл в тайгу, до самой Аикты добрался, а там они его и доняли. И вот пришлось вернуться, неделю уже потерял, и когда ещё в Усть-Кут попадет, неизвестно. А сейчас каждый день дорог. Охотник он первейший по здешним местам. Слыхали, может? Марков Иннокентий Васильевич.

Меня заинтересовал этот человек без уха, знавший дорогу до Аикты, дальнего стойбища эвенков, где мне тоже предстояло побывать.

Семёновна сняла незамкнутый замок, висевший на двери, на которой была укреплена фанерка с красным крестом и с надписью «медпункт». Мы вошли.

На меня пахнуло знакомым лекарственным «букетом». Легче всего различить запахи карболки, йодоформа и нашатырно-анисовых капель. Столик под белой простыней, на нем деревянный стетоскоп. Неуютная кушетка, покрытая клеёнкой с бурными пятнами йода. Застеклённый шкаф, на полках которого лежали шприцы, резиновый жгут, проводочные шины да корбочки с лекарствами, — вот и весь нехитрый инвентарь медпункта. Впрочем, если оглянуться, в углу у двери висел над тазиком обычный рукомойник, а в простенке между двух окон деревянный шкафчик с крупной буквой «А» на дверце.

Тем временем санитарка, усадив меня на стул, а больного на кушетку, так уверенно расписывала ему предстоящее скорое исцеление, что мне стало неловко за свою медлительность, и я, отказавшись от завтрака и от предложенного чаепития, решил сразу взяться за дело. Зубы удалять я умел. Было бы чем.

Семёновна выставила из шкафа на стол стакан со шпателями в дезинфицирующем растворе, затянутую марлей стеклянную банку с термометром и уже успела его сунуть под мышку Иннокентию Васильевичу. Однако, пересмотрев содержимое шкафа, я не нашел никаких зубохирургических инструментов. Придётся посылать больного в Усть-Кут. Но мне было

неловко. Санитарка так уверяла Маркова в моей способности помочь ему, что он теперь с надеждой взирал на меня.

Что делать? — думал я, стараясь суетливостью и многословием не выдать свою растерянность. И смотрел то в окно на таёжные сопки, посеребрённые и пронизанные золотом осин и берез, то на больного. Куда делось его ухо? Но мне было не до вопросов, а Иннокентию не до ответов.

Семёновна взяла из-под мышки страдальца градусник и, взглядевшись в шкалу, доложила:

— Температура, доктор, нормальная. Тридцать шесть и шесть.

— Спасибо! — машинально ответил я и подумал, что лишился и этого оправдания отказа от манипуляций. Теперь и она, сделав своё злое дело, и больной сидели на кушетке и ждали моих распоряжений.

— М-да, ситуация! — вырвалось у меня.

Больной, заметив, что я не спешу что-либо предпринять, подал голос:

— Рви его, врач, рви! Четыре дня сюда добирался, да четыре дня назад потребуется. Допёк он меня. И в Усть-Кут мне ехать совсем недосуг. Сезон открылся, зверя бить надо. Будь у меня клещи, какими вы зубы тянете, я б его сам!.. — и он решительным взмахом руки выразил свою готовность справиться с большим зубом.

— Иннокентий Васильевич! Понимаю я вас, но и вы меня поймите: нет здесь инструментов. Нечем!

Зуб, который измучил охотника и заставил его вернуться из тайги, оказался большим коренным зубом на верхней челюсти. А эти зубы имеют по три корня. Правда, как я при осмотре установил, они были значительно оголены пародонтозом. Но зуб ещё даже не шатался. Характер жалоб, изложенных Марковым, не оставлял у меня сомнений: зуб надо не лечить, а только удалять. Но чем?

— Врач! — снова заговорил пациент. — Сегодня я с трактористом нашим Гришкой разговаривал. Он смеётся, бес: «Давай, — говорит, — я тебе плоскогубцами выдеру». А ну как в самом деле? Конечно, ему я себя не доверю, но вы-то сможете.

— Эх, Васильич, сколько раз он у тебя болел? — строго спросила Семеновна. — Сколько раз тебе Альбина говорила ехать в Усть-Кут лечиться? А ты всё «боюсь» да «боюсь». А ещё знаменитый охотник, на медведя в одиночку ходишь.

— Эх, Семеновна! — досадливо и страдальчески морщась, возразил больной. — На медведя мы привычные, а тут зуб... Как посадят в кресло да почнут сверлить, поневоле взвоешь! Надеяться, что обойдется. — Он покаянно вздохнул: — Так как же, доктор? Будем рвать али нет? Я бы тебе с первого медведя, какого уложу, шкуру преподнёс в благодарность за доброе дело. Ведь у нас план, выполнять надо. Ты послушай-ка, по тайге выстрелы гремят, самая охота идет, а я вот мешкаю.

Я прервал его речь замечанием, что ни шкур, ни других подарков мне не надо. Я рад бы помочь,

но в шкафу не нашлось и новокаина. Нечем обезболить.

– Не вытерпите без укола.

– Это я-то не вытерплю?

– Вытерпит, доктор, вытерпит. Этот сдюжит, – подтвердила санитарка, – он у нас терпачий. Вы поглядите, как его в прошлом годе медведь отделал, насколько ухо оторвал...

– А как это случилось? – не мог не спросить я.

– Его и спросите, пусть расскажет.

Я принял решение.

– Возьмите, Семёновна, у тракториста плоскогубцы и всё, что там есть подходящее. Да, кстати, у вас есть швейная машинка?

– А как же! Есть, – ответила удивлённая старушка.

– Так вот, принесите мне отвёртки от швейной машины.

– Там их две.

– Обе.

– Ладно, батюшка, – согласилась старушка, которой такой «батюшка», как я, годился в сыновья, если не во внуки.

Отвёртки я потребовал потому, что мне пришла мысль использовать их в качестве элеваторов, которые применяются для удаления зубов (в сущности, для выковыривания из лунки) наряду с зубоврачебными щипцами.

– Я пока сбегаю в одно место, – поднялся с кушетки Иннокентий Васильевич. И в ответ на мой недоуменный взгляд щёлкнул пальцем по кадыку. Жест не требовал пояснений, но Марков все же уточнил:

– Залью граммов сто. Вместо укола.

Я невольно улыбнулся, но одобрил:

– Это мысль. Но только не больше ста.

Он ушёл, а я покачал головой и стал (мысленно, мысленно!) укорять себя за самонадеянность. Откажись, пока не поздно! Это же неслыханное дело! Разве тебя учили в институте удалять зубы плоскогубцами?

Но я не мог оставить человека без помощи, не мог «сплавить» его в Усть-Кут к районному дантисту, хотя стоило лишь написать направление, с которым он, по независимым от меня обстоятельствам, может неделю прождать оказии, катера.

Охотник верил в мою способность удалить зуб плоскогубцами, потому что не подозревал о трудностях, связанных с этим мероприятием. Он просто в меня верил. Ох, оскандалюсь, будет дело похлеще чеховской «Хирургии».

Но Семёновна уже притащила грязные, вымазанные в солидоле плоскогубцы, круглогубцы и уж совсем не шедшие к делу кусачки. Пришёл и сам тракторист. Ухмыляясь, он спросил:

– А гаечный ключ вам не потребуется? Могу предоставить. Если не поломаете.

Санитарка выпроводила его. Я сам тщательно вымыл и вычистил инструменты, прополоскал их в

керосине и вместе с отвёртками положил в стерилизатор, поставленный на керосинку (примуса не было, как и электроплитки). Семёновна разожгла керосинку. Я велел Маркову выполоскать рот, хотя он и отнекивался:

– Какие там микробы, доктор! После водки во рту полная дезинфекция.

Наконец остудив на крышке стерилизатора инструменты, я велел охотнику прислониться спиной и затылком к стене. Он покорно выполнял распоряжения. В окно заглядывал любопытный тракторист, виделись рожицы ребятишек, как ни кышкала их Семёновна.

Иннокентий Васильевич держался стойко, только побряхтывал, пока я пытался не раз и не два захватить зуб плоскогубцами. Рабочая часть зубо-рачебных щипцов имеет для каждого зуба специальную форму, точно охватывающую коронку зуба. А плоскогубцы соскальзывали снова и снова, как только я сжимал их, чтобы ухватить зуб и вывихнуть его из лунки. Я чётко помнил последовательность действий, затвёрженную на студенческой скамье (в Пермском стоматинституте я был персональным стипендиатом): наложение-продвижение-фиксация-люксация-тракция. В душе я жалел, что согласился на такую «хирургию», и ждал, что больной прервет эту пытку и пошлёт меня ко всем чертям. Но он кряхтел, терпел и принялся даже подбадривать меня:

– Не подведи, врач, не подведи. Рви, чтоб его не было!

Провозились мы таким макаром не меньше часа. Охотник дважды отлучался, чтобы в магазине неподалеку добавить «обезболивающего». Лицо его покраснело, и хотя он продолжал послушно стоять у стены, но уже пошатывался. Я стал бояться, что он упадет.

Наконец, охватив зуб через марлевую салфеточку, мне удалось пошевелить его, после чего отвёрткой я вывихнул его из лунки. Пот тёк с меня ручьями. Окончательно обессилев, я опустился на стул. Марков подобрал выплюнутый с кровью зуб, осмотрел его, завернул в клочок газеты и спрятал в карман:

– Старухе покажу.

Он, уже изрядно опьяневший, долго благодарил меня. Всего через несколько часов я видел, как он твёрдой походкой поднимался на сопку по таёжной тропе.

Семёновна, с задумчивой улыбкой глядя ему вслед, промолвила:

– Пошёл, леший, своего медведя искать.

– Какого своего?

– А который ободрал его. Вам бы его самого расспросить. Может, и рассказал бы. Хотя не любит он про тот случай говорить.

– А вы знаете?

– Да как же! Лечился-то он у нас здесь. В то лето толкался он на лодке-берестянке вверх по Таюре, на покос пробирался, харч косцам вёз. Вы, поди, не

знаете, как по нашим речкам ездят? Они быстрые да мелкие. Лодки у охотников легкие, из бересты сшитые. Где потребуется, можно её на загорбок взвалить — и пошёл посуху. И не на веслах, а шестом толкаются. Конешное дело, идут рядом с берегом, где шест дно достает...

Я прервал старушку, сообщив, что уже видал, как по реке «заталкиваются» шестами на берестянках.

— Вот и заталкивался он выше да выше. И ни о чём таком не думал. Ружьишко-таки за спиной имел, но собаки взято не было. И вдруг, говорит, с рёвом рухнуло на него с обрыва что-то. Очутился в воде по колено. Место, понятно, неглубокое. Лодка перекинулась. Сам встал на ноги, глядь, а прямо перед ним пасть медвежья разинута. Да так близко: рукой достанешь. И рычит. Смотрит на него зверюга и уже обе лапы поднял, будто обнять хочет. Ухватил он из-за спины ружье, развернул его на грудь себе, да и курок вздернул и тут же нажал на спуск. Не прицеливаясь, просто в белый свет. ББАХ! Обычно у нас в сопках выстрелишь, а эхо долго ещё повторяет: Ах! Ах! Ах! Но тут он эха не слышал. Из памяти вышибло. Потому как неожиданность и удар медвежьей туши подействовали, стало быть. Однако упал-то он куда? Опять же в воду. Оклемался сразу от холодной воды, какую-нибудь секунду только и был без памяти. Поднялся, за нож хватился, а медведя и след простыл. Нигде нету. Откуда взялся и куда делся, неведомо.

Семёновна заулыбалась, я тоже невольно улыбнулся.

— И не поверил бы, говорит, что случилась такая история. Но как тут не поверишь! Смотрит, кровь с него течёт и воду красит. Провёл рукой по голове — что за чёрт? — уха не нашёл. Сам себе не верит, шарит ещё и ещё, аж на затылке ищет. Нет, правое на месте, а левого — как не бывало. Ну, рубаху на повязку изорвал, лодку выловил да и сплавился назад в деревню. Благо, близко было.

Вот и вся история. Лечился у Альбины Тимофеевны долгонько. Страсть смотреть было. Да вы и сами шрамы-то видели, где медведь когтистой лапой погладил.

Помолчав, старушка добавила:

— Другой охотник после такой оказии не только на медведя, а зарекся бы и в тайгу ходить. А этот: найду, говорит, этого хулигана, бандита. И ещё, говорит, этот медведь не иначе как сумасшедший. Ну, что ему надо было? Зачем набросился?

Мужики наши смеются: как, мол, ты его узнаешь, того самого? А Кеша на полном серьёзе отвечает:

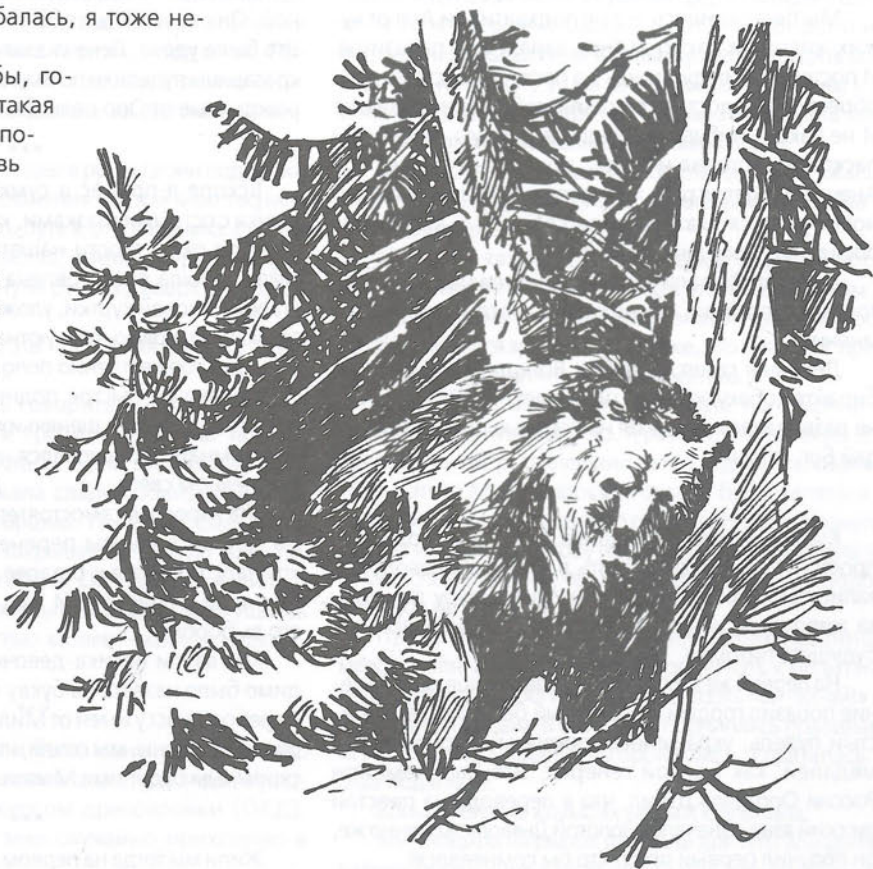
— Ещё бы не узнать! Я же его морду вплотную видел, хоть целуйся. Как зафотографированный он у меня в памяти, и глаза его дурные помню, и нос, и клыки.

— И верно, к своим девятнадцати медведям ещё трёх с того лета добавил. А всё не те, говорит. Ходит, «своего» ищет. Обидчика.

— Ну и человек! — воскликнул я.

— Да уж, у нас все такие, — с гордостью заявила старушка.

Тропка, уходившая в заросли кедрового стланника, была пустынна. Тайга уже приняла человека под своё крыло, — вдали синеватое, вблизи темно-зеленое, всё в золотинках осенних берез и осин, на много километров заметных среди хвои. И чудилось мне, что идут по тысячам таёжных тропинок суровые, сильные люди с милыми человеческими слабостями, с боязнью перед зубным врачом, но с бесстрашием перед пыткой плоскогубцами и перед медведями.

Валерий БУЛАНОВ,
фото автора

Говорящая собака Молли

Подрастала дочка Аня. Братика или сестрички у нее не было. На прогулках она с интересом наблюдала за живыми игрушками — кошками, собаками, тянулась к ним и даже пыталась подружиться.

Мы беспокоились — а не подхватит ли Аня от чужих животных какую-нибудь заразу или паразитов. И постепенно додумались до простой мысли — приобрести на радость всей семье собственную собаку. И не какого-нибудь людоеда, а добрую, веселую и ласковую, которая и стресс прекрасно снимет, и с Анечкой будет играть. А у дочки появится возможность учиться ухаживать за собакой и выполнять посильную домашнюю работу.

Долго выбирали породу, советовались со знаатоками, спорили, но никак не могли сойтись во мнениях.

Дельный совет дал врач Володя Вьюхин: «Выбирайте собаку, которая не линяет, чтобы у ребенка не развивалась аллергия на собачью шерсть или, не дай Бог, астма».

Купить желанного щенка было в те годы не просто. Надо было вступить в клуб собаководства, записаться в очередь, изучать литературу по уходу за животным, ходить на выставки и присматривать будущего питомца.

На первой же городской выставке наше воображение поразил гордый и осанистый большой серебристый пудель, украшенный тяжелым «иконостасом» медалей, как боевой генерал. Это был чемпион России Оро дель Дэвил, что в переводе на простой русский язык означало «Золотой Дьявол». Конечно же, он получил первый приз. Кто бы сомневался!

Пудель подходил нам по всем статьям: общите-

лен, весел, игрив, умен и, что особенно важно, не линяет. И вообще считается самой очеловеченной породой среди собак.

Познакомились с хозяйкой Дэвила Леной Музгиной. Она оказалась сестрой девочки из моего хора. Это была удача. Лена сказала, что недавно у черной красавицы пуделихи по имени Абби появились детки, рожденные от Оро дель Дэвила.

Вскоре я принес в сумке крошечного черного щенка с острыми глазками, которые с любопытством изучали окрестности нашего жилища. Для нового жильца была приготовлена роскошная лежанка из старой меховой куртки, уложенная в затененный угол за шкафом, прямо-таки уютная нора. Еще безмянно-го щенка торжественно положили на это ложе.

Однако он быстро поднялся, вцепился в куртку и, пятясь изо всех щенячьих сил, потащил ее через всю комнату. Обосновался новосел около пианино, на дневном свете.

Эта взрослая самостоятельность нас позабавила. На другой день мы перенесли лежанку в другую комнату, поближе к батарее. Но щенок снова перетянул ее к пианино. И нам пришлось смириться с его выбором.

Мы взяли песика-девочку. Весь помет необходимо было назвать на букву «М», — таково правило. Перебрав массу имен от Миледи и Матильды до Маруси и Матрены, мы сочли, что самым подходящим и скромным будет имя Молли. Так и назвали собачку.

Жили мы тогда на первом этаже. И нам было легко приучить Молли к туалету. Для этого было достаточно

подхватить ее под животик сразу после еды и быстро вынести на улицу. Собачка делала свое дело, после чего ее хвалили и гладили.

Очень скоро Молли сама стала подходить к выходу и скрести лапой дверь, открывайте, мол, скорее — иначе пожалеете.

Молли была очень деятельной натурой и, когда оставалась дома одна, не теряла времени даром. У собаки резались зубы, и она активно помогала им. Все тапки в доме были изгрызены до дыр. Пострадали мамины модельные туфли — Молли превратила их в мохнатые босоножки. Но особенно успешно она потрудилась над старинным немецким пианино, сплошь изукрашенным витиеватой резьбой. Собачка сочла все украшения архитектурным излишеством, и роскошные узорчатые ножки пианино, полированные черным лаком, со временем превратились в белые палки, покрытые занозами. Так, вероятно, выглядели ноги молодой Бабы-Яги, когда она явилась на свой первый бал.

«А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо!» — напевали хозяева, возвращаясь с работы домой и обнаруживая очередные сюрпризы, заточенные для них трудолюбивой помощницей.

Пятилетняя Аня и Молли прекрасно ладили между собой. Было много возни, игр в догонялки, прятки и счастливого визга. Однако Молли, подрастая, быстро почувствовала в Ане не хозяйку, а ровню себе. И даже пыталась верховодить в их детской «стае», быть вожаком.

Она уже в полгода, увидев в руках своей подружки мороженое, без тени сомнения настойчиво теснила ее в угол, чтобы отрезать путь к отступлению. Собака глаз не спускала с лакомства, а Аня, оберегая мороженое, изо всех сил тянула ручонку вверх. Но разве это высота для Молли!

Аня в слезы: «Мам, эта противная Молька опять съела мою мороженку!»

Маме приходилось говорить воровке строгим голосом «Ай-яй-яй!» и грозить пальцем. Та поджимала хвост и горбилась, всем видом выражая раскаяние, но продолжала сладко облизываться. А Аня получала новую порцию. Пока Аня смаковала свой пломбир, Молли закрывали в другую комнату. И тут уже негодовала собака. Она лаяла, скулила и настойчиво царапала закрытую дверь, возмущаясь дикой несправедливостью хозяев — кому-то лакомство, а кому-то арест.

Дрессировать Молли было одно удовольствие. Она с первого раза выполняла все команды, предусмотренные общим курсом дрессировки (ОКД), и многое другое, что мне случайно приходило в голову.

Охотно обучаясь на дрессировках, Молли, когда

пришла пора сдавать экзамены по ОКД, повела себя так, как будто главной ее целью было опозорить хозяина. Выполнив с блеском ряд команд, она вдруг теряла к экзамену всякий интерес и ложилась у моих ног. Это был намек комиссии, что хватит, игра ей надоела. Возможно, собаке передавалось волнение хозяина, который понимал, что экзаменуют не Молли, а дрессировщика.

Поэтому экзамен по ОКД Молли сдала только с третьего раза, и то на троечку. Я на дрессировках между экзаменами презрительно называл собаку хвостистой, но она на это имя не откликалась. Все описанное происходило позднее. А сейчас вернемся в счастливое детство собачонки.

За весну Молли подросла, научилась ходить на поводке и без поводка у левой ноги хозяина, освоила практически все команды, подаваемые голосом или жестами.

Была у нее любимая забава — валяться на мягкой свежевскопанной земле. Но однажды эта невинная забава чуть не нарушила мир в нашем доме. Солнечным майским утром к нам в квартиру ворвалась соседка тетя Зоя и, захлебываясь фонтанами слез, обрушила на нас лошадиную дозу праведного гнева: «Нет! Вы выйдите на улицу! (шмыг-шмыг носом). Вы выйдите и посмотрите! (шмыг-шмыг). Посмотрите, что ваша псина наделала с моей клумбой! Ведь я каждый цветочек бе-е-ережно (шмыг-шмыг) из зернышка на подоконнике вырастила. Я только успела засадить всю клумбу и на минуту ушла за лейкой (шмыг-шмыг). А теперь... Идите и смотрите! — грозно приказала тетя Зоя. — Смотрите на дела вашей мерзавки!»

Мы робко подчинились. Зрелище было ужасающее. Все цветочки были обломлены под корень и старательно втоптаны в землю.

Мерзавка каталась по клумбе, как паровой каток для уплотнения асфальта, и при этом с восторгом и фырканием дрыгала в воздухе лапами, задорно кося на собравшихся зрителей. Похоже, что она и нас пригласила присоединиться к ее веселью.

Надо было немедленно спасать положение и как-то задобрить тетю Зою. Я рывкнул на мерзкую собачонку, как тигр, заклеил ее последними словами. После этого Молли просто обязана была валяться у тети Зои в ногах и раскаянно скулить. Но она улизнула в кусты и, склонив голову набок, лукаво наблюдала за нами. Стало понятно, что хулиганка никаких выводов для себя не сделала.

Пришлось объяснить глупой собаке разницу между полянкой и клумбой и прибегнуть к испытанному приему — строгим голосом сказать «ай-яй-яй!» и погрозить пальцем. В ответ она, подчиняясь правилам игры, поджала хвост и, сгорбившись, спряталась с глаз подальше.

Больше она на клумбах не разбойничала.

Мы сходили на рынок и купили для тети Зои цветы взамен погубленных Молькой. А тетя Зоя насобирала на свалке громадную вязанку кольев, палок и прочих

таежных хворостин. Потом окружила клумбу таким густым частоколом, что на ней даже мышке не удалось бы поваляться. И цветник превратился в суровую крепость, ожидающую вражеского нашествия. Тетя Зоя же, сидя на кухне у открытого окна и подперев ладонью щеку, бросала умильные взгляды на свое цветочно-крепостное творение и читала внучонку про Дюймовочку и крота. А внучек с громким «бабах!» беспощадно расстреливал из пистолета всех прохожих.

Молли любила всех. И тетю Зою не меньше других.

Не прошло и недели, как в нашу квартиру ворвалась обезумевшая растерзанная женщина. Новые дорогие колготки изодраны в клочья, ноги исцарапаны, испачкана одежда. А в руках сетка-авоська, в которой гремят разбитые молочные бутылки.

Понятно, что напал на женщину маньяк, и надо было немедленно вызывать милицию. «Где он?» — крикнул я и схватил туристский топорик. Тетя Зоя не могла говорить и только махнула рукой во двор.

Во дворе чинно гуляли дети с мамами. Молли лакала молоко из ямки на асфальте, прекрасно зная, что приличной собаке это делать просто стыдно. Я рысью обежал дом. Маньяка нигде не было. Спросил у гуляющих мам, кто напал на тетю Зою. Их спокойный ответ меня не порадовал: «Молли ваша напала». Оказалось, тетя Зоя шла с покупками из магазина. Любвеобильная Молли с радостным визгом бросилась ей на грудь, облизала, исцарапала, порвала колготки и, в конце концов, уронила тетю Зою на землю. Рассыпались покупки, разбились бутылки с молоком.

Мы хотели напоить тетю Зою чаем и заглядить свою вину. Накапали ей корвалола. Лекарство она выпила, но от чая гордо отказалась и ушла к себе. Опять Молли ввела нас в расходы. Колготки-то в те годы, знаете, сколько стоили? Да еще нужно было их достать по блату. И за молоком в очередь надо было в шесть утра становиться. Так что любовь Молли к соседке осталась безответной.

В разгар жаркого лета я взял полугодовую Молли в чудесный пионерлагерь «Лесная сказка», где мы отдыхали и репетировали с нашим хором «Аврора» целую смену. Собачка на три недели перебралась из тесной городской квартиры на лесной простор на берегу речки. Красота и раздолье — действительно, сказка!

Молли, конечно, сразу стала общей любимицей — ласковая, любвеобильная собака. Все стремились принести Моляшке из столовой лакомый кусочек. И гладить ее, и гладить, и гладить...

Такое поведение хористов было предосудительным и в корне противоречило правилам воспитания породистой собаки, имеющей паспорт, богатую родословную и знаменитых родителей. У нее и кличка в паспорте была гордая — Молли дель Оро, Молли Зо-

лота. И даже заработана первая медаль «Образцово воспитанный щенок». С годами количество медалей добавлялось, но Молли их никогда не носила — очень скромная была.

Так вот, такого ранга собака ни в коем случае не должна была брать пищу из рук посторонних и позволять кому попало гладить себя. В моем присутствии и под моим строгим взглядом Молли гордо отвергала подачки. Но стоило отвернуться, как она охотно лопала предлагаемые хористами котлетки и кусочки курочки.

Такое двуличие меня, конечно, возмущало и заставляло подозревать, что среди Молькиных предков был, точно был «дворянин». Хотя к дворянкам я отношусь с большим уважением. Они умны, неприхотливы и сообразительны в отличие от некоторых изнеженных и капризных породистых задавак. И я твердо решил ограничить контакты собаки с окружающими.

Однажды утром Молли появилась с картонной табличкой на груди с надписью: «Об собаку руки не вытирать!» А внизу нарисован череп со скрещенными костями. Публика была недовольна, но приказ выполнила.

Однако уже вечером Молли явилась в корпус без грозного плаката — или сама сбросила, или коварные доброхоты помогли.

И все продолжилось — подачки, поглаживания и даже поцелуи. С этой стихией бороться было невозможно.

Молли считала себя непременно участником всех спортивных игр, но особенно увлекал ее бадминтон. Она, как маятник, носилась от одного игрока к другому, следуя за воланом. Если ей удавалось первой схватить этого летуна при падении на землю, то игра, естественно, заканчивалась. Молли с воланом в зубах убегала искать хозяина, чтобы вручить ему свою законную добычу. Пусть знает, что она недаром хлеб свой ест.

Вскоре в лагере был объявлен конкурс на лучшее представление. Наш отряд настолько увлекся этой идеей, что вместо проведения священных репетиций хора мы стали готовить маленький спектакль.

Нашим гостем и репетитором в «Лесной сказке» был мой коллега из Питера — композитор и дирижер Витя Огороднов. Вот с ним-то мы и готовили детективный сценарий с использованием подручного инвентаря и сторожевой собаки Молли. Реквизитом служили швабра и моя палатка-зонт с жестким каркасом. У палатки не было дна, и это обстоятельство весьма хитро использовалось постановщиками.

Прошли репетиции. Наступил торжественный день премьеры. По жребию мы выступали последними. Зал под открытым небом. Сцена настоящая, с кулисами, занавесом и задником, ряды для зрителей, вместо пола — травка. Отсутствуют только стены и

потолок, Зрителей — море, яблоку негде упасть. На сцене отряд сменяется отрядом.

И вот наступила наша очередь. Открылся занавес. На переднем плане Женя Ситников в роли сурового пограничника.левой рукой он мужественно сжимает швабру, т.е. винтовку. У его ноги сидит боевой пограничный пес по кличке Молли, на счету которого десятки задержанных нарушителей. Правую руку Женя держит козырьком, как Илья Муромец на картине Васнецова «Три богатыря», и зорко глядывается вдаль. За спиной Жени стоит палатка-зонт, у которой отсутствует дно. А всю сцену позади палатки занимает хор, исполняющий роль народа. И тут зрители чуть не сорвали весь спектакль. Из зала раздались голоса: «Молли! Молли! Ha! Ha! Ha!».

Молли забыла свою строгую роль боевого пограничника, с готовностью вскочила и, радостно завивая хвостом, попыталась прыгнуть со сцены. Ну, не шавка ли?

Но Женя был бдителен. Он успел схватить негодницу за ошейник и усадить на место. Началось представление. Народ тихо и угрожающе запел, чеканя каждое слово:

На границе тучи ходят хмуро,

Край суровый тишиной объят.

На высоких берегах Амура

Часовые Родины стоят!

Зрители даже не успели понять, каким образом действие перенеслось на Северный Урал, в пионерлагерь «Лесная сказка». Они были захвачены остротой сюжета. Оказалось, что пограничник стоит на посту около столовой и охраняет бачки с пищевыми отходами от посягательства вражеской разведки. Появляется начальник лагеря в женском платье (для исторической достоверности), но с бородой (лень было бриться) и обращается с патетическим призывом к зрителям: «Товарищи пионеры и комсомольцы! Вожатые и воспитатели! Повара и поварята! Будьте бдительны! Над нами нависла смертельная опасность! По агентурным данным, на территории вверенного мне пионерлагеря орудует завербованный вражеской разведкой рецидивист Витька по кличке Жёваный. Его цель — похитить бачок с пищеотходами для овладения рецептами советской кухни!».

Вдруг начальник поперхнулся и слегка остолбенел. Прямо на сцену откуда-то сверху прыгнул весь расписанный татуировками Витька Жёваный в рваных кедах и дико захохотал в лицо начальству. У того подкосились ноги.

Народ встревожено охнул: «Ох!» Сопрано испуганно пропищали: «Ёкэлэмэнэ?», альти ответили басовито нараспев: «Опэрэсэтэ!» И все растерялись.

Только пограничник не растерялся. Он вместе с собакой набросился на бандита, и они покатались по сцене. Тут и народ расхрабрился и кинулся на помощь. Этот мужественный народ схватил палатку и накрыл ею сцелившихся врагов и собаку.

В палатке происходило что-то ужасное. Она ходила ходуном и даже подпрыгивала. Внутри разда-

вались страшные вопли и лай. Народ метался между зрителями и палаткой и ждал исхода схватки.

Вдруг палатка успокоилась, затихла. Тогда народ высоко поднял ее и ужаснулся — под палаткой находился только раненый пограничник и безумно растолстевшая собака с громадным пузом. К тому же она плотоядно облизывалась.

А Витька Жёваный исчез. Остались на месте битвы только рваные кеды.

«Так восторжествовала справедливость!» — сказал бы классик. Представление завершил хор народа, исполнив песню из фильма «Трактористы»: «Наша дружба тверда, и врагу никогда не гулять по республикам нашим!».

Публика была в восторге, она хлопала, топала, свистела и вызывала на сцену пограничника Женю и бандита Витьку Жёваного, который для уголовника выглядел весьма интеллигентно — все-таки композитор, да еще и дирижер, хотя босой и разрисованный шариковой ручкой.

А Молли уже давно шаталась среди восторженных зрителей и пожинала вполне съедобные плоды своего артистического успеха. Правда, к тому моменту она уже снова сделалась худенькой.

Строгое жюри первый приз — автобусную экскурсию — присудило отряду, который представил нравоучительно-воспитательную пьесу о том, как завязалась дружба между пионерами и комсомольцами во время уборки лагеря. Сначала они ссорились, бросали мусор на территорию друг друга, а потом стали делать наоборот.

Нам достался приз зрительских симпатий. Жюри отметило наш артистизм, но в сценарии недоставало идейности, а были только хи-хи да ха-ха. Наш приз — тридцать одна порция мороженого: 30 для хористов и одна для Молли.

Жюри важно удалилось, но зрители не расходились. Они хотели знать, куда девался из палатки агент Жёваный и как Молли сумела мгновенно и немислимо растолстеть. Не надули же ее через соломинку, как лягушку.

Пришлось раскрыть театральные секреты. Пограничник Женя, наемник Витька и собака Молли снова были накрыты палаткой. Внутри начинается борьба и звучат вопли. В это время палатку убирают, и что же видит зритель: участники сценки орут, лают и размахивают кулаками. Одновременно они быстренно надевают на поджарую Молли толстый жилет черного цвета, вывернутый мехом наружу и свисающий с живота собаки до самой земли. Потом застегивают этот жилет на все пуговицы, не забыв засунуть в него заранее припасенную подушку. Получается карикатурное чудовище — громадный живот на тонких ножках.

Народ в это время недаром мечется между зрителями и палаткой, якобы переживая за исход борьбы. А на деле прикрывает, маскирует отступление Витьки Жёваного. А тот под шумок быстро сбрасывает кеды, приподнимает палатку со стороны задника и незаметно для публики благополучно бревнышком укатывается за этот самый задник.

Пограничнику Жене остается только густо намазать морду Молли шоколадным маслом и распластаться на полу, изображая израненного в борьбе героя. Именно в этот момент во время спектакля народ поднимает палатку, и зритель видит растолстевшую облизывающуюся Молли. Очень по вкусу ей пришелся наемник вражеской разведки.

Все исполнители успех нашего выступления написали, конечно же, в первую очередь Молли. Поэтому многие сладкоежки отказались от призового мороженого в ее пользу.

Вернувшись из «Лесной сказки» в город, мы с Витей Огородновым и Молли стали спешно собираться в водный поход по Чусовой. Я знал реку наизусть, но уж очень хотелось показать красавицу питерскому гостю. Целый год ждали этого события, мечтали, реку во сне видели.

О сборах в поход даже на две недели можно написать целый роман, но сейчас речь о Молли, поэтому опускаем сборы и сразу оказываемся на станции Коуровка. Бросок от электрички до берега, сборка байдарки, укладка снаряжения. Витя садится на переднее сидение матросом, я сзади — капитаном, а Молли в центре — юнгой.

Оттолкнулись от берега — о, священный миг! — и так начали молотить веслами, что волны от нашей лодочки бились пенно о берега.

Юнга Молли с любопытством вертела головой, обозревая проплывающие окрестности, и даже пробовала лапой воду, которая была, конечно же, живой и упруго струилась вдоль бортов.

Через часок экипаж, в охотку намахавшись, сбавил скорость, а юнга, налюбовавшись красотами реки и не обнаружив на берегах ничего съестного, свернулась на своей подстилке клубком и мирно уснула.

Проснувшись через час, собачка села, деловито осмотрелась, потом вдруг прошла по узкому борту байдарки на нос и решительно бросилась в воду. Мы начали оторопело табанить. Молли между тем доплыла вниз по течению до островка, вышла на него, отряхнулась и задумчиво присела, напружинив спинку... Потом повернулась к байдарке и приветливо замахала хвостом, призывая попутчиков захватить ее. Мы были восхищены благоразумием собачонки и с радостью приняли юнгу обратно на борт.

Вечером нашли подходящую полянку для привала. Все трудились в поте лица: я ставил палатку, обустроивал лагерь, Витя пошел за дровами, а Молли азартно ловила мышей, раскапывала их норы. Пробовал я отучить ее от этого занятия, ругал, стыдил — бесполезно. Охотница!

Охотилась она весьма артистично, совала свой нос в каждую норку и шумно втягивала воздух, определяя, дома ли хозяйка. И если начинала с остервенением копать, одновременно молотя хвостом, значит, хозяйка дома и можно зайти в гости. Частенько мыши

уходили от собаки боковыми ходами — отнорками. И Молли оставалась с носом.

Вдоволь наохотившись, Молли заходила в воду, долго и жадно лакала. Мне же после каждой охоты приходилось подолгу отмывать ее, разминая руками комя земли и глины, забившие ее густую кудрявую шерсть. Потом сушить охотницу полотенцем, чтобы она не замочила наши постели. Оставить собаку почивать на улице было бы жестоко. Ее бы просто загрызли комары.

В конце концов, мне надоели эти ежевечерние Моллины постирушки. И я решил использовать способности ее к дрессировке. Давно замечено, что, выходя из воды, собака первым делом старательно отряхивается. Наблюдаю за Молли. Вот она, накупавшись, выходит на берег и слегка приседает перед ритуалом. Звучит опережающая команда: «Отряхнись!». Собака, естественно, отряхивается, даже если бы и не было никакой команды. И сразу получает похвалу и какое-нибудь лакомство. Дважды повторять не надо — это для слабоумных. Конечно, я использовал новый навык в своих корыстных целях. Увидев, что Молли направляется после охоты к воде, я останавливал ее и несколько раз приказывал отряхнуться. От собаки во все стороны летели комья глины и земли. Отмывать ее стало значительно легче.

Уже в «Лесной сказке» Молли проявляла совсем не щенячью сообразительность. Участники хора постоянно донимали ее командами, которые собака послушно выполняла: ко мне, сидеть, лежать, стоять, рядом, голос, барьер, апорт и др. Андрей Бурлаков развлекался тем, что бросал в реку палку и кричал: «Апорт!» Молли послушно приносила палку к его ногам. Повторялось это многократно — бросок, команда, заплыв. И в какой-то момент собака сочла, что она уже хорошо и исправно выполняет команду.

Однажды в холодный ветреный день Андрей, гуляя по берегу с приятелями и Молли, бросил палку в воду и приказал: «Апорт!» Собака взглянула на лихого командира, укутанного в теплую куртку с капюшоном, видимо, желая спросить, все ли у него дома. Потом побежала вдогонку за уплывающей палкой, но вдруг схватила первый попавшийся под ноги совершенно сухой сук, валявшийся на берегу, принесла и положила его к ногам дрессировщика, чем вызвала бурный восторг честной компании.

У охотничьих собак излишняя сообразительность может считаться недостатком. Например, стая борзых гонит зверя. За ними поспевают верховые охотники. Вдруг одна из собак резко меняет направление и бежит чуть ли не в противоположную сторону. Именно она, своим собачьим умом вычислив траекторию движения зверя, раньше стаи перехватывает его, выскочив наперерез.

В таких случаях говорят: «Собака мастерит», то есть слишком умна, хитра. Гнать зверя положено только по следу, или по-зрячему. Иначе охота испорчена. Вот таких «мастеровых» собак, шибко умных, выбраковывают.

Молли была настоящей хитроумной бестией и «мастерила» при каждом удобном случае.

Витя Огороднов тоже любил забавляться «апортами». Молли не отлынивала от выполнения команд, но когда ей надоедала эта игра, она начинала «мастерить». Однажды, например, она не бросилась в воду за палкой, а побежала вниз по течению, села на выступающий в воду песчаный мыс и дождалась, когда течение поднесет палку к ее ногам, после чего принесла ее Вите с чувством выполненного долга. При этом честно смотрела в глаза и ожидала заработанного вознаграждения.

Однажды Молли нас крепко напугала. Шли мы жарким днем по глухому участку реки. И вдруг к своей радости попали в мощный узкий пережат, который несся вдоль самого левого берега. Радоваться было чему — байдарка имеет собственную прекрасную скорость, глубокий тягун делает эту скорость просто сумасшедшей. Экипаж в полном восторге! Слева на расстоянии вытянутой руки проносится берег, заросший совершенно непролазной колючей дур-

ниной, крапивой в рост человека и перепутанными кустами.

И вдруг Молли на полном ходу выпрыгивает на берег! Причем зацепилась только передними лапами, а задние ищут опору. Я попытался схватить беглянку, но при этом так накренил лодку, что едва не случился оверкиль. К счастью, Витя инстинктивно отклонился в противоположную сторону и спас лодку от переворота.

Поток утащил нас вниз по реке на добрых полкилометра прежде, чем мы сумели пойматься за песчаную отмель на середине реки.

Дальше на фоне полной растерянности экипажа возник извечный вопрос: «Что делать?» Собака потеряна в непролазной тайге. Левый берег труднодоступен и опасен — среди ям и скользких перекрещенных бревен, таящихся в кустах и крапиве, можно сломать не только руки-ноги, но и голову. Да и как добраться до берега через мощный поток, рискуя при этом байдаркой и снаряжением?

На всякий случай громко покричали: «Молли! Молли!» Да что толку? Собака далеко, поток грохочет.

Собачонке семь месяцев, глупая еще. Как она нас найдет? Зачем спрыгнула с лодки? Может быть, шорох в кустах услышала?

Вопросы, одни вопросы. И никаких ответов. Решили подождать полчаса и за это время попытаться придумать, как искать глупого щенка.

Время истекло. Мы так ничего и не придумали. А поток по-прежнему несся мимо нас и ослепительно сиял в лучах полуденного солнца.

Невесело оглянулись мы в ту сторону, где осталась собака, и... в сиянии потока мелькнула черная точка. Наверное, показалось? Нет, не показалось! Мелькнула еще раз, но уже ближе, ближе, ближе! Собаку тащит поток, она не сопротивляется ему, а только вертит головой из стороны в сторону, надеясь на встречу с хозяевами и боясь их пропустить.

Встреча была не только горячей, но и мокрой. Молли с плачем бросилась к нам, обоим страстно облизала и в пылу любви уронила в воду. Вот радости-то было! В проявлении чувств собачка наша не знала удержу.

Спасла ее собственная сообразительность, развита не по возрасту: Молли выбрала единственный правильный способ найти людей — не плутать в чаще, а броситься в воду.

К сожалению, известно много случаев, когда охотничьи собаки, которых хозяева не могли снять со следа зверя, терялись в лесу и, кто знает, наверное, погибали от мороза ли, от волчьих ли зубов, если не прибывались случайно к людям.

Окончился поход, завершились каникулы. Начались рабочие будни.

Когда я собирался на работу, Молли начинала волноваться, неотступно следовала за мной и просительно заглядывала в глаза: «Неужели ты оставишь

меня дома на целый день в одиночестве?». Я произносил: «Пошли!», и счастливая Молли неслась по двору впереди меня. При беге она так размахивала длинными ушами-крыльями, будто хотела взлететь.

Я постоянно бывал с собакой в присутственных местах и, конечно, на работе. Молли очень ценила мое общество и терпеливо ждала меня у входа там, куда с собаками не пускали. На работе моей Молли вносила элементы разрушения трудовой дисциплины, откликаясь на все приглашения и переходя из класса в класс. Не только дети, но и учителя забывали об уроке и начинали общаться с Молли.

Собака очень любила петь. Зайдя в класс на урок вокала, она садилась, поднимала кверху морду и присоединялась к ученице, подвывая ей. Удивительно, что Молли часто попадала в тон. Так они и пели дуэтом, пока я не уводил «певицу» в свой кабинет.

Но бывали дни, когда я не мог взять Молли с собой. И тогда вместо желанного: «Пошли!» собака слышала грустное слово: «Дома!» Она уходила из коридора в комнату и даже не провожала меня.

У нас была строгая договоренность с Молли — она не должна запрыгивать на постель или софу. Хватит с нее и ковра на полу. И это правило Молли неукоснительно выполняла.

Однако, когда я, возвращаясь домой, поворачивал ключ в двери, то непременно слышал характерный звук — соскок Молли с софы. Этой маленькой хитростью собака награждала себя за одиночество. А я делал вид, что ничего не замечаю. Молли клала голову мне на колени и закрывала глаза. Я гладил собачку, чесал за ушком. Молли блаженствовала, счастливо постанывала и, наверное, жалела, что не умеет мурлыкать.

* * *

Подражая человеческой мимике, Молли научилась улыбаться во всю пасть, поднимая верхнюю губу и счастливо мотая головой. Но ей хотелось больше — она мечтала о речи. И однажды... заговорила.

К нам зашла Лиля, хозяйка Моллиной матери, чтобы сделать стрижку Молли, подготовить ее к очередной выставке. Собака с радостью бросилась ей навстречу, явно пытаясь что-то сказать. Тогда Лиля властным жестом посадила ее и приказала: «Молли! Скажи: «Мама! Мама! Мама!». Молли напряженно слушала, молча шамкала пастью, шумно выдыхала и вдруг ясно вымолвила: «Ммама!». И тут же получила лакомство. Это был ее звездный час! Мы же молча стояли вокруг, позабыв закрыть рты.

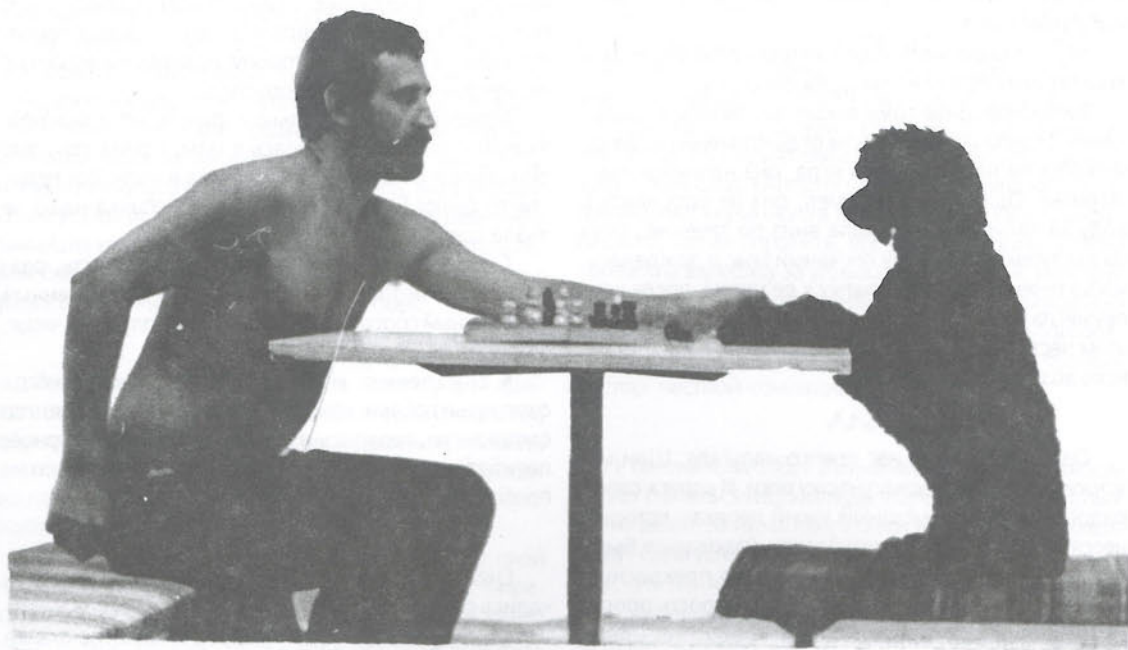
С тех пор Молли охотно говорила человеческим голосом и даже стала манипулировать нами, пользуясь своей речью. По утрам она будила хозяев тем, что лошадкой гарцевала по дому, постукивая когтями, и глубоким басом требовала: «Ммама! Мама!» Это была команда выдрессированным хозяевам: «Быстро давайте есть, иначе хуже будет!».

И хозяева, зевая, выпускали ее сначала на улицу для неотложных утренних дел, а потом кормили.

Я убеждал друзей, что Молли прекрасно понимает английский язык. И в доказательство произносил: «Молли, транслэйт ин ту рашн — мадэ», т.е. «Молли, переведи на русский язык слово «мама». Собака садилась и гордо чеканила ответ.

Известно, что многие собаки умеют произносить слово «мама». Но с этим словом именно Молли попала в радиопередачу.

Однажды в дом пришел репортер Свердловского радио, записал интервью с дочкой Аней и голос Мол-

Молли (Свердловск) против Вити Огороднова (Ленинград)

ли, которая на чистейшем русском языке несколько раз произнесла любимое слово. Другие слова ей не удавались, как она ни старалась.

Радиопередача о говорящей собаке имела такой успех, что ее несколько раз пускали в эфир.

В слякотное мартовское воскресенье возвращалась наша семья с загородной прогулки. На вокзале пересели с электрички в переполненный автобус и покатали в сторону дома. В автобусе мы сразу потеряли Молли из виду — такая была толчея. Она, скорее всего, продралась сквозь частокол ног в середину автобуса и нашла себе местечко где-нибудь в уголке, чтобы лапы не обступали.

Подъезжая к остановке «Оперный театр», окликали собаку. Она не подошла к нам, хотя в автобусе стало попросторнее. А пассажиры подсказали, что черный пудель выскочил из автобуса на предыдущей остановке вслед за людьми с рюкзаками.

Я галопом вернулся на остановку «Кафе «Киев» и начал расспрашивать ожидающих транспорт о Молли. Мнения разошлись. Кто-то сказал, что собака только что запрыгнула в автобус, идущий в Юго-Западный район. Кто-то — что убежала за туристами, а кто-то вообще собак в жизни не видел.

Начало темнеть. Подмораживало. Я наивно бросился в милицию, благо, Кировский райотдел рядом. Обратился к дежурному лейтенанту: так и так, пропала собака. А поблизости на пустыре у кинотеатра «Космос» в зарослях живет одичавшая свирепая стая, которая чужих псов рвет и даже на людей нападает. А моя Молли заблудилась, может запросто и под колеса попасть, и на еду дикой стае угодить.

Тут случилось неслыханное. Выслушав мои сбивчивые объяснения, дежурный подозвал милиционера и произнес: «Коля, садись за руль, помоги человеку собаку найти». И мы покатали. Объехали центр, побывали в зарослях на пустыре, обшарили набережную, прилегающие улочки. Собаки не было.

Стемнело окончательно. Я долго тряс Коле руку, настойчиво доказывал, что он и лейтенант — настоящие милиционеры, что это звучит гордо! Потом трамвайчиком поехал домой. А вдруг она уже там?

Никаких «вдруг» не случилось. Дома находились только растерянные жена и дочка.

В те годы не было ни газетных, ни радио-объявлений о потерянных и найденных животных. Обращаться за помощью было некуда.

Все-таки мы сошлись на том, что Молли уехала на автобусе в Юго-Западный район, где она никогда не бывала. Город огромный, а Юго-Запад — далекая окраина, не в обиду его жителям будь сказано.

Молли хорошо знала дорогу из центра, где потерялась, домой. Не раз со мной проходила этот путь пешком. Он занял бы у нее не более часа. Самая большая опасность для домашней собаки — машины, которых она и не думала бояться, шествуя рядом с хо-

зяном. Решили утром ехать в Пудель-клуб и повесить объявление о пропавшей собаке. Хотя, что толку?

А сейчас уже полночь, на улице лужи покрылись льдом, летит последний снег. Пора спать.

Засыпали долго, вздыхали, ворочались, ждали каких-то чудес. Я спал вполуха.

В три часа ночи под окном раздался торопливый стук когтей по ледяной корке. Не поверив своим ушам, я, на всякий случай, открыл входную дверь. В комнату ворвалось чудовище, состоящее из одних комков заледеневшей грязи, и с плачем бросилось в объятия хозяев. Аня с Мариной тоже плакали. И даже у меня першило в горле.

Вдоволь наобнимавшись, набрали в ванну теплой воды. Собаку отмыли, обогрели и накормили любимой докторской колбасой по два девяносто, после чего бедняга обессилено упала на свою лежанку. Но и во сне, лежа на боку, Молли продолжала скулить, влзлаивать и дергать лапами. Она бежала и бежала, искала в огромном городе среди тысяч безликих «хрущевок» свою, родную.

Происходило это в то время, когда хозяйки еще сушили белье на веревках во дворе и оно приобрело восхитительный запах свежего ветра.

Собак по неотложной надобности тоже выпускали на улицу без присмотра. И мы поступали так же. Двор наш был тих и малолюднен.

Собака повзрослела, она научилась скромно выражать свои чувства, не пачкала одежду лапами и не облизывала лица тех, кого горячо любила. При встрече с ними просто улыбалась во всю пасть и счастливо поскуливала. На мороженое Ани она больше не покушалась, признав ее главенство.

Гуляла Молли ежедневно часами, поскольку сопровождала меня всюду и гордо вышагивала у левой ноги.

Если я не мог взять собаку с собой, уделял ей время до завтрака. При слове «гулять» Молли хватала в зубы мячик и подбегала к двери, дрожа от нетерпения. Она летала по пустырю за брошенным мячиком со скоростью пули, наматывая километры, брала двухметровый барьер, охотно выполняла любые команды.

Потом Молли приглашала меня сыграть в страшилки. Инициатива всегда исходила от нее. Собака принимала позу бегуна при низком старте и злобно рычала, отбрасывая задними лапами песок и мелкие камешки. Я принимал вызов, выставлял руки со скрюченными пальцами, надвигаясь на нее с ответным рычанием. Молли черной фурией бросалась на меня, хватала кисть руки и трепала ее как тряпку, не причиняя при этом ни малейшей боли. А со стороны могло показаться, что собака жестоко покалечила хозяина. По окончании поединка мы с Молли обнимались и шли домой завтракать.

Молли была исключительно мирным существом,

от ее зубов никто не пострадал, она даже с собаками избегала ссор, хотя умела прикинуться опасным зверем. На звонок в дверь нашей квартиры отвечала хриплым низким рыком. Можно было подумать, что гостя в квартире ждет волкодав.

По заказу Пудель-клуба Молли познакомили с красивым коричневым женихом. Необходимо было продолжить род. В положенный срок она принесла двух черных и двух коричневых щенков.

Когда появился первый, собака от пережитого потрясения взяла его в зубы и начала бегать по комнатам в поисках надежного укрытия для своего сокровища. Потом Молли успокоили и уложили на место. Следующих щенков она уже просто заботливо облизывала.

За время кормления собака заметно похудела. А в конце даже стала пренебрегать материнскими обязанностями. Уйдет из дома и возвращается через час-два, пропустив очередное кормление.

Через месяц ее подросших детей разобрали очередники из Пудель-клуба. А хозяева Молли на собственном опыте убедились, чего стоит вырастить новорожденных щенков и при этом соблюсти чистоту в квартире.

Каждое лето Молли с хозяевами отправлялась в водный поход.

Золотые денечки! Собака буквально купалась в своих охотничьих радостях. Мышковать ей помогала Аня. Когда Молли начинала азартно раскапывать нору, Аня предусмотрительно забивала каблуком отнорки.

Но верхом счастья для собаки была охота на уток. Сидя в лодке, она внимательно наблюдала за происходящим вокруг. И вдруг на полном ходу, как сжатая пружина, молнией выпрыгивала в камыши, описав в воздухе длинную черную дугу. Из камышей с заполосными воплями поднимался табунок уток и, панически частя крыльями, уносился вдаль. Молли вплавь гналась за ним. Утки давно скрылись из виду, но охотница упорно продолжала погоню.

Ее утиная охота ни разу не увенчалась успехом. Преуспела она только в кошачьем ремесле — ловле грызунов.

Перед сном Молли насухо вытирали ее персональным полотенцем, а на ночь укрывали штормовкой, из-под которой она не высовывала носа до утра — на дворе стоял август, пахло осенью.

Могла случиться в биографии Молли еще одна охотничья история. Но не случилась. К счастью.

Шли мы по Сылве. Дело было в августе. Теплым солнечным вечером устроили привал, отмахав от села Платоново километров десять. Это была поляна на левом берегу, эдакий полукруг радиусом в 40–50 метров, окаймленный молодым ельником. И за ним

глухой лес. Байдарку оставили у кромки воды и даже не стали защищать от ночного дождя. Рядом поставили палатку-зонтик.

На опушке было вдоволь дров, высохших добела звонких сосновых бревешек, которые я с охотой перенес к палатке. Сами не сожжем — другим пригодятся.

Стемнело. Легли спать. Я по старой привычке сунул в карман кусок бересты и зажигалку. Под утро раздался далекий рев. Я посветил на часы — времени три сорок утра. На испуганный вопрос Марины ответил, что орет заблудившийся бык. Через пять минут рев повторился, но гораздо ближе. И через некоторое время — еще ближе. С низовьев к нашему лагерю берегом шел хозяин и орал о своих правах на всю тайгу.

Пришлось сказать правду Марине — приближается медведь. Запалили бересту и при ее свете быстро вышли из палатки, закрыв молнию. К счастью, в костровище оставалось много тлеющих углей, и костер вспыхнул без промедления.

Дальше включили шумовую завесу — пели, кричали, стучали дюралевыми веслами, обухом топора по звонкому сосновому бревну. Костер раскочегарили знатный, благо, топливо запасено. В общем, изображали бригаду шумных бесстрашных лесорубов, для которых что медведь, что заяц — все едино.

Медведь ходил по ельнику вдоль поляны и угрожающе ревел. Он не показывался на глаза. Мы только видели несколько раз, как вздрагивали елки, освещенные пламенем костра.

Иногда зверь замолкал. Теплилась надежда — ушел. Наступала сторожкая тишина, только костер трещал. И вдруг как обухом — гневный рев совсем близко. Мороз по коже. Но испугаться нельзя, не до страха. В палатке ребенок. Да и себя жалко. И мы с новой силой включали шумовую завесу. Осада продолжалась три часа.

Наконец рассвело. Дрова заканчивались. Времени полвосьмого утра. Воспользовавшись очередной медвежьей паузой и не переставая орать, столкнули байдарку на воду, побросали в нее снаряжение комом, погрузились всей семьей и ударили по веслам. Это был незафиксированный рекорд скорости. Только через два часа мы бросили грести и в изнеможении провалились в сон, едва причалив лодку к правому берегу.

А что же делала Молли во время шумного шествия на наш лагерь? Она тихо лежала в палатке и ничем не выдавала своего присутствия. Я больше всего боялся, что она выскочит наружу и начнет облаивать медведя. Или еще хуже — бросится с угрозой в его сторону. И тогда уж точно спровоцирует нападение зверя, на «хвосте» в лагерь притащит.

К счастью, Молли ничего подобного не совершила. Она вела себя самым подобающим образом. А Аня вообще крепко спала, хотя и говорит, что все слышала.

Вот такая у Молли могла случиться «охота».

Молли исполнилось десять лет. Страна содрогалась в затаившемся кризисе перемен. Опустели полки магазинов, была введена карточная система. Все было по карточкам, от сахара до мыла. Простыни тоже продавали по карточкам, и белье уже не сушили во дворе — его унесли бы вместе с веревкой. Жили в тревоге, старались засветло возвращаться домой. На улицах случалась стрельба. Люди отгородились от внешнего мира стальными дверями и решетками.

Появились бродяги, бездомные, обитавшие в подвалах, теплотрассах, на чердаках. Питались они из мусорных бачков, не брезговали голубями, собаками и даже кошками.

А мы своих привычек не изменили, продолжая в утренней спешке выпускать Молли на несколько минут в наш тихий двор. Она всегда быстро возвращалась — дома ждал завтрак.

В городе открылось множество вещевых рынков. Среди торговцев преобладали китайцы. Китай к тому времени справился с затяжным кризисом и сумел накормить миллиардное население. У них был снят многолетний запрет на содержание собак, введенный в свое время из-за нехватки продовольствия.

Породистые собаки и у нас не часто встречались и стоили дорого. Предприимчивые китайцы быстро сообразили, что собачий бизнес — золотое дно, рынок на родине необъятный, спрос огромный.

И китайцы начали охоту на собак. Если трудно купить, можно применить иные способы. Один из них — собак приманивать, накапливать в тайных местах, выправлять на каждую фальшивый паспорт и группами переправлять в Китай.

Одна из центральных газет в то время поведала о случае в Сибири. В областном центре были задержаны две фуры, заполненные дорогими собаками и у каждой — новенький паспорт. А обезвредили воров не доблестные органы, а фанат-одиночка, хозяин потерянного дога. Он выследил собачьих предпринимателей и навел на них таможенников. Собаки были спасены и возвращены хозяевам.

Однажды Молли не вернулась с утренней прогулки. Долго искали, обшарили весь район, развешивали объявления, надеялись, обещали любое вознаграждение.

В ответ — тишина...

Оставалось нам проклинать свою беспечность и утешаться горькой надеждой, что собака попала в руки не бродяг, а китайцев.

Наша Молли потерялась навсегда.

Валерий Буланов — директор Детской хоровой школы №1, художественный руководитель Классик-хора «Аврора», лауреат международных конкурсов, заслуженный деятель искусств РФ.

Живет в Екатеринбурге.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы
для биобиблиографического словаря)

Б

БЕКЕТОВА Мария Андреевна (1862 — 1938), переводчица, мемуаристка, авт. популярных книг для детей.

Дочь Е.Г.Бекетовой (см), тетка А.А.Блока, первый биограф поэта. Под влиянием Л.Н.Толстого увлеклась мыслью писать и переводить для народа. Она выпускает сокр. переводы Ж.Верна, Э.Лабуле, Д.Дефо и др.; пишет популярные биографии и очерки об Англии, Шотландии, Ирландии, сотрудничает в дет. журналах. Одна из ее биографий (Г.Х.Андерсена) вышла в павленковской серии «ЖЗЛ». Это была первая в России книжка об Андерсене. Как переводчик Б. много переводит с польского, а также произведения франц. и немец. авторов. Десять лет Б. вела дневник, подробно характеризующий семейный быт А.А.Блока (опубл. пока только в извлечениях). После смерти Блока она пишет биогр. очерк о нем и воспоминания — важнейшие источники для биографии поэта, особенно его детских и юношеских лет, характеристики его окружения. Сохраняют значение и ее статьи о Блоке. В сов. годы продолжала писать для детей («Твоя книжка» — 1925). О ней: Лоцинская Н.В. Блок и его родные. Последние годы. По архивным материалам. \ \ «Новый мир», 1980. № 11; Дубянская М. Закат на Лоцманском острове. \ \ «Аврора», 1976. № 12; Павлович Н. Воспоминания об А.Блоке. \ \ «Прометей», т.11. С.219-253.

Русские писатели (портр); КЛЭ; ИДРДВ. Т.5. Ч.1. № 1089-1093;

БЕКЕТОВА Наталья Алексеевна, издательница.

Издавала журн. «Что и как читать детям» (1913). Венгеров. Источ.

БЕКЕТОВА Софья (псевд.; наст. имя Ходасевич Анна Ивановна), писательница.

Член Московского об-ва драматич. писателей. Уч. в сб. «Крематорий здравомыслия». Вып. 3-4. М., 1913 и в «Еврейской антологии: Сб. молодой еврейской поэзии». Под ред. В.Ф.Ходасевича и Л.Б.Яффе. М., [1918] — С.Бекетова.

Масанов; Розанов.

БЕККЕР Мария Александровна, писательница.

Выступала в печати в 1850-х гг. Венгеров. Источ.

БЕКЛЕМИШЕВА Вера Евгеньевна (в замуж. Копельман; 1881 — 1944, по др. свед — 1941), писательница, авт. воспоминаний.

Мать писателя Ю.С.Крымова. Сotr. в альм. «Шиповник» и др. изданиях. «Реквием: Сб. памяти Леонида Андреева». М., 1930. Авт. пьес: «Принц и нищий» (По Марку Твену) СПб., 1912; «Великие кануны» М.-Л., 1928. «Встречи» \ \ Книги; Архивы; Автографы. М., 1973. С.44-56. — В ст. Заборова Р.Б. Новое об Александре Блоке.; Отрывок из восп. «Лит. встречи с А.М.Горьким» \ \ ЛН. 1965. Т.72. С..592-593; «Леонид Андреев» (1907-1918), воспом. — РГБ ОР. Ф..218. № 1268.1. В личном архивном фонде в ЦГАЛИ хран. рук. Б.: «Царевна на час» (1919), «Посылка» (1934), ром. «Рубеж», пьеса «Дни испытаний».

ИДРДВ. Т.5. Ч.1. № 1094, 1190; ВД. Указ. рук (указ. имен); РНБ.

(Продолжение на стр. 73)

АКИНФИЕВСКИЙ ВАРИАНТ

В нашей области продолжается библиотечный марафон под девизом «Подари селу прочитанную книгу». На этот раз его инициаторы — Содружество павленковских библиотек, редакция журнала «Уральский следопыт» и областной филиал федеральной почтовой службы — передали книжные дарения горожан библиотеке села Акинфиево Нижнесалдинского городского округа.

Про село Акинфиево на речке Талой живет-бытует такая вот легенда. Будто бы еще в глухую крепостную пору заводчик Акинфий Демидов — один из самых удачливых и деятельных в знаменитой династии — выиграл в карты деревеньку на Украине и всех ее обитателей хохом перевез на свою уральскую невьянскую вотчину. Говорят, что малороссийский говор долго держался в этой округе. Так ли было — кто знает? Молва ведь и приврет, так не дорого возьмет. Собственно салдинские-то заводы — молотовые и доменный, нижний и верхний — были построены не Акинфием, а его младшим сыном Никитой задолго после смерти отца.

Другой, более поздний, источник, «Словарь Верхотурского уезда», составленный в начале XX века географом и краеведом И.Я.Кривошековым, связывает возникновение села тоже с каким-то Демидовым, но утверждает, что первопоселенцами его были не украинцы, а туляки, «народ трудолюбивый и весьма зажиточный».

Основным занятием населения, как поначалу, так и к XX веку, были так называемые подзаводские работы: заготовка леса и древесного угля, корчевка пней и вязка сучьев и доставка всей этой добычи на ближний к селу Нижнесалдинский металлургический завод.

Кроме подзаводских работ занимались акинфиевцы земледелием, растили пшеницу и рожь, держали скот. К началу столетия село процветало: стояли две православные церкви — кирпичная и деревянная, земское училище, пять торговых лавок. Никто без дела не сидел: работал в селе еще кирпичный заводик, четыре кузницы ухали, два сапожника обували селян, а упряжь для лошадей и прочую кожаную надобность удовлетворял свой, акинфиевский шорник.

Одним словом, самодостаточным гляделось село. Было в нем тогда 218 дворов и более 1100 непраздных обитателей. То есть в среднем по пять человек под одной крышей.

И не случайно, когда дошли до уездного земства слухи о благотворительном завещании столичного издателя Павленкова, то сельское общество изъявило непереносимое желание обзавестись бесплатной народной библиотекой. Книга для трудолюбивого и зажиточного селянина — это тот же обиходный инструмент. А на инструмент доброму хозяину кошелек не жалко.

Так и появилась в 1907 году при здешнем земском училище первая акинфиевская библиотека, сразу получившая имя столичного благодетеля, подарившего несколько сотен книг для начала сельской читальни. Потом земство пополнило книжный фонд своими, т.е. народными средствами.

Ныне село Акинфиево (Талое) — одно из немногих населенных пунктов Нижнесалдинского городского округа Свердловской области, выстоявших и застоявшихся свое место под солнцем после бесчисленных советско-рыночных мытарств и экспериментов. Здесь живет и работает АОО совхоз «Акинфиевский», сохранилась и культурно-образо-

вательная инфраструктура. И библиотека — Акинфиевская павленковская — была не из последних «якорей», державших село на плаву всю его вековую непогоду — в будущем 2007-м исполнится ей сто лет.

Даже теперь, в критическое для села время, когда осталось в нем 280 жителей, 160 из них — читатели библиотеки, и в минувшем 2005-м году они пять тысяч раз посетили павленковскую.

И тут я должен выдать маленький акинфиевский секрет: здешняя павленковская живет и здравствует под одной крышей со школой, одинаково охотно и радушно приютившая и детей, и взрослых, и пенсионеров. Книжный фонд школьной библиотеки (в ее девяти классах осталось всего 35 учащихся) соседствует с фондом сельской и вместе они составляют на сегодняшний день 8 тыс. томов. В обнимку им вполне комфортно жить: стеллажи пополняются хоть и малыми дозами, но из двух источников. Областное министерство образования, издающее много учебной и научно-популярной литературы, не обходит вниманием акинфиевскую сельско-школьную, и министерство культуры то и дело радует поэтическими, справочными и краеведческими новинками. Предприимчивые Акинфий и сын его Никита несомненно одобрили бы находчивость своих земляков, да и Павленков — тоже: ведь его сельские читальни на заре их существования обитали, как правило, в земских училищах рука об руку со школьными, пока высокопосаженный чиновник не наложил тяжелую руку.

Но видели бы вы, как были рады работники Нижнесалдинской центральной городской библиотеки, когда добралась до них миновав 200-километровый путь наша Газель, доверху набитая книжками-дарениями екатеринбуржцев! И книги ни какие-нибудь — на тебе, боже, что нам не гоже — а добротные: годами их хранили городские книгочеи в личных собраниях. Но, видно, минуло время таких семейных библиотек — акцент сместился на более рациональное отношение к книге. Пессимист бы покривился, мол, кроме баксов, телека и одноразового чтива, горожанам ничего теперь не надо. А оптимист сказал бы так: прочитал хорошую книгу, обогатился знаниями и эмоциями — не сиди на ней, подари тому, кто ее не имеет, прежде всего сельской библиотеке — не дай свече погаснуть.

Вот сейчас появится в печати эта заметка, и сразу ухватаются звонки в редакцию журнала «Уральский следопыт» (257-45-01): «Я чемодан собрала», «мы две коробки приготовили», «у меня столько набралось, что одним рейсом вашей легковушки не взять». Конечно, опять позвонят из библиотеки им. Радищева — это наш давний поставщик дарений химмашевских книгочеев, внесут свой неизменный вклад издательства «Сократ» и ПАКРУС, поделится новинками «Банк культурной информации». Потянутся с книжными авоськами читатели и авторы журнала... Только успевай записывать адреса. Можно сказать, что екатеринбургское книжное море вышло из городских берегов и «угрожает» даже самым отдаленным сельским павленковским. Следующим конечным пунктом книжной Газели областной УФС будет деревня Маслова Серовского района, до которой больше 300 километров «киселя хлебать». Там тоже трудно живет павленковская библиотека со столетним уже стажем.

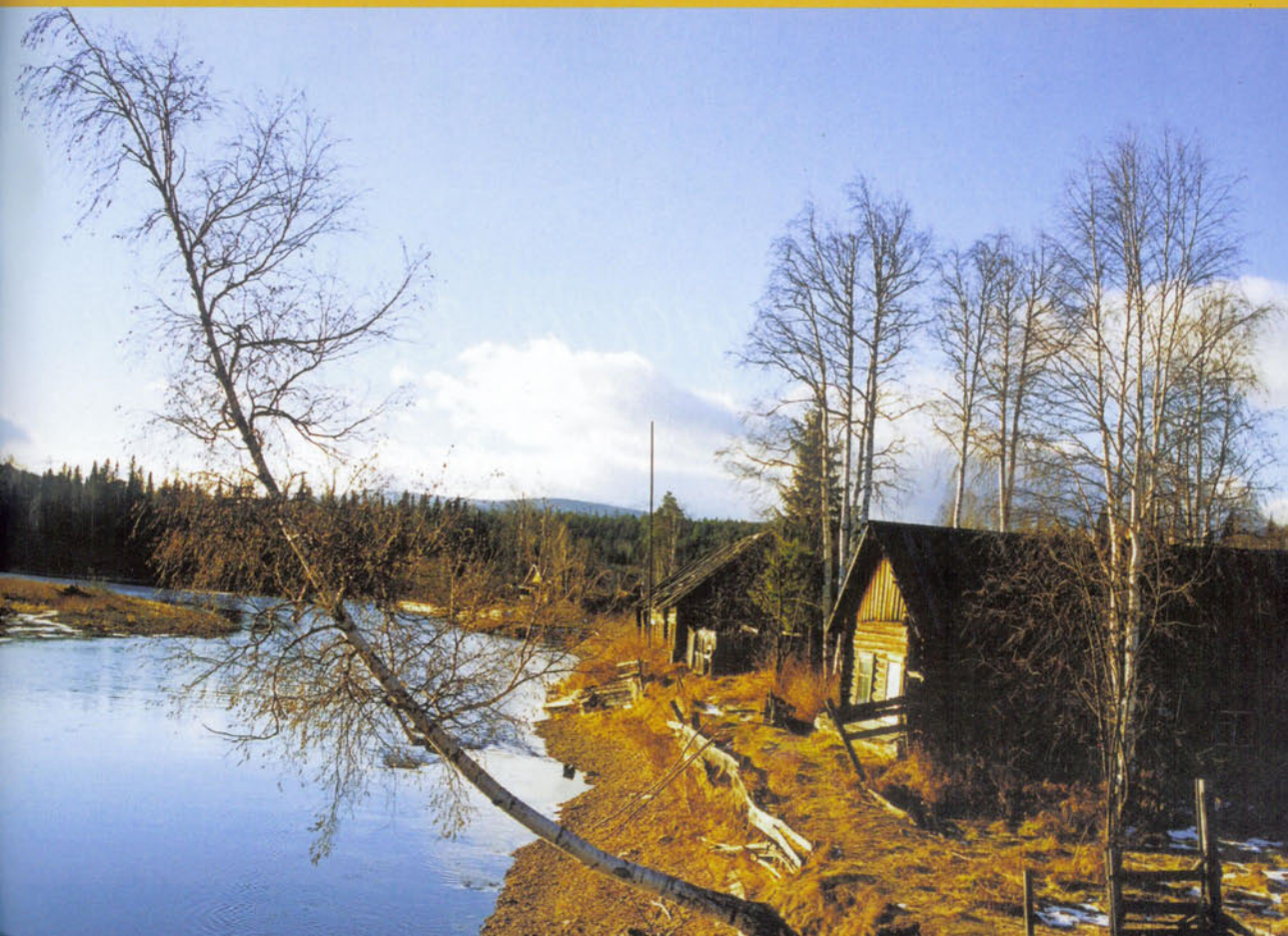
УШМА

В объективе — Урал

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Фоторепортаж Виктора БАЙДУКОВА

Радий ТИХОНОВ,
мастер спорта по туризму, заслуженный путешественник России

НИЖНЕСЕРТИНСКИЕ ЗАРИСОВКИ

Может быть, с этого все и пошло... Нижние Серги, большой пруд (длина около 12 км), своя лодка. Дом наш стоял на Песках, высоко на скалах. Под скалами хорошо было ловить раков на удочки или сетки. В войну раки, молодая крапива (ее много росло на скалах), плотва, которую ловили на немудрящую удочку — все это было подспорьем к тому, что получали по карточкам.

После войны были большие пожары. Ближние леса сильно выгорели. Участки для рубки леса на дрова отводили в верховьях пруда. Дрова к дому весной перегоняли плотом — отец тянул плот берегом, мы с матерью отталкивались шестами от берега, подводных камней и затонувших коряг. В пятидесятых годах с отцом в сентябре били острогой щуку в верховьях Бардыма или налима в верховьях Демида. С друзьями «лучили» с лодки раков. Ночью жгли смолье в «фонаре», при его свете раков ловили руками и бросали в лодку. Зимой ловил петлями зайцев, километрах в 6 — 8 от жилья на вырубках. Ходил за добычей вечером, после второй смены в школе.

В 1950 году с двоюродным братом сплавились на плоту из двух бревен (рюкзаки висели на мачте) по реке Деמיד.

Вот так и пошло...

ТУМАН

Конец августа — начало сентября. Отправились на лодке ловить раков. Сначала уплыли на Большой затон, потом решили двинуть на Пчельню. Было уже довольно поздно, часов около двух ночи. Сначала двинулись на соседний залив — Лънице, известное своими холодными ключами. В залив впадала холодная речушка, можно сказать, ручеек. Раков там не оказалось. Стали плыть мимо Сычевой городьбы, мимо устьев речек Бабушкиной и Стариковки — добрались на Пчельню, это почти в верховьях Нижнесергинского пруда.

Для ловли раков руками требуется «фонарь» в виде плетеной корзинки с крупными ячейками на держаке — сырой ольховой рогатине, для освещения горящим «смольем», расколотыми смоляными сосновыми пнями. «Смолье» еще надо было разыскать и нарубить, чем и занялись, поднявшись на крутой глинистый берег, разыскивая смоляные пеньки в густой траве, в полной темноте. Во время заготовки «смоля» стали свидетелями охоты лисы на зайца. Наш шум заставил лису ускорить процесс, и мы еле различили бросок лисы в траве и услышали затем громкое верещание зайца. Лиса подхватила добычу и под наши крики и свист побежала напролом по густой, спутанной при наших поисках траве.

Нарубили «смоля», спустились к воде, разожгли «фонарь» и принялись ловить. Один лежит на носу лодки, рядом с ним «фонарь» горит, рассыпая искры, освещая дно на глубину вытянутой руки. Раки, попадая в освещенное пространство, несколько теряются, начинают крутиться на месте. Тогда их берешь рукой со стороны хвоста (это для того, чтобы рак не убежал, они ловко плавают хвостом вперед) и бросаешь в лодку. Напарник (часто у меня напарником был Володя, мой двоюродный брат) сидит на корме лодки и отталкивает ее от камней и коряг. Если попадают участки высокой травы в воде, раки гирляндами висят на ней, подстерегая рыбешку. В этом случае их ухватить с хвоста довольно затруднительно: они нередко цепляются за пальцы клешнями, просекая их до крови.

Время подвигается к половине пятого утра. С ложек ползут редкие холодные клочья тумана. Мы выплыли на острова, ловить раков по траве и не заметили, как туман скопился, закрыв и острова и берега пруда. Слой тумана был не толстый, но ориентиры мы потеряли. Единственным ориентиром оставалось созвездие Большой Медведицы, еще видимое на небе сквозь пелену тумана. Пытаясь ориентироваться, мы уплыли в обратную сторону от Пчельни и ткнулись в берег только на другой стороне пруда; у Плоского Камня (по прямой это около двух километров). К этому времени мы достаточно продрогли и вымокли от туманной росы. Из остатков «смоля» и плавника соорудили костер, обогрелись и поели. Через пару часов туман

ушел длинными редкими полосами, открылась перспектива и панорама берегов. Взошло солнце и «съело» туман. Наша добыча составила мешок раков — около 600 штук. Довольные, мы догребли до Загорной и возвратились домой, получив нагоняй от родителей (почему не сказали, куда поплыли?). Однако добыча того стоила.

САКАТЬ ПЛОТВУ

Какого цвета, вернее, оттенка вода ранним утром, в начале июня, когда робкий туман с ее поверхности истаян лучами восходящего солнца, спугнут пением различных птиц, потрескиванием оживленного костерка.

Оттенок воды: глубокая легкая зеленоватость чуть дышащей под слабыми порывами утреннего ветерка поверхности водного зеркала. Сквозь толщу этой мерной волнующейся массы великолепно видно дно и мелкие косяки нерестающей плотвы, движущейся в бликах солнечных лучей, отраженных внутренней поверхностью спокойно колышущейся воды.

Мы приехали в лодке на отмель перед скалами Пчельни. Уже нарубили несколько мохнатых пихт и положили их в воду, придавив вершины крупными камнями, принесенными от скал и собранными на берегу. Пихты уложены на расстоянии 2—3 метров друг от друга, образуя ряд мелких бухточек, в которых уже слышны всплески и бульканье плотвы, сбрасывающей икру. Можно приступать к ловле саком.

Сак — плетенный в виде сетки клинообразный мешок, посаженный на древке длиной 4—5 метров и 1—1,5 метра в поперечину, в свободном положении образует конус. Орудие лова — браконьерское, позволяющее за один заход зачерпнуть между пихтами около 1—1,5 килограмма нерестающей плотвы.

Способ ловли: сак перекидывается через поперечину и свободно свисает с нее в виде треугольника, открытым зевом к воде. Поперечина при помощи древка заводится между пихтами таким образом, чтобы сак сам раскрывался около дна, и затем сак выводится между положенных в воду пихт, захватывая практически весь косяк рыбы, нерестающей между пихтами. Затем сак за древко втягивается на берег так, чтобы зев ячеистого мешка продвигался близко ко дну. В сак попадает плотва, окуни, которые в этот момент охотятся за выметанной икрой, и иногда раки, приползшие к пихтам на охоту за свежей рыбой. При удачной рыбалке добывается до десятка ведер плотвы за ночь.

Перед рассветом разжигается костер для обогрева. Ночь все-таки прохладная. Сак вытасен на берег. Часок можно подремать у костерка.

Задремал и во сне вижу — солнышко припекает, даже жжет. Просыпаюсь, оказывается, искра попала на брюки, и образовалась огромная дыра с

тлеющими краями — обжиг ногу в районе бедра. Вода рядом, немедленно заливаю тлеющие брюки и охлаждаю обожженное место. Греться больше неохота, так и до утра.

Всходит солнце. Рыбы все меньше попадает в сак. Пора домой. Все укладывается в лодку: сак, поперечина, древко, топор и рыба. Через полчаса приплываем домой, на Пески (или в Загорную, где позднее жили в своем доме). Мать с отцом чистят рыбу и присаливают. Свежую пропускают через мясорубку на фарш для рыбных пельменей.

Пригрелся, засыпаю на печке. Снится глубокая прозрачная вода, пронизанная солнечными лучами, и косяки плотвы в ней. Вода и рыба колыхнутся, то поднимаясь, то опускаясь — в это вторгается голос матери: «Разденься и ложись, как следует!» — говорит она. А вставать неохота, вода и рыба как наяву. Охота досмотреть. Просыпаюсь часам к десяти. Рыба почищена. Мама ее посолила.

На другой день веселое занятие, посоленную рыбу выстлать на крыше — вялить на солнце. К концу следующего дня рыба подвяливается, частично подсыхает, очень вкусная вяленая плотва. Через некоторое время рыбу закрывают занавеской от мух. Рыба вялится 2-3 дня, затем укладывается в мешки и хранится в темном месте до холодов.

Зимой обычно мы брали вяленую плотву вместо завтрака в школу. Благо, надо было ходить через пруд из Загорной в Ахманиевку, в пятую школу. Пока идешь через пруд, сгрызешь всю рыбу.

НА БАРДЫМ ЗА ЩУКОЙ

На Бардым, приток Серги, из Загорной можно выйти через Аптечную и Чащиновы горы. Лесная дорога, почти тропа. Уходим с вечера. С собой берутся: «фонарь», топор для рубки смолья, острога (трех- или пятизубая), древко для остроги и рогатины для «фонаря» вырубается по пути, лучше сырые из черемухи или ивняка, пара толстых кусков хлеба, посыпанных крупной солью. Все это кладется в старый, выдавший виды рюкзак.

Через 2—2,5 часа хода спускаемся с Чащиновых гор к Бардыму. Время около 9 вечера. Август на исходе. Сумерки. Разыскиваем смольяные пеньки, рубим смолье и раскладываем его по берегам Бардыма кучками, метрах в 100—150 друг от друга вниз по течению реки. Когда смолье выложено, оборудуется «фонарь». Вырублена рогатина около метра длиной, рога соответственно по 0,3—0,5 метра. Фонарь насаживается на держак со стороны, противоположной рогатине.

«Фонарь» разжигается, как для ловли раков. Разожженный «фонарь» крепится куском веревки, перекинутой через плечо, а рогатиной упирается в верхнюю часть левой ноги в районе паха. Руки в этом случае остаются свободными. Острога насаживается на сырое древко. Можно приступить к ловле.

Способ ловли простой. Идешь с фонарем по воде вдоль отмели или заросли лопухов. В таких местах щука ночует. Попадая в освещенное пространство, щука несколько слепнет и стоит на месте. Острога опускается в воду и подводится на прицельный удар. Бьют рыбу позади головы. Острогу опускают в воду, чтобы избежать ошибок из-за эффекта преломления, который обычно бывает причиной промаха при ударе.

Идем медленно. Берем в рюкзак очередную кучку смолья. Перезаряжаем «фонари». Они дымят и искрят. «Фонарям» даем разогреться и продолжаем лов. Дым от «фонарей», смешиваясь с туманом, выползающим из боковых ложков, и подсвеченный нашими «фонарями», являет собой весьма любопытный пейзаж на фоне черных кустов и деревьев по берегам реки. Река шумит, не умолкая, на отмелях и мелких перекатах, на заторах из дров, оставшихся от весеннего сплава для углежжения. Над всем этим висит громадная луна, молчаливо взирающая на реку, туман, качающиеся огни «фонарей», тени фигур людей, бродящих по реке. Картина захватывающая, впечатляющая. Темный, молчаливый лес, настороженные заросли кустов, отблески луны и «фонарей» — этих блуждающих костров на поверхности реки, журчание струй и шелест лопухов в русле, колеблющихся под напором текущей воды.

Идем на некотором расстоянии друг от друга по разным берегам Бардыма. Вдруг резкий всплеск впереди, сопровождаемый неласковыми словами в адрес чертей, которых в корягах и валежинах на реке напихано великое множество. Передний «фонарь» прошипел и потух, пустив над водой прощальную струю дыма. Напарник за перекатом нырнул в воду. Вышли на берег, развели от другого «фонаря» костер, благо старых дров, особенно березовых, на берегу было множество, обсушились. Из рассказа напарника стало ясно, что же случилось. Он уже прошел отмель и на краю ее увидел стоящую крупную щуку (стоит как полено). Забыв о преломлении света в воде, решил ударить ее с захода. И... промахнулся! Щука передвинулась в воде чуть ниже по течению и вновь стала. Вода очень прозрачная и скрадывает глубину. Но напарник решил нанести удар с ходу, шагнул за щукой и нырнул в яму за перекатом, над которой щука остановилась. Яма оказалась глубокой, и напарник вместе с «фонарем» окунулся в воду, промахнувшись по щуке. Рыбалку пришлось прекратить.

В общей сложности набили остройгой 6 щучек по 0,3—0,4 метра каждая. Две взял я, четыре поймал напарник.

Ноги у нас довольно-таки застыли: конец августа, вода холодная, а ботинки только лапти, в которых вода не держится, быстро вытекает. К шести утра были уже дома; ведь напарнику к восьми на работу. Я и до сих пор (мне скоро 70) под сильным впечатлением от этой рыбалки.

В КАВЕЛИНОЙ ГОРОДЬБЕ

Так уж повелось, что в Нижних Сергах с дореволюционных времен владельцам отводили участки неудобий под «городьбу». Она представляла собой огороженный участок мелкого осиново-березово-пихтового леса, который впоследствии вырубался и выжигался. Место распахивалось под посев ржи. В огороженном участке сооружался загон для скота и берестяной балаган для ночевки пастухов.

Ко времени начала Великой Отечественной войны у всех владельцев эти участки были изъяты, как у буржуазного элемента, и использовались как выгон для общественного стада (Кавелина «городьба», Сычева и другие). Общественное стадо пасли вдвоем — пастух и подпасок. В Загорной обычно пас Виктор Степанович Попилин (в просторечии Вика Попилин) с сыном Петром или брал кого-нибудь из загорновских ребят. Оплата за пастьбу производилась натуральная — молоком, иногда мясом.

В конце июня — начале июля стадо гоняли в ночь: скотину меньше кусали оводы и мошка. У пастуха был кнут (по-местному «витень») с подвитым волосяным концом и вплетенной в этот конец свинцовой бусиной или «пулькой», для более чувствительного удара. Когда заворачивали стадо, кнутом щелкали со звуком выстрела. Раз погнали в ночь. Ночевать стадо загнали в Кавелину

«городьбу» километрах в 5-6 от поселка. Пастухи разместились в берестяном балагане. Ночь была темная. Перед утром стадо сильно забеспокоилось, пастух послал подпаса посмотреть, что случилось. Тот взял кнут и вышел в загон. Видит: какой-то черный бык забрался на спину корове, та криком кричит. Подпасок, долго не думая, врезал кнутом быку. Тот рывкнул и бросился через изгородь в лес. Оказывается, медведь хотел задрать корову. Подпасок, сам не свой, прибежал в балаган и разбудил пастуха. Утром сходили на место происшествия. После удара кнутом медведя от неожиданности прошиб понос. И за изгородью обозначилась целая дорожка из помета.

Подпасок с тех пор не стал больше работать на пастьбе.

С УДОЧКОЙ НА КОЛЫШКАХ

Можно, пожалуй, сказать так: сколько ни ездил по дальним местам, но интересней рыбалки на колышках нигде не видал.

Развита такая рыбалка на уральских прудах и озерах. Не могу сказать наверняка, но наблюдал её именно на Урале. Не исключение и Нижне-Сергинский пруд. Место рыбалки имеет нехитрое оборудование: в дно водоема забиваются два или три колышка. Длина кольев зависит от глубины водоёма. Расстояние между колышками приблизительно

равно длине судна, которым владеет хозяин прибрежной усадьбы. Между кольями привязывается свежесрубленная пихта или елка. Колья забиваются с таким расчетом, чтобы пихту или ёлку привязать поперёк направления господствующих в данном месте ветров, для создания в период рыбалки небольшой зоны затишья. Колья вбиты обычно в перпендикулярном к берегу направлении. С кольев ловят в основном леща и подлещика. Место «прикармливают», то есть около колышков бросают в воду сваренную по специальному рецепту кашу, мормыш, зерно, хлебные колочки.

Зачастую колышки мешают прудоплаванию. Когда плывёшь на лодке вдоль берега, не один раз наедешь на колышки, а с берега услышишь крик хозяев: «Куда прёшь? Что не видишь что ли?». Хотя немудрено и не увидеть. Ведь в лодке, на распашных веслах сидишь спиной к направлению движения.

Нет-нет да и проскребут по борту лодки торчащие над водой колышки. Иной раз сядешь днищем лодки на привязанную к колышкам ёлку или пихту, к великой своей досаде и вящему беспокойству хозяина колышков.

Зато рыбалка!!!

К ней заранее заготавливаются черви, колобок, малинка, мормыш. В лодку кладутся с вечера: связка лещёвых удочек с крашеными поплавками и длинными удилищами, изготавливаемыми из тонких молодых ив. Удилища, как правило, делают составными, соединяемыми на алюминиевых или жестяных трубках. Для этой цели иногда используются латунные гильзы от охотничьих патронов. Часто берут с собой пару жерлиц с живцами – насадкой из живых мелких плотвиц для ловли щуки. Не забывается и ковшик для вычерпывания накопившейся в лодке воды и корзинка с листом лопуха и пучком крапивы – для хранения улова.

Часа в два-три ночи лодку тихо отчаливают от берега или прибрежного плотика, с которого женщины обыкновенно полощут бельё в пруду после стирки, и по предутреннему туману кормовым веслом направляют на заветные колышки. По пути хозяин вполголоса здоровается с такими же беспокойными позаранниками-соседями.

Вот и колышки. Лодка привязывается к ним носом и кормой. Рыбак сидит на средней банке-скамеечке или, на специально взятой и положенной вдоль лодки длинной доске. Начинается священнодействие: разборка удочек, наживление, установка «дна», то есть глубины заброса насадки и местоположения поплавка. Удочки (а у хорошего рыбака их пять-шесть) забрасываются веером для улучшения обзора. Теперь не зевай, успевай поглядывай, да не пропусти, когда поплавок «сплавит» (ляжет набок; такая поклевка у леща и подлещика). Чтобы скоротать время с собой берётся лёгкая удочка на плотву. Насадка – хлебный мякиш или муравьиные яйца.

Интересно поутру наблюдать рыбаков на колышках: из редких, проносящихся полос освещенного солнцем тумана торчат, как поплавки, головы ловцов (за туманом лодок не видно).

Тишина. Только слышно, как во дворах орут петухи, изредка мычат коровы, которых хозяйки доят и готовят к выгону в стадо. Сидят рыбаки на колышках обычно до 8-9 часов утра. Потом лодки нехотя начинают тянуться к берегу. Особо стойкие сидят и до 10 часов.

У моих родителей дом на берегу. Огород насыпан на ряже, утопленном в пруду. Имеется плотик для причаливания лодки и разных хозяйственных надобностей (выполоскать бельё, помыть картошку, почистить рыбу).

Дядя Семён, заядлый рыбак, постоянно держит у нашего плотика лодку – рыбачит на колышках. Утром возвращается с колышков, а на плотике его поджидает наша чёрная кошка Муська.

Отец кричит:

– Семён, рыбу-то где оставил?

– На плотике, в корзинке!

– Тащи сюда!

– Да я всего двух подлещиков поймал.

А Муська тут как тут! Пока Семён причаливал лодку и уносил под сарай вёсла и удочки, она проверила корзинку с рыбой и унесла подлещиков. Семён с отцом искали рыбу, но так и не нашли. Муська следила за их поисками своими жёлтыми круглыми глазами и, изредка лениво потягиваясь, сидела на плотике. Днём она вкусно пообедала подлещиками, которых стащила из корзинки и спрятала между дровами под сараем, а потом вытащила их и съела. Долго ещё потом вспоминали ее проделку.

А туман уже ушёл. Все рыбаки вернулись с колышков. В улице мычат коровы, кричат овцы и козы, лают собаки – пошло стадо. Изредка орут петухи, начинается обычный суматошный день. Слышно, как переругиваются соседки и матом их урезонируют мужа, вернувшиеся с рыбалки.

На колышках не всегда рыбачат удочками, часто ставят сети, морды или вентери (у нас их называют «фитили»).

На пруд завезли ондатру. Она прижилась.

Одноногий Степан ставил на колышках морды и утречком по туману с кормовым веслом ездил на лодке их проверять. Колышки у него забиты против усадьбы, а усадьба на самом берегу в конце улицы.

Вот выплыл, проверяет, достаёт багром морду, а в ней кто-то крупный и шерстистый шевелится.

– С нами бог, – перекрестился Степан. От неожиданности потерял равновесие и булькнул с лодки. Схватился за корму лодки и, благо недалеко от берега это случилось, дотолкал лодку к берегу и вылез из воды, не молитвенными словами поминая нечистую силу (ондатру), забравшуюся в морду за рыбой.

В трех шагах от сказки

Часть II. КЛЮЧ

Глава I

— Аня, вставай! — Катя трясла сестру за плечи.
— Отстань, у меня каникулы, я хочу спать, — та повернулась на другой бок и закрылась с головой одеялом.

— Аня, вставай, — не унималась девочка.

Сестра лягнула Катю ногой. Недовольная таким обращением, она склонилась над кроватью и громко прокричала:

— Ключ!

Вскочив словно ошпаренная, Аня вспомнила весь вчерашний день. Буквально за секунды у нее перед глазами пронеслись: Волшебная страна, Черный Замок, Сонька, сидевшая на цепи, злая колдунья, хватка с корнями и ключ. Она забыла в Замке ключ от квартиры. Аня посмотрела в окно. Погода была отвратительной. Из серого, темного неба падал мелкий, навоящий сонливостью дождь. Ветер, унося последние листья с деревьев, завывал в окнах, словно просил пустить погреться. Электронные часы показывали половину девятого.

«Хорошо бы еще чуточку поспать», — подумала Аня и уселась на кровать.

— Или сейчас, или никогда, — будто прочитав ее мысли, сказала Катя и добавила: — Кнопка ждет, надо торопиться.

— Давай через полчаса. — Сестра ладошкой разгладила подушку, намереваясь лечь снова.

— Ключ спрячут, и мы его не достанем. Как ты объяснишь пропажу ключа папе?

Аня поднялась и нехотя направилась в ванну, бормоча.

— Катя, ну что ты за человек? Не спишься тебе и не сидится. Правильно говорит мама — у тебя шило в одном месте. Вернемся, обязательно лягу пораньше спать.

Катя улыбалась, глядя на нее. Она слышала это каждый раз, когда той не удавалось поспать, как было запланировано.

Умывшись и позавтракав, девочки начали собираться. Аня вытряхнула все содержимое из Катиной сумки и стала перебирать вещи, откладывая, как ей казалось, ненужное.

— Ты что делаешь? — возмутилась Катя. — Я уже все собрала, — и она сгребла обратно в сумку все забракованное сестрой. — Лучше помоги мне палас скатать.

— Какой палас? — удивилась Аня.

— Тот, что в зале, — невозмутимо ответила та.

— Зачем он тебе?

— А ты что, собираешься по подземному ходу идти рядом с корнями? С меня прежней прогулки вполне хватило.

— А при чем здесь палас?

— Сказки надо больше читать — про ковер-самолет и все такое. Расстелем ковер, усядемся и полетим. Прямо на голову злой колдунье приземлимся и раздавим ее. — Говоря это, Катя, раскинув руки в стороны, сделала круг по комнате и с грохотом повалилась на середину. — Да надо еще скатерть-самобранку захватить, а то в прошлый раз я такая голодная была.

(Продолжение. Начало в №1, 2006)

— Ага, ты еще сапоги-скороходы надень, — Сыронизировала та, но тоже пошла в зал.

Палас был огромный — на всю комнату. Аня уставилась на сестру.

— Ты что, хочешь на нем и Кнопу везти?

— А что? — изумилась младшая сестра, как будто это было само собой разумеющимся.

— Как мы его потащим, ты подумала?

Катя прикинула, что это будет и впрямь нелегкая задача, и решительно ответила:

— Хорошо, тогда возьмем коврик из прихожей.

Они вышли в коридор. На полу валялся коврик, серый, маленький, с черными узорами по бокам. Он лежал перед дверью, и каждый, кто заходил в квартиру, вытирал об него ноги. Аня подумала, что будет меньше проблем его нести, пожала плечами и скатала ковер. Собрав остальные вещи, девочки отправились в спальню.

— Кольцо взяла?

Катя с гордостью вытащила кольцо с черным камнем.

— Тогда открывай. — И искательницы приключений друг за другом полезли под кровать.

— Сонька! Мы забыли Соньку, — вскрикнула Катя и попятилась назад, упершись в Анину голову. Пришлось обеим вылезать обратно. Девочки кинулись искать кошку. Сонька, только что съевшая большую рыбку, лежала на диване, вытянувшись, словно оторванный от пальто серый воротник, и спокойно переваривала свой завтрак.

— Ты идешь? — спросила Катя, наклонившись над кошкой.

Та, перевернувшись, посмотрела на них, лениво моргнув, встала и не спеша направилась в спальню. Сестры гуськом потянулись за ней. Если кто-нибудь смотрел бы на них со стороны, то непременно бы рассмеялся. Большая пушистая кошка, лениво переваливаясь с лапы на лапу, возглавляла процессию. За ней семенила девочка лет шести, с сумкой в руке и с выражением нетерпения. Завершала процессию подросток с сонным лицом и свернутым ковриком под мышкой. Так как темп всему задавала кошка, то и остальные, вторя ей, по-пингвиньи переваливались с ноги на ногу, чтобы не наступить впереди идущему на пятки. Дойдя до кровати, они молча, каждая дожидаясь своей очереди, стали залезать под нее.

Когда двери в волшебный мир открылись, Аня предложила:

— Я пойду первой, а ты скинешь мне коврик.

Катя согласно кивнула. Подождав, когда сестра скроется в ярком свете, она, вытолкав ковер, последовала за ним.

Глава II

— Кнопка, ты уже нас ждешь! — Катя обняла шею лошади. — Но ты сегодня останешься здесь.

Кнопка удивленно посмотрела на девочку:

— Вы не собираетесь идти за ключом?

— Нет, мы полетим, — загадочно проговорила та и толкнула ногой ковер. От толчка ковер раскрылся, и

спустя мгновение на нем стала проклевываться трава, на вид такая мягкая и нежная, что сразу захотелось прилечь на нее. По углам распустились красные маки, испускающие чудесный аромат.

— Красиво, — прошептала Катя — А мы что, так с цветами и полетим? — она присела и погладила рукой зеленую траву. Запах цветов окутал ее, и ей захотелось спать. — Хорошо бы, он умел летать, — печально добавила она и, расстроенная, уселась рядом. Девочка уже собиралась прилечь на траву, но кошка, выскочившая из-за спины, опередила ее.

— Какой прекрасный коврик, — перебирая лапами, мурлыкала Сонька, — а я об него когти точила, — добавила она с сожалением. — Теперь это будет моим любимым местом.

Но только кошка улеглась, как по краю ковра начали появляться острые шипы. Они росли, как частокол посреди поля.

— Берегись! — крикнула Аня и взмахнула рукой.

Сонька, перепугавшись сама не зная чего, отпрыгнула в сторону. В то же мгновение коврик с лязгом свернулся пополам, только кусок серой шерсти торчал между его шипами.

— Ах ты! — Сонька с трудом переводила дыхание. — Проклятая подстилка, — наконец-то смогла она выкрикнуть. — Посмотри, что ты наделал. — Кошка с ужасом рассматривала свой хвост. — Самый кончик, самую прелесть, да от него все коты с ума сходили. А ты! О, змеюка, — процедила сквозь зубы она.

До нее еще не дошло, что главной целью коврика была ее голова.

— Мухолов. Цветок такой — подманивает муху своим запахом, та садится на него, потом — бац, он закрывается и съедает ее, — Аня посмотрела вокруг, пытаясь оценить, какое впечатление произвел ее рассказ, выждала паузу и добавила: — Всю без остатка. На юге растет.

Услышав это, Сонька шлепнулась на спину, вогнав когти передних лап в мягкую землю.

— Опять эти девчонки! Я с ними не доживу до своего дня рождения. — И, вскочив, заорала на весь лес: — Какого черта вы его сюда притащили, — набросилась она на девчонок, от страха растеряв все свое воспитание.

— Соня, если ты не замолчишь, я тебя оставлю отдыхать на этой поляне, рядом с этой симпатичной вещью, — Аня указала рукой на коврик.

Ковер уже расправился, как ни в чем не бывало, на нем росла трава и цвели цветы, только острых шипов не было видно. Сонька посмотрела на него, изогнулась, оскалив острые зубы, но ничего не сказала.

— Надо свернуть, пока кто-нибудь не попал к нему на обед. — Аня с осторожностью начала сворачивать его.

— Мало тебе доставалось от меня, придем домой — я тебе припомню, — шипела Сонька, искоса поглядывая на ковер.

Когда злодей был спеленут и приставлен к ближайшему дереву, только тогда девочки вздохнули свободно.

— Будем возвращаться домой, заберем его, здесь его оставлять нельзя, да и мама будет ругаться, — проговорила Аня.

— Ну что, Кнопа, ты нас отвезешь? — Катя обняла лошадь за шею, та молча кивнула головой. Когда все уселись лошадь, вытянув голову, понеслась к границам Лесопотамии.

Лес постепенно стал меняться, дневной свет с трудом проникал сквозь серые тучи и от этого становился еще мрачнее.

Кнопа остановилась возле дерева с подземным ходом, ведущим в замок Карголги. Два больших ворона, сидевших на верхушке, каркнули, и один, поднявшись высоко в небо, полетел в сторону болот.

— Что-то мне не по себе, — слезая с лошади, прошептала Катя.

— Ты чего боишься? У нас есть оружие, и мы знаем, как с ним обращаться, — спокойно ответила Аня.

— Может, все-таки через лес пойдём?
— Нет, если мы пойдём через лес, то попадем в болото и утонем, — настаивала сестра.

Сонька, чувствуя неладное, вертела головой по сторонам. Но вокруг было все по-прежнему спокойно. Только ворон, оставшийся в кроне дерева, зорко следил за непрошеными гостями. Может, поэтому в воздухе пахло тревогой, и спутницы слегка поежились. Они подошли к секретному дереву, дверь от прикосновения кольца открылась, обнажая подземный вход в царство Карголги.

Лампа осветила подземелье. Там было все по-прежнему. На каменных стенах блестела роса, собираясь в капельки воды, она падала на землю и, проникая вглубь, продолжала свой трудный путь. Корни деревьев мирно свисали с потолка. От резиновой паутины, спасшей девочек в трудное время, не осталось и намека, словно кто-то сделал здесь генеральную уборку и привел все в первозданный вид. Подруги ступили на первую ступеньку. Где-то над головой треснула ветка. Катя, выглянув из подземелья, посмотрела наверх. Второй ворон каркнул и, поднявшись, полетел в темноту.

— Не-е, я туда больше не пойду, — попятилась девочка, мотая головой.

— Что же нам тогда делать? — то ли спрашивая себя, то ли обращаясь ко всем, сказала Аня и тоже сделала шаг назад. Кора дерева тут же поползла навстречу друг другу, закрывая вход в подземелье.

— Пойдем обратно.
— А как же ключ?
— Скажешь, что потеряла.
— Нет, я так не могу. — Аня уселась на траву и посмотрела на сестру. — Понимаешь, мне родители доверились, ведь дома много ценных вещей, ты представляешь, если колдунья подкинет ключ воров с нашим адресом, они вытащат все. И как, по твоему, после этого можно мне доверять дальше? — Девочка встала и положила руку на плечо сестры. — Ты иди, а я попробую вернуть ключ.

— Ну, уж нет. Если идти, так вместе, а туда я все равно не пойду и тебя не пущу.

— Вы правильно поступили, — раздался голос сзади.

Все обернулись и увидели маленького старичка, с длинной белой бородой. Ростом он был с Катю, но из-за своей широкой, седой бороды, доходившей до пояса, казался еще меньше. Одет он был в длинную белую рубаху, доходившую до колен, с косым воротом, на поясе перевязанную веревкой. Ноги были обуты в самые настоящие лапти, сплетенные так искусно, что владельцу такой обувки позавидовали бы многие модницы. Его волосы торчали в разные стороны, словно щетинки у ершика. Несмотря на чудаковатый, даже устрашающий вид, глаза старичка излучали добро. На руке висел плащ. Аккуратно расправив на нем складки и убедившись, что все в порядке, посмотрел на девочек и, о чем-то вспомнив, быстро произнес, улыбаясь.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — сказала Катя и положила руку на кинжал.

— Здравствуйте, — эхом повторила сестра.

— А вы кто? — шагнув вперед, бросила младшая, держась за рукоятку кинжала.

— Я? — незнакомец улыбнулся в бороду. — Я, Катя, Смотритель.

— Откуда вы меня знаете? — удивилась девочка.

— Я много что знаю. Например, что вы разрушили замок Карголги, забрали у нее кольцо, и теперь она ждет вас у выхода из подземелья. Ее уже предупредили.

— Я что-то подобное почувствовала, — с облегчением вздохнула девочка, убирая руку с кинжала.

— А вы не знаете другой дороги в болотное царство? — вмешалась в разговор Аня.

— Знаю, — ответил Смотритель. — Ее королевство все больше разрастается, захватывая другие земли. Если так пойдет дальше, то, кроме болот, здесь ничего не останется и наступит вечная ночь. И я намерен этому помешать. Начнется настоящая война между светом и тьмой. Но это наступит еще не скоро. Я подарю вам одну вещь, но с условием, что вы не воспользуетесь ею, пока не убедитесь, что не сможете справиться сами, — он нагнулся и потряс колокольчиком, росшим у его ног. Слово в мультике, из маленького цветочка выкатилась большая еловая шишка, ничем не отличавшаяся от своих сородичей, росших на деревьях. — На, держи. — Смотритель протянул шишку Кате.

Та, поблагодарив старичка и повертев шишку перед собой, с недоуменным видом положила ее в рюкзак.

— А как насчет дороги? — спросила Аня.

— Дороги? Вы идите, а она вас сама найдет, — загадочно произнес Смотритель. Одним движением руки он накинул плащ и исчез как мираж в пустыне от легкого дуновения ветра.

Катя с опаской потрогала носком сапога землю, где стоял старичок. Может, там какая-то дырка? Но земля в том месте была такая же твердая, как и та, где стояла она.

Сонька, наблюдавшая за этой картиной из-за дерева, смекнула, что цветок не простой, и крадучись подошла к колокольчику и прошептала:

— Хочу рыбу. Большую, толстую рыбу, — и тихо-нечко лапой ударила по нему. Но рыба не появилась. Она наклонила голову, рассматривая цветок с одной стороны, потом с другой. Заглянула внутрь. Не выдержав, уже настойчиво повторила: — Хочу рыбу, — и ударила снова, но с большей силой. Эффект был тот же. Колокольчик раскачивался вверх-вниз, недоумевая, что от него хотят.

— Соня, если бы все было так просто, то ключ давно бы лежал в кармане, — вздохнула Аня, глядя на Сонькины старания.

Кошка, фыркнув, подняла хвост трубой и отошла от цветка. Всем своим видом говоря, что не ожидала от него ничего такого, только так, попробовала. Ведь попробовать никому не запрещается.

— Соня, мы потом пообедаем, попозже, — и Катя похлопала по рюкзаку, где лежала скатерть.

— Как бы она нас сама не съела, — засомневалась Аня.

Но та, пропустив замечание мимо ушей, спросила.

— Куда пойдем?

— Прямо, Смотритель сказал, дорога сама нас найдет.

— Кнопка, а ты с нами пойдешь? — ласково глядя лошадь, спросила Катя. Та молча мотнула головой. — Тогда вперед, — весело улыбнулась девочка.

Подруги взобрались на лошадь, и та понесла их к неведомому, высоко подняв голову вверх.

Глава III

Они скакали, и с каждой минутой природа постепенно менялась вокруг них. Словно не лошадь мчалась, как ветер, по этой волшебной стране, а природа кружилась на карусели, показывая все свои лучшие пейзажи. Поляны становились больше и, постепенно вытесняя лес, переходили в большие поля с маленькими рощами. Деревья тоже меняли свои контуры, ведь здесь не надо бороться с соседом, стремясь подняться выше его и получить больше солнечного света для своей кроны. Места хватало на всех. И тогда деревья устремлялись вширь, покрывая своей тенью десятки метров вокруг себя.

Справа, насколько хватало взгляда, синело ясное небо, сливаясь с горизонте с зелеными полями. А слева надвигалась ночь, такая же тревожная, как и та страна, в которую они стремились. Сейчас Кнопка бежала медленно, чтобы не пропустить дорогу или тропинку, ведущую в замок Карголги. Все чаще стали попадаться на их пути ручейки.

— Я устала, — наклонилась Катя к уху Кнопки, — давай передохнем вон там. — Она показала на гору, возвышавшуюся неподалеку. Кнопка, изменив направление, быстро доскакала до вершины и остановилась. Отсюда открывался удивительный мир. Справа, на горизонте, стоял лес, с его вековыми дубами, верхушками упирающимися в синее небо. Все остальное пространство было заполнено разноцветными полями, усеянными цветами. Эти поля разрезали глубокие овраги, по которым текли ручейки. Большинство из них впадали в реку, подпитывая ее со всех сторон своими водами. Эта река, словно ножом разрезая гору, на которой стояли путники, впадала в озеро. Отсюда было видно, как вода, клокоча на порогах, пронеслась между скал и с разбегу нырнула в озеро, создавая кучу брызг. Немного отдохнув в его водах, река продолжала свой путь с противоположной стороны озера, под наблюдением ив и кустарников, располагавшихся на ее берегах. Но чем дальше в темноту убегала она, тем больше становилось сухих деревьев и заводей, заросших камышом и осокой. Дальше надвигалась ночь, и различить что-нибудь в этой мгле было невозможно.

— Поехали к озеру, — предложила Аня, и Кнопка осторожно стала спускаться с горы. Сойдя с лошади, сестры уселись под высокой сосной, росшей невдалеке от озера.

— Так, посмотрим. — Катя достала скатерть из рюкзака и стала с опаской ее разворачивать. Последний случай доказал, что «тайные желания» вещей не всегда совпадают с надеждами их владельцев. И когда на траву легла белая скатерть, девочка отпрыгнула назад, ожидая какого-то подвоха. Но ничего не произошло, только цвет скатерти из желтоватого превратился в ярко-белый.

— Скатерть-самобранка, напои и накорми, — то ли с сомнением, то ли с надеждой произнесла Аня. Но белоснежная скатерть лежала на зеленой траве пустая.

Первой не выдержала Сонька.

— Где моя рыба? — и она шагнула к скатерти. Та, словно испугавшись, дернулась от нее. — Эй, ты куда? — удивленно воскликнула кошка и остановилась. А та, вытянувшись стрелой по диагонали, замахала свободными концами и, словно птенец, выбравшейся из гнезда, чтобы опробовать свои крылья, заскользила по траве. С каждым взмахом углы скатерти становились все жестче, и она по-маленьку, но все уверенней стала подниматься над травой. — Белохвостая, отдай мою рыбу, — закричала Сонька и кинулась вслед за ней. Но было уже поздно. Плотнун воздуха свободы, скатерть устремилась вверх, с каждым взмахом поднимаясь все выше и выше, пока не скрылась совсем. У нее наконец-то исполнилась мечта — убежать, улететь от горы грязной посуды, заляпанных стаканов и тарелок, оставляющих жирные пятна на ее теле.

— Улетела моя рыбка, — вернулась запыхавшаяся Сонька. — Быстро летает. Теперь от мамы кому-то попадет, — ехидно прошипела она, хоть этим компенсируя пропавший обед. Но Катя не обратила на кошку никакого внимания. Она сидела на траве, вытаскивая из рюкзака вещи, внимательно рассматривая их.

— «С-ЛА-ДО-СТЬ» — та-б-ле-т-ки, за-ме-ни-те-ль са-ха-ра, нн-оль ка-ло-ри-й, — по слогам прочитала девочка. «Сладость без сладости», называла их Катя, предпочитая таблеткам обычный сахар. Но здесь дело другое. И она осторожно бросила таблетку подальше от себя, мало ли что. Таблетка, коснувшись земли, начала расти и превратилась в настоящее пирожное, украшенное заварным кремом. Сестры наперегонки кинулись к нему.

— Мое! — закричала Катя.

— Оставь хоть половинку-то, — взмолилась сестра.

Та откусила ровно половину, а вторую протянула Ане. Пирожное было превосходным, с чудесным нежным вкусом, очень сладким и просто таяло во рту. Девочки, переглянувшись, бросились к коробочке с таблетками. Усевшись на траву, они рассматривали это чудо кондитерского изделия, не решаясь, с какой начать. Все были разные: от шоколадно-коричневых, посыпанных орехами, до снежно-белых от взбитых сливок и разукрашенных марципанами. Сонька подошла к пирожным, понюхала и сквозь зубы прошипела.

— Как за ключом идти, так все вместе, а как есть, так каждый свое. — И отвернувшись, уселась, всем своим видом показывая презрение.

— Сонечка, дорогая, извини, что забыли про тебя. На, выбирай, — и Аня положила перед кошкой несколько таблеток.

Сонька любила рыбу, но не меньше она любила мороженое и сливочный крем со сбитыми сливками. Когда в доме появлялись эти вещи, кошке обязательно перепадало с общего стола. Но столь же сильно та ненавидела шоколад и все то, что с ним связано. То ли цвет напоминал ей о чем-то несъедобном, то ли запах не внушал доверия, но к пирожным она не прикоснулась. И сидела, гордо отвернув голову в сторону.

— А как насчет этого? — у Кати в руках появился кусочек кошачьего корма.

— Только не вздумай бросать, я его так съем, — выпалила Сонька и бросилась к ней. Но было уже поздно. Сделав небольшую дугу, он отскочил от травы и шлепнулся рядом с кошкой в виде жареной рыбы, источающей обалденный запах. Подбежав к рыбине, Сонька сначала понюхала, а потом жадно вцепилась в нее зубами. Урча и бросая настороженные взгляды на девочек, боясь, что кто-то потребует свою половину. В перерывах же она успевала еще ворчать.

— Упрямая девчонка, неизвестно, из кого это делают, а вдруг из акул, и тогда из путешественников мы превратились бы в обед. Или из птицы, и тогда и второй обед улетел бы вслед за первым.

Кнопка, съев пирожное, забракованное Сонькой, уже щипала траву возле озера. Она была такой же сочной и мягкой, как в Лесопотамии. Наконец наевшись, испачкав все лицо, Катя замерла и упала на спину.

— Все, не могу. Меня сейчас стошнит.

— Лучше иди, умойся. Поросяенок, — доедая пирожное, рассмеялась Аня.

Катя нехотя встала, словно медведь, съевший бочку меда, и, переваливаясь, побрела к озеру.

— Ну и чумазая! — произнесла она, рассматривая в водной глади свое отражение. Вода была чистой и прозрачной. Даже было видно рака, ползущего по дну озера. Катя брызнула себе в лицо и рассмеялась от теплого и приятного ощущения. Но тут водяной столб, толщиной с ее ногу, внезапно вырос перед ней, обмотался вокруг и потащил ко дну.

— Помо... — успела крикнуть девочка, пока не захлебнулась водой.

Аня бросилась к озеру, но было уже поздно. В том месте, где стояла сестра, никого не было. Только огромные круги разбегались по поверхности, ударялись о берег и скатывались обратно.

— Ка-тя! — изо всех сил прокричала Аня, но ответом была тишина.

Глава IV

— Ну вот, опять слезы, — проворчала взъерошенная Соня, — лучше бы сестру спасала.

— Как?

— Ну не знаю, — бегая взад-вперед, говорила кошка. — Прорыть канаву и пустить реку в сторону, озеро обмелеет, мы вытащим Катю и накажем того, кто ее утащил.

— У тебя есть землеройная машина?

— Нет, но надо же что-то делать. От слез только вода прибывает! — остановившись, добавила пушистая.

— Прибывает, — прошептала Аня и кинулась к рюкзаку. Достав оттуда кукурузу, она быстро стала объяснять. — Мы построим плотину. Перекроем реку и не дадим ей впадать в озеро. Оно в момент обмелеет.

— А что я говорила! — запрыгала Сонька от радости. — Вот что значит хорошее руководство.

Кнопка энергично закивала головой, она очень

беспокоилась о Кате, но не знала, как помочь ей. Они подошли к двум высоким елям, росшим на самой горе, возле реки, и огляделись.

— Деревья надо уронить так, чтобы они упали поперек реки, — сказала Аня. — Отойдите все подальше, я не уверена, в какую сторону упадут ели. — Дождавшись, пока друзья отойдут на безопасное расстояние, девочка бросила кукурузу и побежала прочь. Раздался взрыв. Дерево медленно, со скрипом, словно недовольное, что его потревожили, вместе с корнями повалилось набок. Ель упала точно поперек реки, достав до дна своими мохнатыми ветками, которые стали тормозить течение.

— Получилось! — закричала Аня и бросилась ко второму дереву. Теперь она точно знала, куда надо бросать кукурузу.

Вторая ель тоже со скрежетом упала рядом. Вода бурлила и пузырилась, натыкаясь на неожиданное препятствие, но потом, спокойно огибая ветки, устремлялась в озеро. Аня опустила руки, она не знала, что придумать еще. Кнопка подошла к горе и с силой стала бить по ней копытом, сбрасывая камни в воду. Аню словно что-то подкинуло вверх.

— Молодец Кнопка! Мы взорвем эту гору, и камни засыпят реку. — Друзья вместе принялись рыть яму, чтобы положить туда зерна.

Скала была твердой и поддавалась с трудом. Кнопка разбивала копытом камни, Аня доставала осколки, а Сонька давала ценные указания. Правда, она только всем мешала. Когда терпение работающих доходило до предела, каждый из них проявлял раздражение по-своему. Лошадь — фыркала, выпуская воздух из ноздрей, и с большей силой ударяла копытом по камням. Аня делала прощце. Когда кошкины советы начинали доставать ее, она коротко и жестко бросала: «Соня, брысь отсюда, надоела». Та, оцетинившись от такого обращения, разворачивалась и уходила, чтобы вернуться. Молча делая круги вокруг работающих, кошка постепенно сжимала кольцо. И однажды не выдержав, вновь закричала: «Да не туда. Видишь, трещина пошла? Туда надо бить. Аня, вон кусок откололся, ты его пальчиком, пальчиком поддень и вытаскивай». Когда работа была закончена, глубины ямы было достаточно для закладки заряда, девочка достала кукурузу и задумалась.

— Одно зернышка будет мало, чтобы отколоть большой осколок скалы, надо бросить горсть, тогда я не успею добежать до безопасного места, — глядя в землю, прошептала она и решительно добавила: — А ну, уходите подальше! От взрыва камни разлетятся далеко и могут поранить вас.

Но тут вмешалась Кнопка.

— Я бегаю быстрее тебя. Дай мне кукурузу.

— Нет, тебе нельзя! — отрезала Аня. — Они сразу взорвутся, как только ты прикоснешься к ним.

— Тогда мы побегим вместе, — лошадь уперлась головой в Анин нос.

— Хорошо, хорошо, — отступила назад девочка под таким напором.

Сонька, услышав, что от взрыва может пострадать

ее шубка, подняв хвост, пустилась прочь от опасного места, не дожидаясь окончания спора. Пересыпав половину зерен в пустую коробку, Аня с Кнопой двинулись вверх по склону. Развернувшись на вершине горы, лошадь остановилась.

— Давай, — прошептала Аня в ухо Кнопке, и та как стрела понеслась к озеру.

Ветер засвистел в ушах, картинки вокруг стали меняться с такой быстротой, что казалось еще мгновение, и все покатаются кубарем. Но Аня боялось только одного — промахнуться. Вот показалась яма. Девочка прицелилась и кинула коробочку с кукурузой, при этом чуть-чуть приоткрыв крышку. Коробочка, словно мячик, поскакала по земле, остановилась на краю ямы и закачалась, не решаясь скатиться в лунку. Побалансировав так пару секунд, опасный груз наконец юркнул вниз, перекувыркнувшись пару раз, завалился набок и замер. Зерна, словно по команде, с тихим шорохом покатались к щели. Через мгновение раздался оглушительный взрыв. Куски камней, обгоняя лошадь, начали падать со всех сторон на землю. Аня не видела этого, она просто прижалась к Кнопке всем телом, закрыла глаза и молилась, чтобы ее план сработал. Когда каменный дождь закончился, Кнопка остановилась.

Перед друзьями предстала удивительная картина. Огромный осколок, выхваченный из горы, устремился вниз, увлекая за собой груды камней. Докатившись до середины реки, он остановился и рассыпался. Река взбунтовалась, еще больше запенилась, возмущаясь такой наглостью. Сначала вода хотела протолкнуть вперед и разбросать каменную преграду. Но ели надежно удерживали натиск своими стволами. Тогда река решила обогнуть препятствие. Она направила свой удар по берегам, но и здесь ее ждала неудача. Две скалы, между которых произошел затор, прочно удерживали пленницу в каменном мешке. Поняв, что сейчас не в силах справиться, река успокоилась и встала, набирая сил для нового броска.

Над озером разнесся победоносный крик, в котором смешались голоса человека и животных — оно быстро мелело. Река уносила воды озера, оголяя берега с обитателями подводного мира: пятывшими раками и мелкими рыбешками, плещущимися в оставленных лужах.

— Только бы успеть, только бы успеть, пока река не перелилась через плотину, — шептала Аня.

— Надо помочь реке вычерпать озеро, — сказала Сонька и посмотрела на подругу.

— Шприц. В рюкзаке был шприц! — она бросилась к сумке, объясняя: — Если из него так много воды вылилось в прошлый раз, значит — столько же в него можно залить.

Одной рукой она опустила его в воду, а второй с силой потянула на себя. Шприц, как гигантский пылесос, начал втягивать в себя озеро. Показалась Катина голова, плечи, туловище. Та сидела на середине озера по пояс в воде, за большим камнем, покрытым тиной. Увидев друзей, она помахала им рукой и что-то прокричала. Вокруг стояла тишина,

но Аня ничего не услышала. А Катя все улыбалась и размахивала руками. Потом, вспомнив, выхватила кинжал и взмахнула над головой. Мыльный пузырь, окутывавший ее голову, лопнул, и Аня услышала.

— Привет, а мы тут в шашки играем, — все еще улыбаясь, прокричала девочка, показывая рукой на что-то впереди себя.

И только сейчас Аня заметила напротив сестры водяную гору. Нет, она не лежала, не плескалась, она просто стояла. Гора зашевелилась, приобретая очертания на человека, склонившегося над камнем. Она подняла голову и грозным басом произнесла.

— Это кто тут хулиганит в моих владениях?

От водяной массы отделилась рука и потянулась к завалу. Поток воды, вырвавшийся из нее, был такой мощности, что моментально пробил брешь, разбросав камни по берегам. Река, почувствовав слабость противника, со всей силой устремилась к отверстию. Разломав плотину на части, она всей массой кинулась вниз, грозя смертью всем, кто встретится на ее пути. Водяной человек одной рукой поднял Катю, но та, зашлепав по воде кулаками, закричала.

— Спаси их, это мои друзья!

Он с недоумением посмотрел на подругу и второй рукой с легкостью подхватил незнакомцев. Сонька, почуввав опасность, уже давно сидела на Аниных плечах, фыркая при виде огромного количества воды. Аня смотрела вниз, как огромная волна, поднявшись на несколько метров, сметала все на пути, неся в себе камни, бревна, ветки. Она пробежала по озеру, захватив его берега, и устремилась в устье реки, постепенно сбавляя свой гнев. Когда река схлынула, рука незнакомца опустила их на землю.

— Познакомьтесь, — сказала Катя, — это Водяной.

Он все еще держал ее на руках, и теперь Аня могла хорошо его рассмотреть. Ростом этот здоровяк был с двухэтажный дом и состоял весь из воды. Непонятно было, каким образом вода не разливалась по озеру, а превращалась в могучего и высокого мужчину. На его голове вырисовывались глаза, брови. Потоки воды, выбегающие из-под носа и растворяющиеся где-то в районе груди, обозначали собой пышные усы. Волосы на голове водопадом устремлялись вниз, разбиваясь о плечи, пропадали за спиной. Он стоял по пояс в воде, если можно так выразиться, ведь тело тоже состояло из воды, и если хорошо присмотреться, то можно было видеть рыб, мирно плавающих в нем.

— Ты очень плохо поступила. Вспомни, как сама переживала, когда леший утащил Соньку. То же испытывали и мы в то время, когда ты развлекалась, — гневно сказала Аня.

Лошадь в подтверждение закивала, а кошка, наспившись, смотрела исподлобья.

— Извините меня, я не подумала о вас, я больше не буду. Ему было очень скучно, и он пригласил меня поиграть в шашки. Я и не заметила, что прошло столько времени. Познакомься, — обратилась она к Водяному. — Это Кнопа, лошадь из Лесопотамии. Это моя сестра Аня. А мартышку, что у нее на плече, зовут Соня.

Кошка фыркнула и прыгнула с девочки.

— А-а, — прогремел Водяной, — так это вы, те девчонки, которые разрушили замок Карголки. — И он, внезапно наклонившись, расцеловал Катю.

— Только стену, — захлебнувшись, закашляла та.

— Все равно молодцы, — продолжал он. — Эта ведьма уже всем надоела. Когда-то мои реки уходили далеко в ночь. А сегодня их съедает болото. Я рад, что нашлись существа, способные противостоять колдунье.

— А вы не знаете дороги, ведущей в замок? — вмешалась в разговор Аня.

— Такой дороги нет. Замок стоит в центре непроходимого болота, но когда-то эта река проходила вдоль его стен. И если она не заросла камышом, то вы сможете по ней добраться до замка.

— Я не поплыву, я утону, я пропаду, — попятилась Сонька.

— Я сделаю вам плот, и если повезет, вы доберетесь до цели. — Водяной шлепнул по воде и строго произнес: — Мастеровых ко мне.

Через мгновение вода возле него забурлила и показалось несколько зубастых рыбьих мордочек. Через прозрачную воду можно было видеть, что они были не больше человеческой ладони.

— Пираны, — испугалась Катя и поджала ноги. Невдалеке вынырнула семейка бобров.

— Мне нужен плот из тех бревен. — Водяной указал на две ели, плавающие возле берега.

Рыбы исчезли, и вода закипела уже возле деревьев. Было видно, как ветки одна за другой стали отплывать от ствола. Закончив с ветками, пираньи принялись за стволы, распилывая их на равные части. В это время бобры подхватывали бревна, сбивали их в кучу и перевязывали веревками из водорослей.

— Это подарок заморского родственника, — сказал Водяной, любуясь работой пираний. — Такие только у меня. Маленькие, беззащитные, а как работают! — с гордостью добавил он.

— Беззащитные? — с сомнением произнесла Аня. — Я фильм смотрела про них, — шептала она на ухо Кнопе. — Это самые прожорливые существа, с самыми острыми зубами, живущие то ли в Африке, то ли в Южной Америке. — Девочка еще что-то рассказывала лошади, у которой от услышанного стали расширяться зрачки, и Кнопа невольно сделала шаг назад от воды.

— Ну вот, плот готов. И я надеюсь, что он не развалится. — Водяной грозно посмотрел на воду. Пираньи и бобры в страхе замотали головой. — Ну и хорошо, — улыбнулся он. — А на прощанье я хочу подарить вам вот это, — он погрузил руку в свое тело и вытащил пузатую рыбу. — Она умеет надувать пузыри, и вы свободно сможете прогуляться под водой, если вам понадобится. — В подтверждение его слов рыба надула пузырь и нырнула туда, с небольшим количеством воды, словно в аквариум. — Катя уже опробовала ее, — с этими словами Водяной опустил девочку на землю и ударом волны подогнал плот к берегу.

Возникла пауза, никто не знал, что дальше говорить. Наконец Катя подошла к лошади и сказала:

— До свидания, Кнопа. Мы еще увидимся, — и поцеловала ее в нос. Та закивала головой, и из больших глаз показались слезы.

Прощавшись, девочки ступили на плот. Кошка стояла на берегу в замешательстве. Она смотрела то на подруг, стоявших на плоту, то на Водяного, то на Кнопу и никак не могла решить, как ей поступить. Плыть на плоту по реке ей не хотелось. Остаться здесь, рядом с этим водяным пугалом, тоже никакого желания. Возвращаться домой — далеко. Из раздумий ее вывел Катин голос:

— А ты идешь?

Кошка нехотя прыгнула на плот и на цыпочках, если можно так выразиться, добравшись до середины плота, уселась на рюкзак. Подруги, взяв деревянные шесты, дружно оттолкнулись от берега. Водяной провел рукой по глади озера, и набежавшая волна, подхватив плот, понеслась к истоку реки.

— Я буду рад увидеть вас снова, — прогремел подводный владыка.

Лошадь заржала, присоединяясь к пожеланиям Водяного. Сестры в ответ помахали на прощанье.

Глава V

— Соня, уйди, — пыталась Катя согнать кошку, — мне надо лампу достать.

— Не сойду, там мокро. И вообще, я и так пре-

красно все вижу. — Сонька сидела на рюкзаке и внимательно всматривалась вперед, по направлению движения.

— Если я не включу лампу, то на тебя обязательно кто-нибудь наступит.

— А вы будьте внимательны и не шляйтесь по плоту, не мешайте мне. Что за привычка создавать видимость работы, — ворчала кошка, уставившись в одну точку.

— Кто будет управлять плотом? Вот сейчас он наскочит на камень, и мы все окажемся в воде.

При мысли о сырости Соньку передернуло. Она нехотя встала и отошла в сторону.

— Только по-быстрому, — прошипела она. — Ну, что ты копаешься? — переминаясь с лапы на лапу, застонала кошка, чувствуя, как поднимается вода. — У меня уже вся шубка влажная.

Катя достала лампу, и плот осветился голубоватым светом.

— О, совсем другое дело! — сказала Аня, стоя на краю плота с длинным шестом в руках.

Катя подняла лампу над собой, и свет отвоевал у тьмы часть пространства. Река уже не была такой быстроходной и глубокой, порой достаточно было только нащупать дно шестом, оттолкнуться и ускорить движение плота. Река становилась все уже. По берегам наступал камыш, тормозя течение своими стеблями и загоняя реку в заводи. Песок, земля, выносимые из озера, постепенно оседали здесь, так как слабое течение уже не могло нести их дальше, образовывали илистое дно.

Впереди показался замок Карголги. Он внезапно вырос из темноты, освещенный вышедшей из-за туч луной, наводя ужас на все живое.

— Вот и приплыли, — поежилась Аня. — Я поняла, почему Смотритель сказал: дорога сама найдет вас. Старичок еще тогда знал, что мы встретим Водяного и поплывем на плоту. А мы, дурочки, все тропинку искали в замок Карголги.

Ане все труднее было толкать плот. Вода здесь остановилась и превратилась в настоящее болото. Тина обволакивала плот со всех сторон, стараясь задержать путников. А плавучие кочки сбивали его с курса, стараясь помешать добраться до цели. Болото, как желудок крокодила, заглатывало все, что в него попадало, не оставляя шансов на отступление. Вот и сейчас оно притаилось и терпеливо ждало новых гостей. Когда тучи расходились и луна освещала местность, подружки могли видеть только бескрайние топи и сухие деревья. До крепостной стены оставалось метров двадцать, когда плот замер. Аня уперлась шестом в дерево и попыталась оттолкнуться от него. Ей это удалось, и она продвинулась на пару метров, но, оглядевшись, заметила, что плот стоит на месте, а дерево медленно отплывает назад, вместе с кочкой, на которой когда-то росло. Аня попыталась нащупать дно, но шест ушел весь под воду, не встретив на пути препятствий.

— Ничего, — сказала Катя, наблюдая за Аниными попытками продвинуться вперед. — Осталось совсем

немного, мы доберемся до замка по этим кочкам, — и она показала на зеленые холмики, выглядывающие из воды.

— Да? Смотри! — Аня уперлась шестом в ближайшую кочку. Та тут же скрылась под водой. Вытащив шест, она вопросительно посмотрела на Катю. — Видала?

Сзади раздался всплеск. Кочка вынырнула из воды, и трава, росшая на ней, стала постепенно расправляться, как бы приглашая пройти.

— И что нам делать? — чуть не плача спросила Катя. Ей было обидно и страшно. Пройти такое расстояние и остановиться, когда до цели остается тридцать шагов. Мало того, назад дороги тоже не было. Кочки и тина облепили плот так, что его ни за что не сдвинуть с места. Ведь отталкиваться не от чего.

— О-о-о-о! — простонала кошка, поняв всю безвыходность ситуации. — Что-то меня удерживало, но я думала, нет, надо девочек поддержать в трудную минуту. А они меня заманили в какое-то болото, и придется мне, молодой, красивой, умирать здесь.

— Может, в рюкзаке что-нибудь есть? — перебила Сонькины причитания Аня.

— Ты что, сразу не могла взять все, что нужно? — кошка поняла, что ее сейчас сгонят, нехотя встала.

— Я все взяла, пожалуйста, садись, — Катя подняла рюкзак и отошла на противоположную сторону плота.

Ошалев от такой наглости, Сонька вытаращила глаза, открыла рот, чтобы возмутиться, но так и застыла, не найдя, что сказать.

Катя открыла рюкзак и стала копаться в нем.

— Может быть, это поможет? — она держала в руках свернутый кукольный коврик.

— Конечно, самое время в куколки поиграть, — ехидно процедила кошка.

— Соня, почему ты стараешься быть злой, ты же добрая? — Катя смотрела на кошку.

— Не знаю. Здесь все по-другому, не так, как дома. — Она замолчала. — Может, потому, что мне страшно за вас, — шепотом добавила Соня и опустила голову.

Катя подошла к краю плота, положила коврик и аккуратно толкнула его ногой. Коврик легко начал раскручиваться. Шлепнувшись с плота, он преспокойно продолжил путь по воде, пока не достиг границы света лампы и не исчез в темноте. Одновременно с этим он начинал расти вширь, пока не достиг длины плота.

— Я туда не пойду, — попяtilась Сонька. — Все коврики одинаковые, шагнешь на него, а он бац! — Кошка отошла бы еще дальше от него, но ее хвост коснулся воды, и она, оглянувшись, сделала полшага вперед.

Анна молча подошла к коврику и надавила на него шестом. Шест провалился, но совсем немного и остановился, словно достигнув упора. Она попробовала в других местах, но там было то же самое.

— У нас есть два пути: или идти вперед по ковру, или остаться на плоту и умереть от голода, — сказала она, посмотрев на друзей.

— Я все равно не пойду. Он нас съест, сначала заманит, а потом съест, — замотала головой Сонька.

— Лишь бы коврик достиг стен замка, — ответила Катя и закинула за плечи рюкзак.

Аня осторожно опустила ногу, готовая в случае опасности выдернуть ее. Нога, провалившись до колена, остановилась. Ковер нежно обхватил ногу своей поверхностью. Подождав немного, Аня опустила вторую ногу, та тоже исчезла в недрах ковра. Катя невольно улыбнулась.

— Ты стала похожа на гномика, даже меньше меня, — она нагнулась над Аней. — Утю-тю-тю-тю. Моя симпатичная коротышка.

Увидев эту картину, кошка изогнулась и зашипела на ковер. Но, убедившись, что девочке не угрожает опасность, успокоилась.

— Ты попробуй лечь, может, так легче будет передвигаться? — предложила Катя.

Следуя советам сестры, Аня осторожно легла на живот и сразу почувствовала, как ковер облепил ее со всех сторон. Ощущение было такое, словно ты лежишь на плохо надутым надувном матрасе, который, утопая под тяжестью, все-таки находил в себе силы держать груз. Девочка попробовала проползти вперед.

— Даже забавно, пойдем, тебе это понравится, — позвала она Катю.

Та, взяв лампу, смело шагнула вперед, но тут же, провалившись, упала лицом на ковер, и ее тело заколыхалось на воде.

— Класс! — сказала она, подымая голову. — Совсем как в аквапарке.

— Пошли, пока этот матрас не пошел ко дну вместе с нами, — пошутила Аня, и Катя, толкая лампу перед собой, поползла следом.

Сонька, оставшись одна, подошла к краю плота и прислушалась. Она ожидала услышать визг и страшные крики о помощи, но до нее доносился только шорох и пыхтение девочек. Кошка осторожно опустила одну лапу на ковер. Он даже не прогнулся. Потом, так же осторожно, по очереди, она стала опускать остальные. Сонька была настолько легкой для ковра, что стояла не проваливаясь, словно была на твердой земле.

— Стою, — прошептала она и сделала несколько шагов. — Стою! — закричала кошка и бросилась догонять подружек.

Когда сестры начали свой путь, это было весело, потом — забавно, но к середине пути ковер вымотал их и оставил без сил. Они с трудом преодолели половину пути и решили отдохнуть.

— Вы что, тут как на параде? — раздался над головой голос, и перед Катиним лицом появилась Сонькина мордочка. — Выключи свет, пока нас не заметили со стен замка. Тем более луна опять вышла и света вполне хватает, — назидательно сказала кошка, словно учительница. Катя погасила лампу. Убедившись, что ее распоряжение выполнено, она подняла хвост трубой. — Я буду ждать вас на том берегу, — и важно пошла вдоль ковра.

Ане захотелось поймать ее, она кинулась вперед, но, промахнувшись, ткнулась носом в ковер. Подняв голову, она посмотрела на Катю, а та уже хохотала, уткнувшись в ковер. Сонька обернулась, посмотрела на девочек и как ни в чем не бывало продолжила свой путь.

— Наверно, этот коврик всю жизнь мечтал завести кого-нибудь в сказочное королевство через все препятствия, — размышляла вслух Катя, продвигаясь по утопающему ковру.

— Его мечты сбылись, в отличие от наших. Да когда же мы доберемся до этой проклятой стены? — взмолилась Аня и неожиданно наткнулась на пушистый бугорок. Бугорок зашипел, и знакомый голос произнес:

— Ты что толкаешься? Я тут, понимаешь, жду их, чтоб предупредить, что коврик закончился, а она толкается.

И Аня почувствовала, как голос, вместе с бугорком, перенесся куда-то вперед. Она подняла голову и увидела край ковра. В двух шагах, на крепостной насыпи, сидела Сонька и облизывала свою шубку. Их разделяла полоска темной воды, опоясывающая стены замка. Аня села на ковер, провалившись по пояс. У нее не было сил не то что прыгнуть, даже шагу ступить. Да и как прыгать? Разбежаться нельзя. Бегай по колену в ковре, сразу нырнешь головой в болото. Катя, тяжело дыша, еле доползла до сестры. Перевернувшись на спину и скрестив руки на груди, прошептала.

— Все, здесь меня и похороните! — пошутила она и закрыла глаза.

— Посмотри, может, у тебя еще коврик есть?

Усевшись, Катя начала разбирать свои вещи.

— Нет, нету. Но есть вот что, — и она вытащила ручку-указку. Подумав немного, Катя стала выдвигать ее. Сначала ручка стала походить на антенну от приемника, потом от машины, и Катя все выдвигала и выдвигала ее.

— Она что, мечтала достать до всех учеников, — улынулась Аня, вспоминая свою учительницу, которая ходила по рядам и легонечко шлепала вот такой же указкой расшалившихся учеников.

Указка тем временем, коснувшись насыпи, превратилась в большое, толстое бревно. Выскользнув из Катиних рук, оно упало на ковер, сильно продавив и затопив его край.

— Ага, и огреть непослушного вот такой дубиной, — спокойно добавила она.

— Пошли? — Аня оседлала бревно и прыжками попробовала передвигаться по нему. Так допрыгав до конца бревна, она свалилась на землю. И все ее тело наполнилось блаженством от ощущения твердого пространства. Полежав немного, девочка услышала Катин шепот.

— Все, больше не могу.

Аня подняла голову. Сестра лежала на бревне, обхватив его руками и ногами. Она медленно встала и помогла ей слезть. И потом уже обе повалились на твердую, но такую мягкую и приятную для них землю.

— Пойдемте, пока Карголга не наткнулась на нас, — сказала Сонька, закончив свой туалет.

За несколько минут земля смогла восстановить силы детей, потерянные в трясине, и теперь они могли продолжить свой путь. Девочки встали и пошли к стене.

— Куда пойдем? — спросила Катя, оглядываясь по сторонам.

— Мы, наверно, приплыли с другой стороны. Это даже лучше, ведь у ворот нас ждет Карголга, а в каждом уважающем себя замке есть много потайных дверей. И мы должны найти хотя бы одну из них, — говорила сестра, одной рукой постоянно ощупывая кладку, чтобы не пропустить секретный ход. Но стена казалась бесконечной.

— Ой, — услышала Аня тихий возглас Кати. Она обернулась, но нигде ее не увидела. Сонька, шедшая впереди, возмутилась.

— Ну, что еще?

Аня вернулась назад, но сестра словно провалилась под землю.

Глава VI

— Да вон она лежит. — Сонька показывала лапой на черную дыру в стене. Аня присмотрелась, но, кроме темноты, ничего не увидела. Через секунду загорелся голубоватый свет лампы и осветил девочку. Катя лежала на каменном полу возле последней ступеньки, ведущей вниз, и потирала ушибленное место.

— Как ты сюда попала? — кричала Аня, спускаясь по ступенькам. — Я здесь проходила, и стена была абсолютно ровной, — она помогла сестре подняться.

— Это все оно, — чуть не плача, Катя показывала перстень на пальце. — Я держалась за стену, чтобы не скатиться в болото, вдруг стена расступилась, и я упала. Лучше положу его в карман.

Аня подняла лампу и осмотрелась. В разные стороны уходили три каменных коридора.

— Эти два, — задумчиво показала Аня на противоположные туннели, — наверно, проложены внутри крепостных стен. А этот, — она показала перед собой, — под замком. Видите, он с небольшим наклоном вниз? Значит, нам туда. — И решительно направилась в противоположную от выхода сторону.

Полукруглые своды подземелья были довольно высоки, и взрослый человек мог свободно пройти по нему. По ширине проход был метра полтора, так что сестры могли идти вместе, не задевая стен плечами. Он очень походил на подземный ход под болотом. Только здесь было суше и сложнее архитектурно. Проход постоянно менял направления, то поворачивая налево, уходя вниз, то возвращаясь, круто поднимаясь вверх. От центрального прохода постоянно уходили маленькие туннели, ведущие в разные стороны. Но они шли только по главному, надеясь, что он ведет прямо в замок.

— Стойте. — Кошка, шедшая впереди, остановилась. — Здесь кто-то стонет. Погасите лампу.

Все вокруг погрузилось в темноту. Она была настолько плотной, что даже поднесенной к глазам руки не было видно. Только где-то сбоку мерцала точка.

— Пошли, посмотрим, — шепотом сказала Катя и взяла Аню за руку. Осторожно, одной рукой держась за стену, девочки двинулись в боковой проход, делая маленькие шажки, боясь наткнуться на камень или запнуться о ступеньку. Сонька смотрела на эту картину и чувствовала свое превосходство, ведь кошки прекрасно видят в темноте.

— Вы похожи на двух слепых старух, потерявших свой посох, — фыркнула она.

— Тогда ты будешь нашим поводырем. Посмотри, что там впереди, — хихикнула Катя, сделав круг ногой, стараясь подтолкнуть кошку вперед. Но Сонька была совсем в другом месте.

— Ладно, ладно, сейчас посмотрю, ты только не лягайся, пожалуйста, — ехидно сказала она, проходя мимо.

Девочки все так же осторожно двинулись вдоль стены. Свет становился все ярче, и постепенно стало ясно, что источник света за поворотом. Дети остановились, а потом внезапно отшатнулись назад. На них надвигалась тень огромного чудовища, похожего на льва с мохнатой гривой. Только вместо хвоста у него была огромная змея, возвышающаяся над его головой. Она вертелась во все стороны, словно выискивая жертву. Сестры почувствовали, как страх сковал их тела, ноги вросли в землю и не желали слушаться. Большие капли пота выступили на лбу.

Змея замерла и прошипела.

— Ну вот я и дождалась вас, — эхом прокатилось по туннелю. Чудовище остановилось, и совсем близко, где-то внизу, раздалось: — Проходите же.

Они посмотрели туда, откуда раздавался голос, и, не в силах больше стоять, рухнули на пол. Катя вытянула руку вперед, попыталась схватить чудовище, губы что-то неслышно шептали, и в этот момент силы покинули ее. Рука опустилась, и она замерла, стараясь успокоить биение своего сердца. Сонька стояла возле поворота и удивленно смотрела на сестер.

— Вы что? — удивилась кошка, рассматривая стоявших на коленях девочек. — Я хоть и королевских кровей, но таких почестей от вас никогда не требовала. — Ее взгляд упал на противоположную стену, и она все поняла. Свет факела отбрасывал удивительные тени на стене. Она повертела хвостом, оскалила пасть, встала на задние лапы и зарычала: — Р-р-р-р. А что? Я в прекрасной форме.

Девочки, с трудом поднявшись, двинулись к кошке, а та, не дожидаясь разборок, поспешила в проход. Вбежав в большой зал, освещенный факелами, она остановилась. В стенах зала были вмонтированы железные двери с решетками и большими запорами.

— Тихо! — скомандовала Сонька, решив из обороны перейти в наступление. — За той дверью кто-то стонет.

Сообразив, что кошка от их расправы никуда не денется, сестры на цыпочках подошли к двери и заглянули в окошко. Там была чернота, свет от факелов не попадал туда. Стоны прекратились, и измученный голос произнес.

— Помогите.

Подруги отскочили от двери.

— Где-то я этот голос уже слышала, и он мне не нравится. — прошептала Сонька.

— Мы его освободим, и он нам поможет отыскать ключ, — предложила Аня.

— Или выдаст нас колдунье. Ведь не зря его заперли.

— Ты тоже сидела на цепи, — возразила Аня.

— А я думаю, сначала надо поговорить с ним, а потом решать, — сказала Катя, осторожно открыла засов и толкнула дверь. — Наверное, петли заржавели, давайте вместе. — Девочки налегли плечами на дверь, и та со скрипом немного отворилась.

— Давай еще поднажмем. — Аня уперлась ногами в пол.

Заскрипев еще сильнее, дверь дрогнула и отворилась настежь. Сестры кубарем вкатились в темницу. В нос ударил сильный запах гниения и плесени. Следом, с лампой в зубах, вошла Соня, и темница наполнилась светом. В дальнем углу, прикованный цепями к стене, стоял леший.

— Это он, он меня похитил. Так тебе и надо, дрявляшка дырявая.

Они внимательно всмотрелись в него. Его тело походило на голландский сыр. Дырки, величиной с вишню, были повсюду. Он застонал и поднял голову. Лицо тоже было в отверстиях, но поменьше.

— Помогите, — повторил леший, и силы его покинули. Он упал на колени, склонив туловище вперед, от падения его удерживали только цепи, прикованные к рукам.

— Так тебе и надо, — говорила Сонька, расхаживая перед лешим взад-вперед. — Похититель слабых, беззащитных кошек. Напал на меня, когда я совсем не ожидала этого. А из меня могли сварить суп, поджарить на костре, как какую-то лягушку. Лучше бы подумал, как было страшно и одиноко твоим пленникам. — Воодушевленная молчанием девочек, Соня собралась продолжить свою речь, но ее прервали.

— А мне жаль его, — сказала Катя. — Такого наказания никто не заслуживает.

— И мне. Давай освободим его, — предложила Аня.

Катя выхватила кинжал и ударила со всех сил по цепи. Но та была такой прочной и толстой, что кинжал отскочил, не причинив ей вреда.

— Да, тут надо что-то другое. — Катя опустила руки.

— Хорошо бы напильник сюда, — вслух подумала Аня.

— Пилочка, у меня есть старая мамина пилочка. — И Катя полезла в рюкзак.

— Ты что, ей только ногти пилить, да и для этого она уже не пригодна.

— Да? Ты не забывай, где находишься, — и Катя вытащила маленькую пилочку для ногтей. Как только та прикоснулась к цепи, у пилочки сразу выросли зубья — маленькие, острые, в несколько рядов. И у каждого ряда был свой наклон. Девчата начала пилить, и с каждым движением цепь становилась все

тоньше. Пилочка ходила легко, безо всяких усилий. Как рубанок снимает стружку с дерева, так и она с легкостью вгрызалась в железо. И вот цепь с грохотом повисла на стене. Катя подошла ко второй цепи.

— Смотри, — здесь железный штырь вбит прямо в руку.

— Конечно, ведь ты отрубила кисть, а новая ещё не успела вырасти. Пили вот здесь, — Аня указала на штырь. Через несколько минут вторая цепь отпустила своего пленника и мирно покачивалась на стене. Девочки усадили лешего на пол. За все время он не проронил ни слова, только странный звук слышался из его тела.

— Попить бы ему — ведь деревья любят воду, — сочувственно прошептала Катя.

— Дай-ка мне шприц, там чистая вода, она должна помочь ему.

При этих словах Сонька с криком: «Опять вода!» — пулей вылетела из темницы. Аня взяла шприц и, подняв над головой лешего, нажала пальчиком. Из носика шприца показалась капелька воды и полетела вниз, окатив лешего с ног до головы холодной озёрной водой. Он шумно задышал, облизал мокрые губы и открыл глаза.

— Кто это так с тобой обошёлся? — спросила Аня.

— Хозяйка.

— За что? — удивилась Катя.

— Я потерял волшебное кольцо, и она лишилась половины своей силы. Вот и наказала самой жестокой и мучительной карой. Приковав цепями к стене, она пустила точильщиков, чтобы эти жуки разъедали мою плоть, пока она не превратится в труху, и сейчас они продолжают меня перемалывать, от этого наказания нет спасения. Эти палачи не выйдут из меня, пока не закончат свое дело и я не превращусь в кучку трухи. — Он замолчал, и наступила тишина. Даже Сонька, выглядывающая из-за двери, не решалась нарушить её.

— А может, их вымыть водой? — Аня показала на шприц. — В лабиринтах, которые прогрызли жуки, должно быть несколько выходов. В один заливаем, из другого выливается, — улыбнулась девочка.

— Мне нечего терять, — пожал плечами леший.

Аня поднесла шприц к одной из дыр и нажала на него. Сразу же из несколько отверстий вырвались фонтаны воды.

— А-а-а! — заорала Катя, что-то стряхивая с себя. — Они попали прямо на меня, — топтала она жуков ногами. — Лучше я пойду к Соне, а дверь закрою, чтобы эта гадость наружу не вылезла. Да и плащ возьму, вдруг кто-то выберется, так я хоть отмахиваться буду.

— Продолжим? — вопросительно посмотрела Аня на лешего, когда Катя с трудом захлопнула за собой дверь. Он радостно кивнул головой.

— Мне стало значительно легче, вода придает моему телу силы.

Аня вставила шприц в следующую дырку.

Когда с промывкой было покончено и леший больше не чувствовал точильщиков в себе, девочка посмотрела вокруг себя. Пол был усеян жуками, барахтающимися в лужах воды. За дверью послышался шум и топот ног. Аня заглянула в окошко. В ту же секунду в зал ворвалась колдунья. За ней вбежала стража и заполнила почти все пространство. Лешие, кикиморы, десятки других незнакомых существ, вооруженные дубинками, копьями, саблями, ножами, стояли возле своей хозяйки, готовые разорвать любого по ее повелению.

— Где мое кольцо? — Карголга грозно обратилась к Кате.

— Соня, беги! — крикнула Катя, повернулась и побегала.

Но не успела она сделать и двух шагов, как из жезла Карголга вырвался огненный шар и полетел в нее. Вспыхнул свет, такой яркий, что на мгновение ослепил всех. Когда глаза привыкли и Аня смогла различать предметы, то сестры нигде не увидела.

— Ах ты, старая карга! — Кошка встала на пути колдуньи. — Я тебе покажу, как маленьких обижать. — Она встала на задние лапы и устрашающе выставила свои когти.

Карголга направила в сторону кошки верхушку жезла, от него отделился второй огненный шар и полетел в Соньку. Та подождала, когда шар приблизится, прыгнула вверх, сделав в воздухе кувырок, и приземлилась на каменный пол. Шар прошел под ней, не причинив акробатке никакого вреда. Аня поняла, что если не закроет глаза, то от вспышки на время ослепнет, как в прошлый раз, и прикрыла глаза рукой. Долетев до стены, шар взорвался на сотни ярких брызг, оставив черное пятно на камнях.

— Ты такого не ожидала? — Сонька продолжала наступать, отражая свет факелов на своих кинжалах.

Карголга улыбнулась так, что у Ани защемило сердце, и выпустила еще шар. Кошка, ожидавшая нападения, подпрыгнула, пропуская его под собой, но следующая шаровая молния, запущенная ведьмой, угодила прямо в нее. Все это происходило на глазах у Ани, она инстинктивно прикрыла глаза рукой, в ожидании яркой вспышки. Девочка не видела, а скорее чувствовала, как от прикосновения шара кошка судорожно задрожала и ее маленькое тельце опутала паутина электрических разрядов. Из-под ладошки Аня увидела, как сыплется пепел, создавая маленькую пирамидку. Ужас сковал Анино тело, рядом с первой стояла точно такая же пирамида, только побольше. Пространство подземелья наполнилось радостным воем слуг и ляганьем оружия.

— Ка... — только и смогла прошептать она. Сильные руки лешего обхватили ее и зажали рот.

«Предатель, а мы его еще пожалели, освободили. Сейчас он выдаст меня своей хозяйке. Эх, мне бы до рюкзака добраться, тогда бы я им показала», — думала Аня, пытаясь вырваться из лап лешего.

— Ты им не сможешь помочь, а если выйдешь, то одной кучкой станет больше, — прошептал леший на ухо девочке.

Аня поняла всю безысходность ситуации, обмякла и заплакала.

Карголга подошла к кучке побольше. Раскидав пепел жезлом, она, нагнувшись, подняла кольцо с черным камнем. Улыбнувшись и полюбовавшись своим отражением в кристалле, она надела его на палец.

— Найдите мне девочку, — и бросила через плечо: — Никто не уйдет от меня, не заплатив за оскорбления.

Слуги, перепугавшись, метнулись врассыпную по подземным переходам, искать девочку. Колдунья посмотрела на дверь, где был заперт леший.

— Все, мы пропали, — леший оттащил Аню в темный угол, а сам, взявшись за цепи, к которым был прикован, прислонился к стене. — И на этот раз я одними точильщиками не обойдусь.

Аня сидела в углу и всхлипывала. Потом вытерла кулаком глаза.

«Кто отомстит за них, если я погибну? Кто спросит с этой жестокой колдуньи за смерть моих друзей? Нет, пусть я погибну, но она узнает, как выглядит месть», — Аня забилась в угол и затихла.

Колдунья толкнула дверь жезлом, и та с легкостью открылась. У стены в слабом свете прорисовывался силуэт лешего, висевшего на цепях.

— Как, ты еще жив? — удивилась ведьма. — Видать, ты из твердой породы, раз за столько времени не превратился в кучу трухи. Но ничего, я подожду. Когда точильщики закончат свою работу, твои останки вынесут на всеобщее обозрение, чтобы каждый мог видеть, что с ним будет за послушание моих указаний.

Леший тяжело застонал. Довольная таким ответом, Карголга улыбнулась, закрыла жезлом дверь и быстрым шагом направилась в ту сторону, откуда пришли «гости».

Когда звук шагов стих, леший отпустил цепи и подошел к Ане. Перед ним сидела бледная девочка. Со стеклянными глазами и выражением мести на лице. В зубах она зажала кулак, на котором виднелись капельки крови.

— Я знаю, как их вернуть, — прошептал ей на ухо леший.

Смысл этих слов постепенно стал доходить до нее. Аня с усилием разжала зубы и отпустила руку. В глазах появился огонек, и кровь начала приливать к щекам.

— Леший, миленький, помоги, пожалуйста, — она умоляюще схватила руку деревянного человека.

— Сначала нужно собрать весь пепел, — все так же шепотом произнес он, словно боясь, что его подслушает колдунья.

Аня вскочила на ноги и подбежала к рюкзаку. Повывиравшись там немного, достала тетрадный листок и щеточку для ресниц. Девочка подошла к первой кучке и стала сметать пепел. Как только вещи коснулись волшебного мира, листок превратился в сверкающую оберточную бумагу с красными розами, а щеточка в широкий веник. Аня даже не заметила этого, она

старательно выметала пол, боясь пропустить хоть одну соринку в щелях между каменными плитами.

— Так. Хорошо. Теперь надо проникнуть в комнату Карголки и завладеть жезлом, — сказал леший, когда работа была закончена. Он взял девочку за руку и повел по темным коридорам.

Очувшись внутри замка, они часто слышали голоса и топот ног, раздающиеся где-то. Когда шаги приближались, леший толкал Аню в потайную комнату и отсиживался там с ней.

— Леший, а как тебя звать? — однажды спросила Аня, сидя в одном из таких укрытий.

— Так и зови, зачем что-то выдумывать? — коротко ответил тот.

— Леший, а как Карголга нас нашла? — еле успевая двигаться по коридору за ним, шептала Аня.

— У нее есть волшебная книга, и после прочтения заклинания вода в котле показывает ей все, что она захочет.

Поднявшись по винтовой лестнице, Леший остановился возле двери.

— Никого, пойдём, — прошептал он над ухом девочки. Он открыл дверь и жестом пригласил внутрь.

Это была та самая комната, в которой подруги нашли кошку, прикованную к цепи, только зашли они

сейчас через потайную дверь. Огонь, горевший под котлом, тускло освещал помещение. Сзади что-то щелкнуло. Аня обернулась и не увидела дверей. Деревянный стеллаж, заполненный разными бутылочками, расположился во всю стену. Девочка взялась за полку и потянула ее на себя, но та не двигалась. Еле заметная щель, шедшая по конструкции, указывала на контуры двери. «Как мы отсюда выберемся? Наверно, здесь есть какой-то ключ». Она стала передвигать баночки с мест, стараясь найти секрет потайной двери.

— Не то, все не то, — раздался голос Лешего. Он перебирал банки с растениями у другой стены. — Я столько время потратил на поиски. Куда же она могла положить его?

— Ты знаешь все эти травы? — изумилась Аня и окинула взглядом бесконечные ряды полок.

— Конечно нет, но это растение запомнил хорошо. Мне пришлось облазить все болото, чтобы найти его. Да еще попало от Карголги за то, что долго искал. У нее как раз бессонница была, а эта трава помогает заснуть. Ага, вот она. — Леший показал бутылёк с мутной жидкостью, на дне которого лежала какая-то трава. — Теперь нальем немного в бокал, — но, подумав, вылил половину. — Это так, для подстраховки, — улыбаясь, пожал плечами он. — От этого она проспит часов десять, и нам хватит времени выбраться отсюда. — Он поставил бокал на стол, возле книги с заклинаниями.

— Что теперь будем делать? — спросила Аня.

— Спрячемся и будем ждать, — он повел девочку к шкафу, стоящему в углу комнаты.

— Фу, как тут пыльно и паутина везде, — залезая в него, Аня поехала и добавила: — Ненавижу пауков.

— Тогда иди в комнату. А я здесь посижу.

Пропустив замечание Лешего мимо ушей, Аня удобно устроилась в углу шкафа и стала наблюдать за комнатой сквозь узкую щель в дверце. Долго ждать не пришлось. Не успел Леший закрыть за собой дверь, как послышались шаги и раздался голос Карголги.

— Беспомощные твари. Не можете найти одну девочку. Всех в кактусы превращу или в чучела, набитые опилками. — Под дверью, ведущей в тронный зал, вспыхнул яркий свет, послышался топот убегающих ног. — Трусые.

Дверь распахнулась, и в комнату вошла колдунья. Ее лицо было искажено злостью. Аня невольно вздрогнула от страха. Бутылёк, стоявший на шкафу, зашатался и полетел вниз. Комнату заполнил звук разбитого стекла. Потом наступила такая тишина, что можно было услышать полет пылинки. Колдунья, насторожившись, пригнулась, выставив свой жезл вперед, готовая испепелить в прах непрошенных гостей. Леший от страха был готов размазаться по стенке, провалиться в другую комнату, лишь бы подальше отсюда. От этих усилий ветки, растущие на его теле, заскрипели, издавая пищущий звук.

— Ах вы, проклятые грызуны, — выпрямилась Карголга. — Как только покончу с девочкой, займусь

вами, — пообещав это, она в сердцах пнула осколки пузырька.

Подойдя к столу, Карголга сделала глоток из бокала.

— Фу, какая гадость! — внимательно осмотрев жидкость в бокале, колдунья плеснула содержимое в огонь. Пламя, радуясь новой пище, взметнулось над котлом. Она взяла книгу и, склонившись над очагом, стала читать заклинание: «Ты, вода, откройся мне, покажи моей судьбе, где...»

Тут ведьма замерла, медленно закрыла глаза и повалилась на пол. Её тело ещё не успело коснуться пола, как раздался громкий храп.

— Давай быстрее, колдунья выпила слишком мало и может проснуться в любую минуту, — Леший вытащил Аню из шкафа. Девочка стала раскладывать на полу свертки. — На, читай. — Он ткнул пальцем в заклинание и добавил: — Потом стукнешь жезлом.

Аня, с трудом разбирая замысловатые буквы, прочитала про себя заклинание.

— Какое странное стихотворение, и совсем нескладное.

— Читай быстрее, у нас очень мало времени, — поторопил её Леший.

*Я хочу, чтоб эта кучка
Превратилась для меня
В то, что раньше было ею,
Вот приказ мой для тебя!*

Аня стукнула жезлом об пол. Тотчас поднялся легкий ветерок и подхватил пепел, лежавший на полу, и по спирали стал подымать песчинки вверх, закручивая их наверху в два шара. Собрав с пола все до последнего остатка, он так же внезапно исчез, как и появился. Шары перестали крутиться, и из них посыпался пепел, словно песок из песочных часов. На полу пепел стал собираться в кучки, но не такие бесформенные, как прежде.

«Лапы, Сонькины лапы», — подумала Аня, и её сердце застучало сильнее. А пылинки всё падали и ложились в том месте, где находились раньше, превращаясь в картинку из паззлов. Словно невидимый каменщик укладывал свои кирпичики, создавая своё здание. Из второго шара пепел превращался в ноги, совсем не похожие на Катины. Чем дальше продвигалось строительство, тем больше Аню наполняло чувство тревоги. И тут что-то пошло не так. В том месте, где у кошки должна быть голова, пылинки, падая, превращались в начало хвоста.

— Что ты наделала? — закричал Леший.

— Ничего, — испугалась Аня. — Там было не в рифму, я изменила одно лишь слово, — взмолилась она.

— Быстрей читай отмену приказа, если не успеешь, они оживут и навсегда останутся такими, — он показал на заклинание внизу страницы.

Первая струйка, уже закончив хвост, принялась за голову, расположив ее чуть пониже спины. Пепел из второго шара добрался до пояса, но и по этим фрагментам можно было понять, что это совсем не

Катя, а скорее карлик или гном. Аня быстро начала читать текст. Сильно волнуясь, она останавливалась, боясь изменить окончание слов, но тут же продолжала дальше.

*Вы совсем не так собрались,
Кучку снова я хочю,
Вы сейчас же распадитесь,
А не то вас накажу.*

И когда две последние пылинки полетели вниз, чтобы завершить кошку, Аня стукнула жезлом о пол. Долетев до своей цели, пылинки не превратились в один из паззлов, а остались самими собой. И архитектура, не выдержав такой нагрузки, начала рушиться как картонный домик, превращаясь на полу в пепел. То же самое произошло и со второй фигурой.

— Фу, успели. — пробормотал Леший.

— А где же Катя? — Аня смотрела на него, не отрывая взгляда.

Леший пожал плечами и нерешительно произнес:

— Может, мы ее не узнали, потому что ты неправильно произнесла заклинание и из девочки она превратилась в монстра? Давай попробуем еще, только все как написано в книге.

Аня начала читать заклинание, но щелчок потайного замка прервал ее. Дверь приоткрылась, звеня склянками, и оттуда донесся шепот.

— Аня, ты здесь?

«Катя? — мелькнуло в голове у Ани. — Нет, не может быть».

Дверь еще приоткрылась, и сестра, крадучись, заглянула в комнату.

— А-а-ня, — прошептала она.

— Катя? — Аня еще не верила своим глазам. — Катя! — Уже на бегу кричала девочка.

Катя попыталась вырваться из объятий сестры:

— Отпусти, ты меня раздавишь.

— Но как? Как ты оказалась живой?

— Живой? — переспросила девочка. — Я и не думала умирать. — И вкратце она рассказала, что с ней случилось.

Когда Катя побежала от колдуньи, то запнулась и упала, ослепленная яркой вспышкой. Встав, она продолжила бег, не заметив, как накидка, которую держала в руках, при падении накрыла ее с головой и сделала ее невидимой для врагов. Забрав за поворот, Катя остановилась, ожидая кошку, но ее все не было. Только отблески яркого света на мгновения освещали темный коридор. Через какое-то время топот ног стал приближаться, укутавшись в плащ, она забилась в какую-то нишу и притаилась. Мимо нее пробежала стража колдуньи, а потом прошла и она сама. Подождав немного, Катя направилась обратно к темнице, но там уже никого не было. Только Анин голос эхом раздавался по подземным коридорам. Следуя за ним, она попала в замок. Несколько раз девочка видела сестру с Лешим, крадущихся по темным коридорам, но не решалась окликнуть, так как боялась, что ее услышит стража. Катя видела, как

Леший с Аней поднялись по винтовой лестнице. Но она не могла последовать за ними, потому что две кикиморы, вышедшие из соседней двери, уселись на ступеньках и о чем-то тихо разговаривали. Когда они ушли, Катя поднялась вверх.

— Но кто же второй? — Аня с изумлением показала на большую кучку пепла, но, увидев вопросительный взгляд Кати, поняла, что наступила ее очередь рассказывать, и поведала ей, что произошло в ее отсутствие.

— Я вот только не пойму, как твое кольцо очутилось в кучке пепла? — словно спрашивая себя, закончила Аня.

— Может, оно выпало из кармана, когда я упала? — предположила Катя.

— Выяснять это сейчас нет времени, — вмешался Леший. — Карголга может проснуться в любую минуту.

— Но что делать со второй кучкой? — спросила Аня.

— Можно ее просто убрать в сторонку, кто знает, что из нее может получиться. — предложил он.

Убрав пепел, девочка старательно стала читать заклинание, проговаривая каждое слово и делая паузы в конце строчек. С ударом жезла ветерок вновь начал поднимать пепел, наверху закручивая его в шар.

— Ты настоящая ведьма, — прошептала Катя на ухо Ане, когда пепел стал превращаться в мозаику.

— Не-е, я только учусь, но дружба помогает делать чудеса, — улынулась Аня.

— Вроде все в порядке, — сказал Леший, когда последние пылинки упали на свое место и трещины между пазлами стали сокращаться, пока совсем не исчезли. Кошка чихнула и шлепнулась на живот.

— Как у меня болит все тело, — простонала она. — А где это я?

— С днем рождения, Сонечка, — радостно сказала Аня.

— С каким это рождением?

— Со вторым, моя дорогая, — подтвердила Катя.

— Что, что это такое? Вы что со мной сделали? — Сонька смотрела на свой хвост, а тот торчал, словно новогодняя елка после рождества, весь облезший. — Сначала ковер. Потом ты, — она угрожающе наступала на Лешего. — Я что, домой совсем лысой приду?

— Я, наверно, не все подобрала в подземелье, но это ничего, главное, что все на своих местах, а шерсть нарастет, — заступилась за Лешего Аня.

Но та не унималась. Она хотела продолжить, но ее взгляд наткнулся на Карголгу. Кошка изогнулась и зашипела.

— Надо поторапливаться, а то колдунья скоро проснется, — сказал Леший, направляясь к двери.

— Сейчас, одну минуточку. — Аня бросилась к Карголге, ища в складках одежды карманы. — Нашла, вот он. — И подняла ключ от квартиры. — Теперь можно и домой.

— А может, трость тоже заберем? — предложила Катя.

— Я думаю, не стоит. Тогда ведьма точно нас отсюда не выпустит.

И девочки, взявшись за руки, двинулись вслед за Лешим.

— Аня, а почему Леший не пошел через подземелье? — спросила Катя.

— В туннелях полно стражников, и там нас там ищут. А через замок есть хоть маленький шанс прорваться.

Остановившись возле трона, Аня позвала кошку.

— Сонька, ты идешь или решила остаться?

— Да иду я, иду. — Сонька выбежала из двери.

— Что, колдунья решила украсить свой замок? — Катя подошла к большому кактусу, стоящему посреди зала.

Аня обняла сестру, вспоминая недавние угрозы Карголги своим слугам.

— Пойдем, пока мы не присоединились к этой икебане.

Леший повел их к выходу из замка, по дороге ловко обходя стражу. Но только группа вышла из замка, как поднялся страшный шум и в окнах стал вспыхивать свет.

— Хозяйка проснулась, нам надо поторопиться. Побежали к крепостным воротам! — закричал Леший на бегу. Но было уже поздно. Не успели они сделать и пять шагов, как из ворот вышел вооруженный отряд и, став полукругом, опустил копья.

— Я брошу муку, и в тумане мы попытаемся пробраться к воротам. — Катя достала коробочку и бросила вперед. Коробка упала к ногам солдат, и высыпанная мука стала превращаться в туман. — Держитесь за руки, чтобы не потеряться, я возьму Соньку, — сказала она, когда туман стал подыматься выше груди. Они приготовились к рывку, но почувствовали, как легкий ветерок скользнул по их ногам. Очертив круг вокруг тумана, он плавно, по спирали стал подниматься вверх, увлекая его за собой. Леший оглянулся. На ступеньках замка стояла Карголга, дирижируя посохом.

— Бежим. — Леший подхватил обеих девочек. — Мы должны успеть к лестнице, ведущей на крепостную стену. Пока хозяйка управляет ветром, она не в силах пускать огненные шары, — кричал он на бегу.

Едва успели спрятаться за каменными перилами лестнице, как за ними вспыхнул яркий свет.

— Ну, погоди, я тебе покажу, — и Аня, достав кукурузу, выглянула из-за перил. — На, получи. — Она бросила зернышко, целясь прямо в колдунью. Но та точным движением посоха отбила зерно, послав его высоко в небо. Не успев взорваться от прикосновения с жезлом, зерно, поднявшись в черное небо, рассыпалось яркими цветами. Видя, что ее усилия не достигли цели, Аня стала кидать зерна одно за другим. В небе стали разрываться звезды, освещая крепость огненными брызгами.

— Это и есть русская лапта в Новогоднюю ночь, — смеясь, кричала Катя на ухо Лешему в перерывах между взрывами.

Но колдунья изменила тактику, она стала направлять зерна обратно. Теперь их же оружие обо-

рачивалось против них. И когда очередной попокорн взорвался в нескольких метрах от Соньки, только тогда Аня перестала бросать зерна.

— Взять их, — отдала приказ Карголга, и вооруженный отряд двинулся на беглецов.

Положение было безвыходным. Вверх, на стену, идти нельзя, дальше не было перил, и их могли сжечь огненные шары. Остаться здесь и противостоять вооруженному отряду было бессмысленно, через некоторое время их возьмут в плен или убьют в схватке. Катя достала из рюкзака шишку и посмотрела на Аню, та молча кивнула. Девочка кинула шишку на землю, но ничего не произошло. Стража продолжала наступать.

— Может, нужно заклинание сказать или Смотритель пошутил над нами? — огорчилась Аня.

Тут чешуйки на шишке стали отскакивать от нее, и маленькие орешки, лежавшие в ней, посыпались в разные стороны. Как только ядра касались земли, то сразу лопались, и оттуда появлялись маленькие шишечки, которые с каждой секундой становились все больше и больше. На их теле стали различаться руки, глаза, рот. Достигнув человеческого роста, солдаты молча подбирали чешую от главной шишки, превратившуюся в настоящие щиты, и строились в две шеренги. Теперь шишковидные солдаты были готовы к битве.

Увидев такое волшебство, отряд нападающих остановился в замешательстве. Карголга выпустила огненный шар по противнику, но тот, ударившись об щиты, вспыхнул, не причинив вреда солдатам.

— Вперед, — крикнула Карголга и указала посохом на обороняющихся. Из замка стали выбегать войска, заполняя все пространство вокруг горстки бойцов.

— Долго нам не продержаться. — Леший, подбрав пустую шишку, стал отламывать не открывшиеся чешуйки, в поисках новых орешков. Внутри было пусто. Расстроившись, он бросал чешуйки на землю и принимался за следующие. Но и там никого не было. Заметив валяющуюся на земле щиту, Леший воспрянул духом. — Разбирайте. Пока они сражаются с Карголкой, мы успеем убежать, — кричал он, кидая к ногам девочек чешую.

Разобрав щиты и прикрываясь ими от шаровых молний, друзья стали подниматься наверх. Карголка, заметив беглецов, выпустила несколько шаров, но те, как и предыдущий, разбились ярким светом об щиты, не причинив никому вреда. Добравшись до вершины крепостной стены, команда двинулась в сторону плота. А внизу горстка храбрецов удерживала бесчисленные преследователей. Если бы битва шла на открытом пространстве, их бы смели за считанные секунды, но здесь, в этом узком месте, они могли противостоять этой орде невиданных существ. И все же, несмотря на большие потери, войско Карголки шаг за шагом, ступенька за ступенькой продвигалось наверх, оттесняя шишковидных солдат.

— Сонька, ты лучше всех видишь в темноте, смотри вниз и не пропусти плот. — Аня посадила кошку на парапет стены, и та, не отставая от девочек, бежала, всматриваясь вниз, ища их спасение. Леший, бежавший впереди, успевал очищать им путь, сбрасывая охранников стены вниз.

— Вот он, — закричала Сонька и остановилась как вкопанная.

Леший подошел к ней и свесился со стены.

— Я, кроме темного пятна, ничего не вижу, — выпрямившись, возразил он

— Это коврик, и он ведет прямо к плоту, — вытянувшись вверх и стараясь дотянуться до носа Лешего, прошипела Сонька, недовольная тем, что ее слова подвергаются сомнению.

— Да ладно тебе, — сказал Леший, забираясь на парапет. — Если там будет все в порядке, я вам крикну.

— Он набрал полную грудь воздуха и бросился вниз. Где-то в темноте раздался шлепок, и голос Лешего произнес:

— Эй, кто следующий?

— Я, наверное, здесь останусь, — попятилась Сонька. — В подвале, наверно, мышей полно, да и вообще тут много интересного. А что вы так на меня смотрите?

— Хорошо, Сонечка, давай попрощаемся. — Аня подняла кошку, но, сделав паузу, добавила: — Или лучше внизу все обсудим. До встречи. — И она разжала руки.

Перекувыркнувшись в воздухе пару раз и прокричав проклятье в адрес девочки, кошка шлепнулась на ковер.

— Порядок, — донесся голос Лешего.

Аня посмотрела на сестру.

— Ты, главное, не бойся, когда будешь призем-

ляться — ноги у тебя должны быть как пружины, мягкие, но упругие. — И поцеловала Катю.

Забравшись на парапет, девочка посмотрела вниз.

— И ничего страшного, это как со ступеньки прыгнуть, — успокаивала себя Катя. — Мамочка! — прокричала она и прыгнула в ночь. «А как это — мягкие и упругие, я же не знаю. Вдруг я сделаю что-то не так и разобьюсь». Ей стало страшно. Когда летела вниз, сердце ее, наоборот, стремилось вырваться наружу и улететь высоко, высоко. Ноги коснулись ковра, он провалился под тяжестью тела, облепив девочку со всех сторон, тем самым смягчив падение. Катя ушла в ковер почти до плеч, но в тот же миг, словно рыба, заглотившая что-то несъедобное, ковер выплюнул ее обратно. Она упала на спину. Сердце все так же бешено билось, но больше уже не стремилось вырваться из нее.

— Здорово. А-а-ня, это здорово! — прокричала Катя и тихонько добавила: — Если б не так страшно. — И посмотрела вверх. На черной стене, на фоне желтоватой Луны, вырисовывался силуэт сестры. Подпрыгнув, Аня расправила руки, словно птица, парящая под облаками. Сделав в воздухе кувырок, она полетела вниз. Катя не могла отвести глаз от этой картины. Ей казалось, что это русалка появилась из воды и сейчас купается в лунном свете. Но, сообразив, что «водоплавающая» сейчас приземлится прямо на нее, быстренько отползла в сторону.

Аня упала рядом с сестрой, провалившись в ковер и тут же выпрыгнув обратно.

— Как, как ты это сделала? — с широко открытыми глазами спросила Катя.

— Не знаю. Я всегда хотела так поступить, а тут словно кто-то подтолкнул, и у меня получилось, — восторженно прошептала та.

— Тише. — Леший стоял по пояс в воде, приложив палец к губам. На вершине стены показался свет, и вооруженный отряд с факелами пробежал мимо. — Надо уходить. Пока нас не заметили.

Он залез на ковер, подхватил девочек и, проваливаясь по колено, пошел к плоту. А Сонька, заскочив на Анино плечо, выговаривала ей.

— Как ты могла, не спросив разрешения, как какую-то дворовую кошку, просто взять и выбросить меня? Подумать только, и с этой девчонкой я вместе живу. Когда-нибудь я проснусь, а мои уши будут лежать в холодильнике. Да? От тебя все можно ожидать, — возмущалась она.

— Соня! — не выдержала Аня. — Дома ты такая молчаливая, такая послушная. А здесь в тебя словно черт вселился. Все ворчишь и ворчишь.

— А что толку дома разговаривать, если тебя никто не понимает, — парировала кошка.

Глава VII

Леший, подойдя к плоту, поставил девочек на ноги. Схватив шесты, они дружно стали толкать плот вперед. Но, не находя от чего оттолкнуться, оставались на месте.

— Хорошо бы сесть на воздушный шар и улететь отсюда. — Катя бросила шест и без сил повалилась на бревна.

— Рыба, у нас есть рыба, которая может надувать пузыри. Мы наполним их болотным газом, который легче воздуха, и полетим. — Аня достала из рюкзака пузырь с плавающей внутри него рыбкой.

— А где мы возьмем этот, как его, болотный газ? — поинтересовалась Катя.

— Видишь, вода булькает, это и есть болотный газ.

Катя посмотрела по сторонам. Отовсюду со дна подымались мелкие пузырьки, лопались на поверхности болота. Аня отпустила рыбку в воду. Пузырь лопнул, и та, сделав круг, исчезла под водой.

— Вот так помощница, — расстроилась она оттого, что ее план развалился. Но тут из воды показался маленький шарик и начал расти. — Скорей веревку.

Катя, поковырявшись в рюкзаке, достала катушку ниток.

— У меня нет веревки, только вот это, — расстроившись, проговорила девочка.

Аня, отмотав от катушки метра два, бросила нитки на бревна. Подобрала уже тонкую, прочную веревку, она стала перевязывать шар. Как только на нем появился второй узелок, шар оторвался от воды и полетел вверх с такой скоростью, что Аня едва успела схватить конец веревки. Если бы шар был чуть-чуть побольше, то он улетел бы вместе с ней.

— Держите меня, — заорала она, передвигаясь по плоту, словно балерина. Леший поймал ее и помог привязать шар к углу плота.

А в это время второй шар уже подымался над водой. Аня завязывала его, а Леший держал конец веревки, готовый к толчку. Второй шар был привязан, и плот немного накренился. Только когда на всех четырех углах появились шары, плот выровнялся, поднимаясь над водой. Но совсем не высоко, было невозможно провести под ним рукой, чтобы не замочить ее.

На крепостной стене вновь засверкал свет, и карательные, делая обход, заметили беглецов.

— Беглецы вон там, надо сообщить хозяйке, — донеслось со стен замка. И факелы, разделившись, побежали в разные стороны, оставив на месте одинокий маячок.

— Надо быстрее отплыть отсюда, — сказал Леший, хватая шест.

— Есть, капитан! Только моряки говорят «отходим». — Аня улыбнулась и стала помогать ему, используя шест как весло.

Плот плыл, правда, с трудом, цепляясь дном за кочки. Сонька стояла на краю плота и всматривалась в темноту.

— Вам стоит пошевеливаться. К нам гости. Эти твари прыгают, словно козы, и не тонут.

— Кикиморы, болото для них дом родной. Они быстро нас догонят, — и Леший еще сильнее стал грести.

— Подожди. — Аня склонилась с плота. — Рыбка, рыбка. Если ты еще здесь, дай нам, пожалуйста, два шарика.

Над водой показался маленький пузырек. Пока шар надувался, Леший взял конец веревки и привязал ее к плоту.

— Сейчас, сейчас, еще немножечко. — Аня перевязала пузырь, и он резко взмыл вверх, сильно подняв угол плота так, что все покатились в воду. Все, кроме кошки. Вцепившись когтями в плот, она быстро поднялась наверх и, усевшись, стала наблюдать за остальными. Лежа по пояс в воде, одной рукой держась за бревно, а другой Катю, Аня наставляла Лешего.

— Фиксируй веревку к плоту, так, теперь завязывай шар. Когда он поднимется, плот выровняется.

— Кикиморы уже близко, я не хочу обратно туда, — запричитала Сонька.

— Еще недавно ты собиралась там остаться, — ехидно заметила Катя.

— Чего только не наговорит испуганная кошечка, — и Сонька отвернулась. — А они уже здесь.

Шар взмыл вверх, и плот, наконец-то, выровнявшись, стал медленно подниматься над водой. Первая кикимора, добравшаяся до плота, повисла на нем, ухватившись руками за край, и затормозила подъем плота. Катя, подойдя к ней, поставила каблучок на пальцы кикиморы и изо всех сил начала вертеть им, приговаривая:

— Стучаться надо, когдаходишь.

Кикимора, закричав от боли, выпустила бревно и полетела вниз. Плот, освободившись от лишнего груза, стал опять подниматься вверх.

— Теперь нас не достать. — Катя посмотрела вниз.

Собравшись в кучу, кикиморы прыгали и визжали от ярости. — Но как мы будем передвигаться? — Катя взяла рюкзак и, будто веслом, попробовала грести им.

— Ты еще подуй, и он точно помчится вперед, — съехидничала Сонька, она почувствовала себя в безопасности и теперь, лежа на бревнах, прилизывала разрастающую шерсть.

— Смотрите! — крикнула Аня, показывая рукой на Луну.

Катя посмотрела, но, кроме черного пятнышка, напоминающего муху, ничего не увидела. Муха становилась все больше и больше.

— Может, это ласточка или лебедь? — думала вслух она. — Так это же наша скатерть, — вскрикнула Катя, когда та закружилась над плотом. — Она отнесет нас домой, — и запрыгала от радости.

Аня сделала петлю на веревке и кинула, стараясь заарканить скатерть. Пролетев довольно далеко от скатерти, петля, сделав круг, повисла на бревне. Собравшись, Аня кинула еще. На этот раз скатерть не стала дожидаться, когда веревка пролетит мимо, она поймала петлю своим углом и, натянув ее, потащила их в ту сторону, где синело небо.

— Смотри-ка, — Катя свесилась с плота, — не отстают.

Кикиморы всей толпой бросились за ними, перепрыгивая с кочки на кочку. Стало заметно светлеть. Мир постепенно менялся под ними. Появившаяся река вытесняла камыши ближе к берегу, становясь все шире и шире. Леший, услышав наверху шум, поднял голову.

— Вороны.

Все посмотрели наверх. Над ними кружила стая черных птиц. Одна из них, отделившись, стала камнем падать вниз, целясь в скатерть.

— Берегись, — крикнула Катя, и скатерть, вовремя заметив опасность, метнулась в сторону, избежав удара.

Вторая птица, сложив крылья, летела к одному из шаров.

— Держись, — закричала Аня и схватила веревку. Шар лопнул, и плот, резко наклонившись, стал терять высоту. Потеря второго шара выровняла его, но падение усилилось. — Отгибайте шары, а то мы перевернемся.

Она потянула на себя веревку, и ворон, пикирующий на шар, со свистом пролетел мимо. Плот приземлился на реку, а из камышей уже начали появляться головы кикимор. Плот коснулся воды и замер на ее глади. Положение складывалось тяжелое. Скатерть не тянула веревку, как прежде, все ее силы уходило на борьбу с птицами. Вороны больше не нападали на шары, их целью стали беглецы. Пролетая над ними, они старались выклевать им глаза, поцарапать лицо.

— Я так долго не выдержу, — сказала Аня, отгоняя птиц шестом.

— С этим мы справимся, вот как с другими быть? — Кошка подпрыгнув, отхватила часть перьев у ворона

своими острыми когтями, и тот, каркая, делая круги над рекой, скрылся в камышах. Кикиморы, подобравшись к самому плоту, пытались залезть на него, но Леший сильными ударами сбрасывал их обратно.

Огромная волна, появившаяся со стороны озера, разделилась надвое и прошла вдоль бортов плота. Захватив прибрежные камыши, она с корнем выдернула их и понесла с кикиморами в глубь болота. Столб воды, поднявшийся из реки, ударил в середину стаи, сбив несколько птиц в реку. Вороны, сделав круг над рекой, поднялись ввысь и исчезли в ночи.

— Водяной, — заулыбалась Катя. — Ты как нас нашел? Если б не ты, мы бы все погибли.

Водяной улыбнулся в ответ и показал на свой живот, там мирно плавала их старая знакомая, весело помахивая хвостиком.

— Мне передали, что вам грозит опасность, и вот я здесь.

— Как мы рады видеть тебя снова, смотри, даже скатерть не улетает, — сказала Катя.

Скатерть, выбравшись из петли, теперь кружила над Водяным, делая то маленькие, то большие круги.

— Я тоже рад, но сейчас мы вместе полетим домой.

Набежавшая волна подхватила плот, и удерживая его на вершине гребня, с большой скоростью понеслась против течения к озеру.

Катя, еще издали заметив Кнопку, пасущуюся на берегу, весело закричала. Лошадь, увидев плот, радостно заржала в ответ.

Сойдя на берег, они долго обнимались, радуясь возвращению. Заметив лежащую на траве скатерть, Аня подошла к ней.

— Ну, что, нагулялась? — она аккуратно свернула ее и положила в рюкзак.

— Смотри, Леший, а у тебя новые пальчики появились. — Катя погладила по зеленым побегам на руке Лешего.

— На старом пне всегда появляются молодые побеги, — улыбнулся он в ответ и обнял девочку.

Попрощавшись с Водяным и Лешим, девочки собрались в обратный путь. Сонька, запрыгнув на лошадь, уселась поудобней, и сестры последовали ее примеру.

— Соня, что это? — в глазах Кати появился ужас.

— А это правда красиво смотрится? — На хвосте у кошки красовалось кольцо с черным камнем. — Не могла же я появиться дома с облезшим хвостом, а так вроде даже ничего, — и она повертела хвостом перед всеми.

— Так это из-за тебя колдунья устроила такую погоню! Мы тут чуть не погибли. — Аня потянулась к кошкиной шее. Но лошадь сделала рывок вперед, и Анины руки, вместо Соньки, схватили гриву лошади. А Кнопка все сильнее ускоряла бег, унося друзей домой.

(Продолжение следует)

Виктор Ефимович Копылов, доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники РФ, Почетный гражданин г.Тюмени, директор научно-исследовательского института истории науки и техники Зауралья (НИИ ИНТЗ).

СЕНСАЦИЯ ОТ ПОЛЕНОВА, или Первый электрик Зауралья

Существует гениальный, на мой взгляд, анекдот. Беседуют двое приятелей.

— Мне кажется, — говорит один из них, — мы недооцениваем творчество великого Томаса Эдисона. Посуди сам: если бы он не изобрел электрическую лампочку, то мы бы до сих пор смотрели телевизор при свечах.

В мире техники, особенно американском, существует убеждение, что первую лампочку создал знаменитый Эдисон. Неужто никого не было раньше? Были, и они немало потрудились на поприще электрического освещения. Среди изобретателей есть и русские фамилии. В первую очередь, это П.Н. Яблочков. Он автор (1876 г.) дуговой лампы или, как ее называли, «свечи Яблочкова», и основоположник практической системы электрического освещения. Сюда же необходимо отнести А.Н. Лодыгина. Он изобрел первую в мире угольную лампу накаливания (патент 1874г.). Но есть предшественник, их опередивший, к сожалению, в России, а тем более за рубежом, малоизвестный — управляющий Нижнесалдинского рельсoproкатного завода Константин Павлович Поленов (1835—1908). Уральский металлург, известный многими нововведениями в плавке стали и в рельсoproкатном деле, прославился еще и тем, что задолго до Лодыгина и Яблочкова в конце 1860-х годов сконструировал, а в 1870—1871-м применил на своем заводе электрическое освещение. В частности, осветил заводскую контору и площадь перед ней. Мощный источник яркого освещения он использовал для проекции на стену прозрачных картин с помощью так называемого «волшебного» (проекторного) фонаря. Как вспоминали современники, свет был настолько сильным, что Поленов делал попытки отражения на экран непрозрачных картинок. В современной терминологии такую технологию отнесли бы к эпипроекторной. Как известно, даже в наше время получить контрастное и яркое изображение на экране с помощью эпидиаскопа довольно сложно.

Человечество на 135 лет утратило суть инженерного открытия Поленова. Оставалось только строить предположения. Мое воображение рисовало следующие картины. Константин Павлович много раз наблюдал за нагревом и свечением в плавильных

плечах раскаленного угля или кокса, за превращением энергии нагрева в световую энергию. Наверняка зная о тепловом воздействии электрического тока, Поленов вполне мог попытаться нагревать угольный стержень. С другой стороны, необычно яркий свет для проекционного фонаря, о чем свидетельствовали современники, в 1870-х годах можно было получить, только используя вольтову дугу. Но для вольтовой дуги потребовалось бы как минимум несколько десятков, если не больше, гальванических элементов. Конструкция стала бы громоздкой, что для инженерного решения — большой минус. Словом, суть вопроса осталась невыясненной.

В начале 1980-х годов я обнаружил одну из первых, пожалуй, публикаций об изобретении Поленова. Это был его некролог, изданный в 1908 году в Перми в виде 16-страничной брошюры, написанной анонимным автором. В нем, в частности, я прочитал следующие: «Изобретательность К.П. Поленова не ограничивалась заводской сферой. Он много работал над практическим применением электричества, и задолго до Яблочкова придумал электрическое освещение. На Салдинской конторе еще в 1870-х годах по вечерам зажигался электрический фонарь, когда их не было ни в одном из европейских городов и заводов. Свое электрическое освещение Поленов применил для волшебного фонаря и получил, благодаря этому, возможность пользоваться непрозрачными картинками, совершенно одинаково с прозрачными. Много лет он работал над применением электричества к музыкальным инструментам. Изобретенный им прибор мелодром давал возможность каждому, с помощью особых нот, играть на фисгармонии без всякого предварительного обучения. Мелодром был любимым изобретением Константина Павловича, и он не переставал совершенствовать его до конца жизни. Будучи в Екатеринбурге, Поленов придумал приспособление для пользования током от электрической станции, вместо гальванической батареи, которую он применял в Салде».

Процитированный абзац оказался наиболее информативным из всего, что позднее было опубликовано об электрическом освещении прибором Поленова. Последующие исследователи почти до-

словно повторяли сказанное, не в силах добавить к нему что-то новое. В.В. Данилевский, которому были доступны самые закрытые архивы страны, писал по этому поводу в 1948 году: «Не исключена возможность, что еще найдутся документы с описанием его изобретений, в том числе его электрического фонаря, устройство которого неизвестно». Обращаю внимание читателя на эти последние три слова.

Кто же этот инженер К.П. Поленов? Он родился в 1835 году далеко от Урала в небогатом дворянском поместье своего отца Павловском Киевского уезда Костромской губернии. Первоначальное образование получил в гимназии города Костромы, которую окончил с золотой медалью. С 1852 года он — студент физико-математического факультета Московского университета. Не располагая средствами для жизни на все годы своего обучения, устроился домашним учителем в одну из московских семей. По завершении обучения в университете с Большой золотой медалью и степенью кандидата, он женился на своей ученице Марии Александровне Быковой. Обладая блестящими математическими способностями, Поленов увлекся астрономическими исследованиями и поступил в Санкт-Петербурге на геодезическое отделение Академии Генерального штаба (1856—1858 гг.). За выдающиеся успехи выпускника его имя было занесено на Золотую доску Академии. Он был оставлен при Пулковской обсерватории для подготовки к профессорскому званию. Уже первое его сочинение — результат экспериментальных наблюдений и математического анализа под названием «О притяжении сфероидов и определении сжатия Земли по наблюдениям качания маятника» обратило на себя внимание специалистов. Казалось, удачное начало предвещало безоблачную научную карьеру.

Судьба распорядилась иначе. К этому времени выросла семья, скромное жалование начинающего научного работника совершенно не обеспечивало ее потребности. Не помогали и частные уроки. Безденежье удручало Поленова. Один из учеников Константина Павловича молодой владелец Нижнетагильских заводов П.П. Демидов предложил Поленову место преподавателя математики и директора в Выйском техническом училище в Нижнем Тагиле.

Поленов принял предложение Демидова и в конце 1859 года выехал на Урал. Горнозаводское дело настолько заинтересовало 24-летнего директора, что кроме преподавания в училище он стал выполнять инженерные поручения управляющего заводами В.К. Рашета. Тот сразу же понял, что имеет в своем распоряжении выдающуюся личность, и вскоре назначил Поленова управителем Висимо-Шайтанского завода. Здесь Поленов прослужил два года, близко познакомился и подружился с семьей священника Наркиса Мамина — отца будущего писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка. Когда в 1864 году Рашет предложил ему должность руководителя крупным Нижнесалдинским заводом, Поленов переехал в Нижнюю Салду вместе с семьей Маминых. Тесные связи семей Поленовых

К.П. Поленов

и Маминых прослеживаются на Урале многие годы. Мамин-Сибиряк дружил с Поленовым, ценил его человеческие и административные качества. В его романах «Приваловские миллионы» и «Горное гнездо» прообразом главных героев Константина Бахарева и инженера Вершинина стал Поленов.

Молодой управляющий направил свое внимание и силы на коренную реконструкцию завода. Он поднял уровень плотин, что дало возможность заменить устаревшие водяные колеса гидравлическими турбинами, построил бессемеровскую фабрику и создал для нее «русский» способ бессемерования стали, снабдил доменные печи новыми воздухонагревательными установками. Но, главное, чего добился Поленов — он превратил завод в основного российского поставщика рельсовой продукции, включая крепежные элементы рельс. Закалка рельс в холодной воде в чугунных колодах, впервые введенная молодым инженером, сделала нижнесалдинские рельсы необычно износоустойчивыми. Одним из первых в России К.П. Поленов с 1880-х годов стал применять на заводе электрические генераторы.

Запомнился Константин Павлович и своей общественной деятельностью. Он избирался губернским гласным, был председателем уездного собрания в Верхотурье, открыл ссудосберегательное товарищество. Много внимания уделял просвещению молодежи и подготовке рабочей смены. По его инициативе в Нижней Салде в 1878 году состоялось преобразование земской школы в двухклассное техническое училище. Большой дом Поленова, напомилавший помещичью усадьбу, окружали огороды, рядом

стояли теплицы и сад на берегу пруда. Хозяин дома своим примером убедил жителей заводского поселка в реальной возможности с успехом вести приусадебное хозяйство. До Поленова считалось, что местный климат для земледелия непригоден.

С 1874 года он состоял членом Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ).

В Нижней Салде К.П. Поленов прослужил до 1902 года, посвятив заводу 38 лет своей беспокойной жизни. Переехав на жительство в Екатеринбург, он купил дом в самом центре города на углу нынешних улиц Первомайской и Тургенева. На стене дома когда-то висела памятная доска. Мне со студенческих лет памятен этот особняк, поскольку он стоял по соседству с уютным садом Вайнера — любимым местом встреч городской молодежи конца 1940 и начала 1950-х годов. Дом снесен в 1970-х годах. К.П. Поленов скончался в 1908 году и похоронен у стен Александро-Невского храмов в Екатеринбурге. Могила не сохранилась.

Желание собрать как можно больше сведений о Поленове, привели меня в августе 1988 года в Нижнюю Салду. На заводе у проходных ворот я сфотографировал мемориальную доску. Ее текст гласил: «Здесь родина русского способа бессемерования малокремистых чугунов, открытого выдающимся русским металлургом К.П. Поленовым в 1867 г.».

В краеведческом музее, почти рядом с заводом, меня приветливо встретила директор Ирина Николаевна Танкиевская, выпускница искусствоведческого отделения Уральского университета. Музей замечательный. Особый интерес у меня вызвали старинные настенные часы, принадлежавшие К.Поленову. Он

привез их в 1893 году из поездки на Всемирную выставку в Чикаго. Часы не только выполняли свои стандартные функции, но и, по предложению К.П. Поленова, регистрировали точное время прихода и ухода с работы служащих заводской конторы. Специальное устройство — приставку для часов — сконструировал сам управляющий.

После посещения Нижней Салды мы наладили с И.Н. Танкиевской переписку, увы — редкую. Время от времени я спрашивал ее: не разгадали ли местные краеведы тайну конструкции электрического фонаря Поленова? Неизменно следовал отрицательный ответ.

Как-то в телефонном разговоре она упомянула, что в музее Д.Н. Мамина-Сибиряка в Екатеринбурге хранится старинная групповая фотография К.П. Поленова и сотрудников конторы Нижнесалдинского завода, снятых возле «волшебного» фонаря. Родилась слабая надежда, что, возможно, внешний вид проектора сможет, хотя бы в общих чертах, дать какую-то подсказку. И вот мне удалось, наконец, заполучить электронную копию действительно уникальной, если не сказать больше — сенсационной фотографии. Уникальность ее в том, что на снимке размером 21,5 на 27,8 см в руках стоящего в центре Поленова находится не проекционное устройство, как предполагалось, а его осветительная часть — искомый электрический фонарь! Разгадка многолетней тайны! Фотография оказалась в музее в 1953 году. Ее передала на хранение учительница из Нижней Салды Н.С. Милютина, справедливо полагавшая, что фотографическое изображение Поленова, друга Мамина-Сибиряка, есть ценнейший экспонат, и музей знаменитого писателя Урала — место его надежного хранения. А поскольку

Групповой снимок сотрудников правления Нижнесалдинского завода, в центре с электрическим фонарем — К.П. Поленов, фото 1870 г.

музей литературный, то никому из историков техники не пришло в голову порыться в его архивах.

Опытному инженеру достаточно одного взгляда, чтобы в деталях оценить конструкцию и принцип работы электрической лампы Поленова. Посмотрим на эскиз чертежа лампы. На двухстоечном постаменте крепится шурупами сферический рефлектор с верхним и нижним овальными отверстиями. В фокусе рефлектора размещены два электрода. Один из них — верхний — толстый, изготовлен из графита, а нижний — тонкий, вероятно, металлический. Отверстия в рефлекторе служат для свободного перемещения червячных втулок электродов навстречу друг другу, что необходимо как для возбуждения вольтовой дуги, так и для восстановления зазора по мере сгорания графита. Держатели электродов — втулки с винтовой нарезкой внутри, надеваются на вертикальный деревянный винт. Резьба винта разделена на две половины: с левой и правой навивкой. Таким образом, при вращении винта держатели электродов могут двигаться навстречу друг другу. Фонарь прожекторного типа позволял создавать мощный направленный поток света, что увеличивало яркость лампы. На фотографии Поленов держит рукоятку винта в своей руке. Для другой руки был предназначен держатель с внутренней винтовкой нарезкой. Сам факт присутствия на снимке фонаря говорит о том, что его изобретатель не только весьма ценил свое детище, но и намеревался сохранить его для потомков.

Конструкция лампы свидетельствует, что в ней отсутствуют признаки принципиальной новизны, поскольку в качестве источника света использована вольтова дуга — общеизвестный и единственный к началу 1870-х годов источник мощного освещения. В какой-то мере фонарь копировал прожекторы морских маяков. Только в собирателе света вместо линзы Френеля Поленов применил простейший рефлектор из жести. Фонарь стал промежуточным звеном в цепи многочисленных усовершенствований устройств с вольтовой дугой. Он не мог конкурировать со свечой Яблочкова, предложенной им несколько позже в 1876 году, поскольку в конструкции Яблочкова в процессе горения электродов исключалось ручное регулирование расстояния между ними.

Необходимо все же отметить, что инженерное решение лампы Поленовым, учитывающее комбинацию устройства сближения электродов и отражающего зеркала, не лишено оригинальности, а для начала 1870-х годов — практического интереса. Кроме того, электрическая свеча Поленова оказалась первой в России, а, возможно, и в мире, которая использовалась в промышленных целях. Несомненная заслуга Поленова состоит и в том, что он первым ввел в обиход электрическое освещение на Урале и в Сибири.

К сожалению, как и все другие устройства подобного рода, фонарь Поленова обладал общим для них недостатком: невозможностью распределения электрического тока для одновременного включения серии осветительных ламп-свечей. Кстати, в

системе Поленова осталась невыясненной еще одна деталь: количество использованных гальванических элементов, соединенных последовательно, для возбуждения дуги. Но этот вопрос уже не носит принципиального характера. Судя по опыту предшествующих и аналогичных экспериментов — не менее 150. Так, в 1849 году в Санкт-Петербурге на башне Главного адмиралтейства был установлен дуговой фонарь для освещения начала Невского проспекта. Несколько позже в 1853-м профессор физики Казанского университета Савельев осветил таким же фонарем двор учебного заведения. Источником тока служили последовательно соединенные 36 элементов Грове и 108 элементов Даниэля.

По слухам, К.П. Поленов привозил свою электрическую лампу для демонстрации в столицу империи. Скорее всего, это было сделано попутно в одну из его многочисленных поездок за рубеж. Так что сохраняется вероятность находки оригинальной документации и чертежей поленовских «игрушек» в научно-технических архивах Санкт-Петербурга. К сожалению, мои попытки отыскать что-либо в Петербурге пока успехом не увенчались.

«Уральский следопыт», который я читаю с детских лет, а это конец 1930-х годов, писал (Толстикова П. Первое в мире. 1964, № 9, с. 23): «Первая в мире поленовская электрическая лампочка изобретена в Нижней Салде в семидесятые годы XIX века. Источником энергии К.П. Поленов сделал гальваническую батарею. Секрет устройства его электрической лампы до сих пор не раскрыт». Теперь все обстоит наоборот: секрет раскрыт, но лампу Поленова нельзя назвать первой.

В одном из залов Нижнесалдинского краеведческого музея демонстрируется картина местного художника-любителя П.С. Тютина — одного из создателей музея, под названием «Первая в мире». Основную площадь полотна занимает здание заводской конторы в Нижней Салде начала 1870-х годов. Время ночное, поэтому контора с крыльцом и колоннами едва видны. Только ее контуры, освещенные луной, очерчены достаточно четко. Зато восемь окон одноэтажного здания — своеобразная доминанта пейзажа — ярко освещены. Содержанием картины и ее названием художник старался подчеркнуть, что первая в мире электрическая лампочка конструкции Поленова появилась в Нижней Салде. Не будем осуждать автора, поскольку он не мог ничего знать о сути поленовского изобретения и о его первенстве. Заметим лишь, что если окна и светились, то только благодаря обычному для того времени источнику света — керосиновой лампе. Фонарь Поленова существовал в единственном экземпляре, и уже по этой причине не мог освещать многочисленные помещения конторы. Стоял он, вероятнее всего, только на крыльце управленческого заведения, освещая, подобно прожектору, площадь перед его зданием.

Фото из фондов Объединенного музея писателей Урала.

Даниил БОЧЕНИН

Ветер

Мы поднялись на рассвете.
Сторожа́м ничего не ответив,
мы вышли в туманное поле.
Нас ждал, как и было условлено, ветер.

Бросив щепотку соли,
каждый из нас был волен
порвать постылые сети.
Искать себе лучшей доли...

Но соль попала на старые раны.
От наших криков проснулась охрана.
Ветер помог ей найти беглецов.

Мы вернулись в тесные камеры.
Каждый — будто письмо неотправленное,
прятал от ветра свое лицо

Вечернее

Я так привык вглядываться, любясь,
в лица людей — в трамвае или на улице.
То же вижу и в облаках,
важно плывущих, ветром гонимых —
когда покрывают собой закат
в пламени невидимом, неугасимом...

Как прозрачные птицы, суетливые мысли
галдят и делят прожитый день.
Насыпать хлеба возле скамейки,
курить и смотреть на небо —
туда, где всего светлей.

А люди идут и проходят мимо,
спешат домой, забывая себя...
И я — забываю, что меня не видно,
и вздрагиваю, ощутив чей-то взгляд.

Вот, прилетела

Вот, прилетела
издалека в мой сад.
Яблоки спелые
стала клевать.
Неожиданной гостье я был рад
и всю ночь не ложился спать.
На прощанье — она запела,
в сером рассвете почти не видна.
В мокрой траве перо ее тлело...
Я не решился его поднять.

Знаки

Вопросительный знак —
крючок рыболовный,
заброшенный в небо.
На котором кривляюсь я
в виде наживки. Кому?
Восклицательный знак —
через край расплескала
вино молодое
фортуна, вращая свое колесо.
Отведай, будь счастлив!

Начала навигации

Взлететь
на крыльях ужаса
нашупав корни
выдирая
себя из почвы
за волосы вон
в открытый космос...

Движение и покой

Стрела цветет полетом.
У воздуха вкус цели.
Окно, как полынья,
растет краями.

без на...

нем как вода
болтлив как рыба
печален как убившая сизифа глыба
случайно навсегда
зашел поздравить адресом ошибся
букет кривых улыбок
забыл на тумбочке в прихожей
куда

Муха на языке

Я насекомое.
Мозаика зрения,
неудержимая совокупность образов.
Я многий и удивительный, неповторимый
автор собственной тени.
Самоцветущий, увенчанный поцелуем Солнца
ребенок.
О, язык!
Корень древности, лопата двуличия,
продолжительность звука имени...

О, выпрыгивающий!
 Ты и есть — наше первое слово,
 разрешенное вкусом блаженства.
 Сокровенно единый во множестве,
 посланный на три буквы
 обрывок многоточия смысла...
 Минующий рыбу тремя шагами,
 готовящий завтрак в четыре руки,
 живущий в свое удовольствие,
 петухом подпевая безмолвию...
 Заложник частицы «бы»,
 в ножнах частицы «ся» —
 вольный глагол
 между полетом и пользой...

Познавшая себя муха
 превращается в паука.
 Проникнув в тайны музыки и гармонии,
 кузнечиком беззаботно стрекочет.
 Потом приходит зима,
 как слон с шестью —
 то ли бивнями, то ли ногами...
 Белое время сна и сомнения.

Слово истины — для слуха искреннего

Слово истины — для слуха искреннего.
 Дело правое — ради друга верного.
 Ничего — для нищего,
 без вести пропавшего.
 Только милость Божия.

О Свободном Театре

Золотой ключик золотой настолью,
 насколько деревянный Буратино.
 Не хочешь ли ты проверить
 реальность огня в очаге?

Одинокие праздники

Одинокие праздники.
 Каждый день чуть медлит в раздумьи,
 но ничего не сказав — так и уходит
 по старым своим следам.

Сегодня днем падал снег

Сегодня днем падал снег.
 Он летел, а солнце светило,
 и облака были чисты —
 такие яркие на голубом небе...

Редкие сухие хлопья
 (было довольно холодно)
 странно смотрелись
 на темных одеждах.

Сильно замерзнув,
 я шел по улице.
 И, ослепленный лучами солнца, —
 поскользнулся на ровном месте...

В этот день зима,
 уходя, — оглянулась.
 И мне показалось неожиданно
 молодым и веселым ее лицо.

Сопружество

крепко
 держатся за руки
 двое слепых —
 сбились давно с дороги

Тема тьмы

душа дыра рыданье рот
 рукой зажатый
 дух сон вдох-выдох слон
 безмолвный провожатый
 суть тело тьма бесстыдство света
 собрание искренних друзей
 сияние и близость жатвы

в отдельности же мы
 атом праха
 ничто и семя

Темное утро

Еще не проснувшись,
 но уже торопясь на работу,
 успеваю влезть
 в закрывающийся двери автобус.
 Выхожу на своей остановке.
 Вспоминаю, о чем был мой сон —
 кораблекрушение...

Учись...

У собственной тени —
 тому, что такое свет.

У выпущенной стрелы —
 продвижению без усилий.

Учись у травы под ногами
 бессмертию.

Я уйду — тихо

Я уйду — тихо.
 Ты не заметишь меня.
 Только почувствуешь вздох ветра
 и капли дождя на губах.

С тусклого неба слепо
 посмотрит печаль на тебя.
 И ночью теплые слезы
 легко наполнят глаза.

Ему писал Иван Бунин

Просматривая как-то подшивку журнала «Уральский следопыт» за 1969 год, я натолкнулся на статью А. Походова «Два письма». Статья была посвящена прозаику и поэту Василию Лезину и касалась только переписки В. Лезина с Н.А. Рубакиным и М. Горьким. Ни о творчестве, ни о жизни Василия Евдокимовича автор статьи ничего не писал, но его заключительная фраза: «Профессиональным литератором В.Е. Лезин, как и предполагал Н.А. Рубакин, не стал...» — меня насторожила.

Почему? Я внимательно, несколько раз перечитал ответное письмо Н. Рубакина к В. Лезину и не обнаружил заключения, к которому пришел А. Походов. Напротив, известный литератор писал: «Познакомившись с Вашими стихами, я думаю, что Вам бросать их писать не следует. Если Вы глубоко и сильно чувствуете то, о чем пишете... то у Вас может быть будущность». И еще: А. Походов перечислил дореволюционные столичные журналы, где были помещены стихи и рассказы В.Лезина, но совершенно не коснулся его публикаций в уральской прессе, где он печатался с 1911 по 1919 год.

Кто же такой Василий Лезин и почему он не стал профессиональным литератором? И надо ли обязательно быть профессиональным? Быть просто литератором, разве этого мало? Вспомните Тютчева, Грибоедова, Рылеева...

Василий Лезин родился в 1890 году в деревне Тютнары в крестьянской семье переселенца на Южный Урал с Поволжья. В семье было пятеро детей (три сына и две дочери), и все они воспитывались на примере большой любви родителей к земле: Лезины имели заимку в ста километрах от Кыштыма. Это была крепкая трудолюбивая семья, своим трудом обеспечивающая себе достаток. По крайней мере, родители поэта могли позволить себе оплатить учебу сына в Екатеринбургском реальном училище. Василий окончил его с отличием и свободно владея немецким языком.

В дореволюционные годы человек, окончивший реальное училище, имел право преподавать в сельской школе. Лезин с молодой женой, выпускницей Казанского института благородных девиц, едут в село Хромцово.

Служба в местной школе давала возможность безбедно жить. Земство определило им зарплату — 25 рублей в месяц, плюс два с половиной рубля за квартиру, как тогда говорили, с «готовым столом». Молодым повезло не только с работой, но и с интеллигентным коллективом, который подобрался тогда в селе Хромцово (земские врачи, учителя, служащие). Они интересно проводили время: музицировали (жена В. Лезина играла на пианино), декламировали, обсуждали новинки литературы. Здесь, в этой среде, Василий Евдокимович и начинал свою литературную деятельность. Его первая публикация появилась в 1911 году в журнале «Заря жизни», выходившем приложением к екатеринбургской газете «Уральский край». Стихотворение было озорное, задиристое, в нем чувствовался юношеский задор:

*Я приду к тебе, затворница,
Чрез закрытое окно,
Чуть в окне высокой горницы
Забелеет полотно.*

Воодушевленный поддержкой в ответных письмах, молодой автор рассылает свои произведения в редакции столичных журналов и не стесняется сослаться на поддержку его стихов большими авторитетами.

В период с 1912 по 1916 годы В. Лезин публиковался в журналах «Мирок» (редактор В.А. Попов), «Семья и школа» (редактор В. Львов) и других, где одновременно печатались многие известные русские литераторы. Но чаще всего стихи В. Лезина появляются на страницах уральской прессы: газетах «Зауральский край» (1916), «Урал» (1918), «Наш Урал» (1919), журналах «Уральский кооператор» (1917), «Уральское хозяйство» (1919).

Гражданская война застала семью Лезиных в селе Хромцово. Каких убеждений придерживался тогда поэт, догадаться не сложно — по решению, которое он принял. Лезин с семьей снимается с обжитого места и едет в Сибирь вслед за отступающими войсками Колчака. Но когда колчаковское движение развалилось после гибели адмирала, семья вернулась обратно на Урал. Лезины едут в Кыштым и там работают в школе второй ступени.

20-е годы можно считать вторым расцветом литератора В. Лезина. В эти годы он пишет рассказ «Уральская яблонька», повесть о новой деревне «К земле», письма-поэмы М.В. Чекматовой, В. Петровой, маленькую поэму «Карабаш», лирические стихи и сонеты.

Но жизнь для В. Лезина изменилась, как, впрочем, и для всех россиян. Об этом свидетельствуют сохранившиеся письма.

Так, бывший редактор журнала «Хутор», с которым В. Лезин сотрудничал в 1912—1913 годах, писал в сентябре 1925-го: «Очень рад был получить весточку от Вас, моего бывшего сотрудника по журналу. Да, многое мы с Вами за это время испытали и пережили. Впрочем, не мы одни, а все так.

Библиотеку мою давно революционным путем от меня отобрали, у меня даже и журналы мои не оставили, нет ни одного номера».

В конце 20-х семья Лезиных возвращается в Екатеринбург (Свердловск).

Хозяин купил в г. Березовском лавку под снос и построил собственными руками дом на Шарташе. Свои произведения Лезин стремится опубликовать, но ничего не получается, везде отказ. Как, например, из редакции московской «Крестьянской газеты»: «Уважаемый товарищ Лезин. Присланная Вами рукопись, несомненно, хороша. Она умело построена и популярно написана. Ее недостаток — слабо подчеркнутая общественно-политическая сторона вопроса».

Мог ли литератор

В. Лезин менять свои убеждения и подстраиваться под новые требования? Если судить по его архиву, то он перестал регулярно писать, обращаясь к перу только время от времени. Политическая обстановка в стране в 30-е годы этому мало способствовала: растет подозрение к «бывшим» со стороны власти. В 1937 году арестовывают и расстреливают близких знакомых В. Лезина: А.И. Шубина, В.М. Шумского, В.В. Буйницкого, С.С. Качиони.

Круг сжимался молниеносно, и чтобы не рисковать собой и семьей, Лезин спешно, в один день, заколачивает дом и вновь едет в Кыштым. До лучших времен. При этом, как вспоминает дочь поэта: «Папа на коленках перед камином, в слезах, бросал дорогие для него письма, полученные когда-то от Горького, Бунина... и говорил сквозь слезы: «Если бы ты знала, какое богатство я уничтожаю собственными руками».

Когда несколько затихла расстрельная эпопея, семья Лезиных вновь вернулась в свой дом на Шарташе. Василий Евдокимович, его жена Ольга Петровна поступили работать педагогами в школу. С ними жила до конца дней мама Василия Дарья Игнатьевна. Раскулаченная и разоренная, она удовлетворяла свою неумную страсть к земле на приусадебном участке.

О литературной деятельности уже не было и речи, но осталась до конца дней глубокая любовь к русской литературе да большая библиотека, которая выручала (продажей ценных книг) в голодные годы Великой Отечественной войны.

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ДЕСЯТКА,

или Зачем мы ходим в походы

Что же так влечёт нас в тайгу, горы, на сплав, из удобных просторных квартир со всеми удобствами в походный быт с мошкой, комарами, скромным питанием, дождями и различными опасностями?

Тысячу раз прав великолепный писатель-рассказчик Михаил Веллер, который считает, что человеческая сущность складывается из двух понятий – действие и чувство. Человек ненасытно хочет, жаждет испытывать всё новые и новые ощущения, новые чувства и для этого совершает определенные действия. Как всё гениальное, просто, понятно, точно. Эта формула впитывает в себя всю гамму причин, которые вот уже двадцать лет отправляют меня в путь измерять километры ногами, веслами, плечами, своим терпением и здоровьем. Здесь всё:

1 Любовь к природе, лесу, изображения которого составляют мою небольшую коллекцию (фото, живопись, гравюры на металле, картины на каменной крошке).

2 Психологическая свобода от денежных купюр, которые в тайге превращаются в просто красивые бумажки, которыми в самом крайнем случае можно разжечь костер.

3 Исчезают все проблемы, изматывающие душу в городской суете (дети, внуки, работа, транспорт, бюджет и тому подобная трясина).

4 Конечно, душевный комфорт от ежедневного общения с приятными, даже дорогими людьми, которые своим душевным теплом согревают, обогащают, защищают. Я лично всегда стараюсь ходить в походы с людьми, хорошо мне знакомыми.

5 А куда деть тот неописуемый восторг, который молнией рассекает тебя от макушки до пяток, после прохождения, казалось бы, непреодолимого препятствия? Вот оно, острейшее чувство, которого так не хватает нам в повседневной суете. Тут уж наши надпочечники работают на пределе своих возможностей, выплескивая в кровь дорогой адреналинчик. Не наркотик, а кайф посильнее всякой дури!

6 Костёр! Вечная магия пляшущего огня, смотреть на который не устаешь никогда. Ката-

лизатор романтического настроения, воспоминаний, фантазий, мечтаний. Твой тёплый ежедневный спутник, одаривающий тебя горячей едой, длительным вечерним чаепитием, приправленным туристскими и житейскими байками, песнями, стихами.

7 Мозаика ежедневно меняющейся природы, ландшафта, берегов. Непритворные картины таёжной реки, горной реки, одаривающие тебя эстетическим наслаждением, благоговением перед красотой и мощью, которые тебе выпало повидать и испытать.

8 Радость, самоуважение в конце похода. Я смог. Я сделал. Я выдержал. И не надо стесняться этого «якания». Во-первых, мы не кричим об этом на площади. Во-вторых, это правда, если от трудностей ты не скис и не превратился в неприятный вынужденный балласт для твоих друзей. Самоуважение нередко приводит к великим свершениям в науке, спорте, в любой работе.

9 Надежда! О, это великое чувство, спасающее людей в, казалось бы, безвыходных ситуациях. Уходишь в поход, и ждёшь, надеешься на что-то чрезвычайно интересное, удачное, необыкновенное. Ждёшь от каждого предстоящего дня. Не случилось сегодня, будет завтра. И мы постоянно пьём этот пьянящий эликсир, будоражащий наше воображение, делающий нашу жизнь более интересной, более богатой, более напряженной и многоцветной.

10 Не стану говорить за других, а меня в походах постоянно сопровождает моя лира, моё вдохновение и гордость за нашу родину, за Россию, её богатство, просторы, за её непостижимость. Гордость, которая очень часто соседствует с горечью, обидой за её необустроенность и разруху.

Этот трактат можно было бы продолжить. Написать и защитить диссертацию, стать доктором туристических наук. Но я не буду вас больше этим утомлять. По-моему, ясно: желание испытать новые чувства, новые ощущения подвигают нас на действие. А самое эффективное действие, порождающее неизведанные ранее чувства – это поход, сплав, горы, тайга и названная «великолепная десятка».

текст: Андрей БЕСПУТИН,
фото: Евгений САВЕНКО, Андрей БЕСПУТИН, Андрей КЛЮЧНИКОВ,
Александр АРАПОВ, Владимир ПАНТЕЛЕЕВ, Максим РАССОХИН

МАЙСКИЙ ЭКСТРИМ: ПРАЗДНИК НА ВСЕ СТО

Марине Рудольфовне,
как вдохновителю наших побед

«С утра непогодилось...» — именно так в редакции посоветовали начать статью, посвящённую главному спортивному событию мая. Что и говорить, погода в этот День пограничника действительно не задалась: спозаранку занудил дождь, похолодало, и обещанные +22° оказались под большим вопросом. В эту пору даже проснуться вовремя — поступок. А уж нести своё тело, нагруженное сплавод средствами и упакованное в спасжилет, на состязания туристов-водников и вовсе подвиг.

Однако к урочному часу в самый центр уральской столицы, на Плотинку, потянулись одетые в яркую спортивную форму молодые люди. И праздник начался! Даже прикинематографический барон и впрямь разогнал тучи, а прошедший дождь наполнил влагой пенные воды реки Исеть, обеспечив необходимый для соревнования уровень воды. Так что, можно сказать, всё работало на успех мероприятия.

Первым и самым зрелищным номером программы был конкурс под условным названием «Лососи на нересте»: у самой плотины на протянутой над ревушим потоком верёвкой были развешаны призы. Надо обладать недюжинной сноровкой и силой, чтобы, выгребая против течения, несущегося со скоростью курьерского поезда, первым сорвать заветный пакет, обгоняя при этом соперников, стремящихся к той же цели.

Разношёрстная публика, гроздьями облепившая мост и бордюры плотины, едва не срывалась в воду, наблюдая за происходящим, невольно поддаваясь накалу страстей, буйству стихии, в облаке мелких водяных брызг. Говорят, мол, «турист-водник умывается в пороге». Теперь и зрители, возможно,

Хочешь двигаться — ищи попутчика! Хочешь двигаться — ищи попутчика! Хочешь двигаться — ищи попутчика!

совершенно далёкие от спорта и всякой физической активности, были крещены исетской водичкой и, хотя бы таким образом, приобрелись к экстремальному действу.

Ожидая старта основной гонки, экипажи на судах вдоволь погарцевали по аква-

тории реки меж двух мостов под объективами фото-, видеокамер и взглядами любопытных горожан. Неизбежные длинноты с успехом заполняла группа танцоров акробатического рок-н-ролла, исполнявшая свою программу под зажигательные музыкальные ритмы. Участники и зрители не могли устоять на месте. Многие танцевали прямо в воде. Диджей едва успевал менять пластинки.

Не обошлось и без экзотики. Тут и весёлые девчонки-«экстремиски», по которым явно тоскуют обложки глянцевых изданий, и шоумен на байдарке, которого окрестные СМИ именуют не иначе, как «мужчина с котом», и маленькая девочка с котёнком неизвестной породы (в плавании, таким образом, отправились сразу два хвостатых друга человека). Желающие могли опробовать свои силы в катании на надувном колесе по «пивным» исетским волнам.

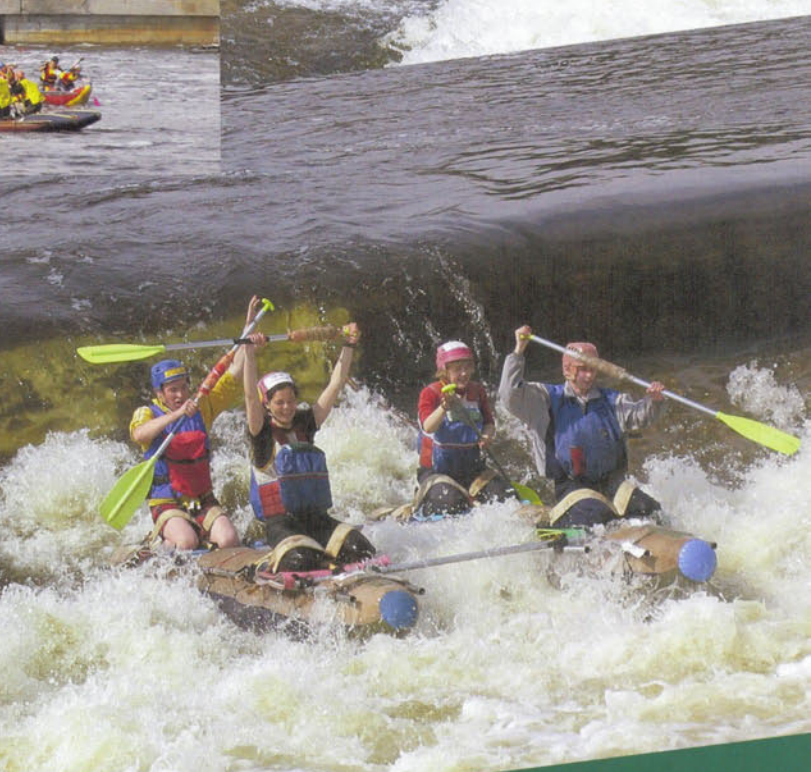
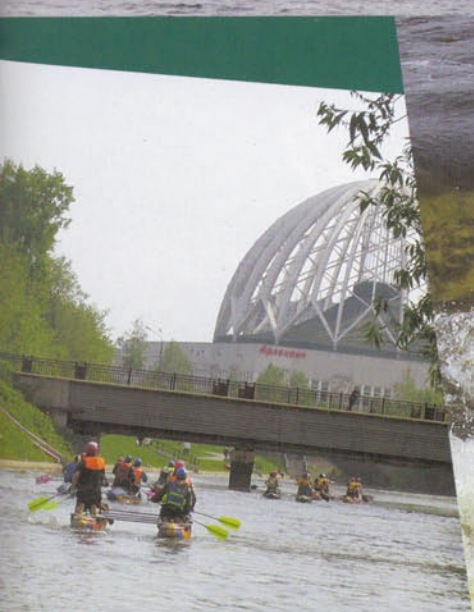
Хочешь двигаться — ищи попутчика! Хочешь двигаться — ищи попутчика! Хочешь двигаться — ищи попутчика!

Наконец был дан старт, и спортсмены, сделав прощальный круг, интенсивно работая веслами, двинулись в недолгий путь. Им предстояло проплыть под семью екатеринбургскими мостами, преодолеть знаменитый Малышевский слив и финишировать у пешеходного мостика в парке Маяковского.

Тут самое время заметить, что нынешний «Экстрим» — десятый по счёту, а значит, юбилейный. Как и прежде, основное организаторское бремя со всей ответственностью принял на себя «Уральский следопыт». Без особого преувеличения можно сказать, что сотрудники редакции недосыпали и недоёдали, чтобы всё задуманное могло осуществиться. Словом, «этот день мы приближали, как могли...».

Участники соревнований тем временем постепенно воз-

Хочешь двигаться — ищи попутчика! Хочешь двигаться — ищи попутчика! Хочешь двигаться — ищи попутчика!

вращались с дистанции, цыганским табором располагаясь на травке Исторического сквера, в ожидании результатов гонки и награждения победителей.

Конечно, кому-то повезло больше, кому-то, естественно, меньше. Такова спортивная жизнь. Кто-то купался в пене «Советского игристого», кто-то, опираясь на весло, скромно стоял в толпе, наблюдая торжество счастливых. Но слёз в этот день мы не увидели. Это тот самый случай, когда важна не победа, а участие. Главное — то, что праздник по имени «Майский экстрим», давно уже ставший настоящим испытательным полигоном для туристов-водников и прочно

укрепившийся в топ-листе событий уральского мегаполиса, состоялся!

И, наконец, «Майский экстрим» — не просто спортивный турнир, но и Праздник Реки. Реки Исеть, когда-то давшая жизнь городу, вставшему по её берегам, и долгое время его питавшей, а ныне, нашими же усилиями, не могущей похвалиться чистотой вод. Так что это ещё и экологическая акция. И мы горды участием в этом.

И неважно, что кто-то, как Александр Челноков, аксакал уральского туризма, принимал участие во всех «Экстримах», а кто-то сделал только первую зарубку на весле. Главное — все мы почувствовали себя частью чего-то большого, адептами некоего тайного братства. В течении целого дня и этот город, и эта река принадлежали нам, туристам и спортсменам. Когда ещё такое случится?

А случится это, обязательно снова случится, в будущем мае. И наш «Экстрим», бог даст, превратится со временем в полноценный фестиваль туристско-спортивной молодёжи на берегах Исеть-реки. И наш флаг будет снова полоскаться в водной пыли над Плотинкой...

Вот с какими мыслями покидали мы гостеприимный остров Исторического сквера.

Сотовая Связь МОТИВ оказала поддержку и получила статус официальной связи юбилейного водно-спортивного праздника «Майский Экстрим».

Не секрет, что, являясь местным оператором сотовой связи, компания МОТИВ активно участвует в жизни родной области и поддерживает значительную часть спортивных, социальных и культурных проектов. Славные традиции МОТИВА продолжились на празднике «Майский Экстрим».

МОТИВ - официальная связь праздника

Веселая оранжевая атрибутика компании на территории проведения водноспортивных соревнований, яркие и забавные бейсболки и футболки на участниках и гостях объединяли, а самое главное, настраивали на МОТИВ приятного общения и позитив! Хочешь двигаться — ищи попутчика!

Лекарственные растения Урала

Рубрику представляет сеть аптек «ЗДОРОВЬЕ XXI ВЕК», г. Екатеринбург:

«ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ», Комсомольская, 13, тел. 374-74-75

«СЕМЬЯ И ЗДОРОВЬЕ», Щорса, 92 А, корп.1, тел. 220-90-36

«МИР ЗДОРОВЬЯ», Щорса, 96, тел. 220-90-18

«ПРИМА», Белинского, 147, тел. 257-25-63

АПТЕКА «ЗДОРОВЬЕ XXI ВЕК», Мира, 36, тел. 374-79-59

АПТЕЧНЫЙ ПУНКТ «ЗДОРОВЬЕ XXI ВЕК», Мичурина, 231, тел. 254-23-62

Использование растений с лечебной целью известно с глубокой древности. Лечебный опыт человека из поколения в поколение совершенствовался и обогащался новыми наблюдениями по использованию природы как источника лекарств.

Лекарственные растения при лечении различных заболеваний применяются как в научной, так и в народной медицине. Раньше лекарственные растения целиком являлись лечебными средствами, которые всеми своими компонентами воздействовали на организм. Расчленение действующих начал «сырья» противоречат требованиям народной медицины:

а) любое заболевание рассматривать как болезнь всего организма ;

б) лечить не болезнь, а больного.

Вещества, обладающие фармакологическим воздействием на организм человека, могут усилить или ослабить функцию того или иного органа, но для всего организма они окажутся ядом. Об этом говорит многовековой опыт народной медицины, который в наше время не должен предаваться забвению.

Мы рассмотрим лекарственные растения, произрастающие в Уральском регионе и обладающие мочегонным действием.

Брусника обыкновенная (1) (брусничник)

Vaccinium vitis-idaea L.

Вечнозеленый стелющийся ветвистый кустарник высотой 8—25 см. Листья мелкие, эллиптические, кожистые, с загнутыми краями. Цветки мелкие, бело-розовые, колокольчатые. Плод — шаровидная ягода, красная, кисловатая, приятная на вкус.

Цветет в мае—июне. Растет в хвойных, лиственных и смешанных лесах, по кустарникам и на торфяных болотах. Заготавливают листья во время цветения; ягоды — после их созревания.

Листья обладают мочегонным, асептическим, вяжущим, гемостатическим, диуретическим действием. Ягоды — хорошим слабительным, диуретическим, антигельминтным, бактерицидным действием.

Применение

Настой: 2 ст. л. листьев брусники на 250 мл кипятка настаивают 30 минут, процеживают. Принимают по 1—2 ст. л. 3—6 раз в день при указанных выше заболеваниях.

Жидкий экстракт листьев брусники обладает седативным и диуретическим действием.

В сушеном виде листья брусники заменяют черный чай.

Толокнянка обыкновенная (2)

(Медвежья ягода, медвежье ушко)

Arctostaphylos uva-ursi (L.) Spreng.

Вечнозеленый кустарник высотой до 50 см. Листья кожистые, цельнокрайние, снизу более светлые. Цветки собраны в малоцветковые кисти. Плод — ягода размером с горошину.

Цветет в июне—июле. Растет в хвойных лесах с моховым и лишайниковым покровом.

Заготавливают листья вместе со стеблями во время цветения. После полного высыхания листья обрывают, стебли выбрасывают.

Оказывает мочегонное, антисептическое действие (главным образом при заболеваниях мочевого пузыря).

Применение

Настой: 1 ст. л. листьев толокнянки на 500 мл холодной кипяченой воды настаивают 10 часов, ставят на водяную баню на 15 мин., процеживают. Принимают по 1—2 ст. л. 3—4 раза в день при хроническом цистите, пиелонефрите. Препараты толокнянки нельзя употреблять длительное время.

Береза повислая

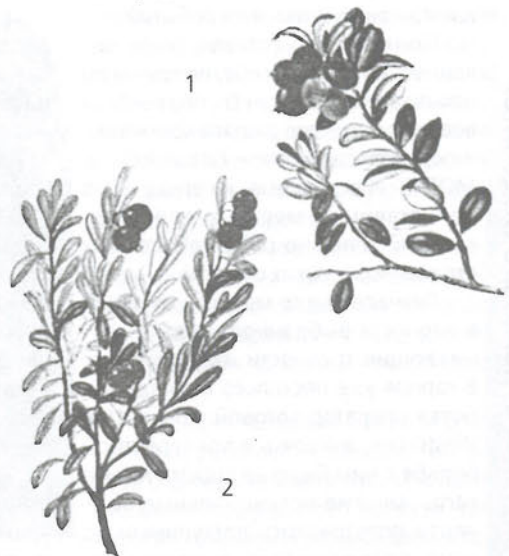
Betula pendula Roth.

Дерево высотой 20—30 м, с негустой пирамидальной кроной. Кора белая, напоминающая пергамент. Листья почти ромбические, длинночерешковые, клейкие. Цветки коричневые. Цветет в мае—июне. Заготавливают листья в июне—сентябре; неразвитые почки — ранней весной; кору — в апреле.

Обладает мочегонным, желчегонным, потогонным, антисептическим действием.

Применение

Настой: 50 г свежих листьев березы на 500 мл кипятка настаивают 6 часов в теплом месте, процеживают. Принимают по 150 мл 3 раза в день как мочегонное средство.

Продолжение. Начало в № 4, 2006

В СОЮЗЕ С «РЫЖИМИ»

Центральный офис продаж и обслуживания абонентов Сотовой Связи МОТИВ, ул. Шейнкмана, 57

Сегодня почти каждый житель Екатеринбурга и области имеет сотовый телефон. Трудно представить, что появилась сотовая связь всего 10 лет назад. Она молниеносно ворвалась в нашу жизнь и заняла в ней прочное место. О том, как неудобно жить без «сотика», вспоминаешь, только если забудешь его подзарядить. Когда твой маленький постоянный спутник становится «глух и нем», чувствуешь себя вне контекста времени и событий.

Понятно, что сотовая связь появилась не сама по себе, ее принесли нам люди. В 1996 году группа бывших военных связистов создала компанию, теперь известную как — Сотовая Связь МОТИВ. И в то время, и сейчас — это единственный местный оператор, который успешно работает в самых отдаленных уголках области.

Вначале часто мучают сомнения в верности выбранного пути, а возникающие трудности их усиливают. В городе уже несколько месяцев работал оператор сотовой связи «Ural Westcom», выстоять в конкурентной борьбе с ним было не просто. Кроме того, многие потенциальные абоненты пользовались доступными по цене пейджерами и не видели необходимости в приобретении сотовых телефонов. Однако руководители

компании предвидели перспективы развития сотовой связи и упорно шли к цели.

Монтаж первой базовой станции проходил в невероятно сложных условиях. Технический персонал компании при двадцатиградусном морозе на высоте 140 метров крепил антенные устройства. Защитных костюмов тогда еще не было — обмотались полиэтиленовой пленкой. Она сковывала движения, твердела на морозе, шуршала и развевалась на ветру. Тем не менее станция была установлена, и сотовая связь заработала. Сначала только в Екатеринбурге, а позднее в большинстве районов Свердловской области, даже в самых отдаленных.

МОТИВ всегда приходит вовремя. В старейший на Урале город Верхотурье сотовая связь пришла к великому празднику трехсотлетия обретения мощей Симеона Верхотурского. Крестный ход, организованный епархией в честь знаменательного события, двигался из Верхотурья в Меркушино и обратно в течение четырех дней, и все это время паломников поливал дождь; только на остановках, возле святых мест, где проводилась служба, дождь прекращался и выглядывало солнышко, освещая золотые хоругви и одеяния служителей церкви. На время торжеств на территории монастыря в Меркушино была установлена передвижная базовая станция, она обеспечивала связь со всеми регионами страны. На крестный ход съехались духовные чины со всей России и были приятно удивлены наличием сотовой связи в глубинке. А менеджеры, в свою очередь, были удивлены технологичной «продвинутостью» духовных лиц, требовавших настройки GPRS. В течение всего праздника батюшки держали связь со своими приходами благодаря МОТИВУ.

Вокруг Верхотурья много монастырей. Настоятельница женского монастыря в селе Меркушино сестра Агния очень способствовала установлению базовой станции, всячески помогала техникам. В монастыре нет проводного телефона, поэтому сотовая связь для них была очень актуальна. Постепенно связь дошла и до деревни Лаптево, села Косалево, где находится мужской монастырь. Трудно выразить в сло-

В 2005 году Сотовая Связь МОТИВ признана «Брэндом года» в категории «Региональный проект»

вах благодарность, которую испытывали жители удаленных поселков к организаторам удобной и практичной связи. Еще более насущным оказалось наличие связи на северо-востоке области, куда «только самолетом можно долететь» и то не всегда. В далеких поселках люди живут практически натуральным хозяйством — что добыли в лесу и на реке Сосьве, тем и питаются круглый год. Продуктов, которые завозят по «зимнику» или на пароме, хватает ненадолго.

В поселок Пуксинка Гаринского района для установки базовой станции и подключения абонентов техники и менеджеры передвижного офиса продаж добирались более 12 часов. Только что на оленях не ехали, вспоминают техники, — сначала поездом, потом

Сотовая Связь МОТИВ — официальная связь торжеств в честь 300-летия перенесения мощей св. праведного Симеона из Меркушино в г. Верхотурье и 400-летия Свято-Николаевского Верхотурского монастыря

на самолете, пешком по бездорожью. Селяне встретили долгожданную команду, возбужденно галдя, обступили, наперебой расспрашивали. Большое событие — давно с большой земли никто не появлялся. Двое суток без отдыха подключали абонентов. К концу первых суток стало казаться, что уже по второму кругу подключают людей, однако недоразумение скоро прояснилось. Изголодавшиеся (истосковавшиеся) по общению люди проговаривали положенные на счет деньги в коридоре и вновь вставали в очередь, чтобы успеть позвонить всем родственникам и знакомым.

Самой восточной точкой области является город Тавда. Об установке в этом городе сотовой связи мне рассказал журналист местного телеканала Андрей Парыгин. «В то время город находился в тяжелом положении, практически все предприятия закрыты, работы нет, перспектив не видно. Настроение у жителей — сами понимаете. И вдруг по городу начинают курсировать слухи о строительстве станции для подключения сотовой связи.

Телекомпания поручила мне взять интервью у техников, оказалось — МОТИВ. Мы дали несколько репортажей и только после этого позвонили в пресс-службу МОТИВа, чтобы выяснить — когда же начнется подключение. Оно планировалось еще только через полгода, но компания пошла навстречу нашим пожеланиям, и связь заработала уже через три месяца. Первые оранжевые ласточки нового настроения освежили в городе атмосферу, захотелось двигаться, искать новые пути. Даже сейчас, по прошествии 2 лет, чувствуется, насколько эмоционально воспринимают жители города появление новых технологий. Столько теплых слов прозвучало в адрес оранжевого оператора.

Таким образом, «рыжие» несут в наш мир тепло и свет. Не только обеспечивают нас связью, но помогают соединить прошлое с настоящим, приближают отдаленное и возрождают забытое.

Сегодня Сотовая Связь МОТИВ успешно работает, завоевывает все новые отдаленные уголки нашей области, успешно противостоит конкуренции других компаний сотовой связи и при этом имеет свое, вполне человеческое лицо — доброго друга, надежного партнера и позитивного спутника.

УСЛОВИЯ КОНКУРСА

В каждом номере журнала «УС» будет публиковаться раскраска Андрея Патокина. Чтобы стать победителем конкурса «Приглашение к рисованию», нужно:

1. Взять в руки фломастеры, гелевые ручки или цветные карандаши.
2. Раскрасить рисунок так, как подсказывает воображение.
3. Вырезать и положить в конверт.
4. Отправить по адресу: 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67, с пометкой «Конкурс».

В январе 2007 г. жюри подведет итоги конкурса; авторы самых ярких и интересных рисунков получат ценные призы, а тот, кто пришлет все 9 вариантов, - книгу-раскраску Андрея Патокина.

Продолжение. Начало в № 4, 5, 2006

СВИДЕТЕЛИ АПОКАЛИПСИСА

— Пашка... сюда. — позвал Луковкин. — Посвети.

Был столб, затертый до блеска, до слюдяных напылов, его глянцевый гладкий бок отчетливо выступал из темноты, свешивались пустые раскрытые ремни, железные скобы слабо светились. Столб был утоплен комлем в бетонный пол, отрезки швеллеров подклинивали его с четырех сторон, чернели проволочные скрутки. Еще была деревянная, из строганых брусков, решетка, сквозь ячейки которой просматривался затоптанный пол, подсушенные огнем торцы деревяшек крошились, и шляпки гвоздей пестрели оранжевыми блямбами. Луч фонарика обшарил ее, задерживаясь на продольных трещинах, и пошел дальше, на стену, на прожилыны рельсов, уходящих в темный проем, на промазученные ступицы рельсовой тележки, на приземистый, обитый листовым железом верстак. Здесь не было окон, и тьма словно дружинила, расступаясь. Нинка прикрылась ладошкой и вышла из света. Луковкин тоже прищурил блеснувшие пуговицы глаз. Перестань, слепит же... Пашка послушался и посветил наверх, на тяжеленные металлические балки под крышей, с которых, как паутиная бахрама, свешивалась крупная кристаллическая ржавчина.

— Класс, — сказал Луковкин. — Что я говорил?... Отличное место, правда?

— Здорово. — сказал Пашка.

Свет фонарика выхватывал картину большими неопрятными ломтями, это было словно перемешанные слайды, как только луч смещался, одно изображение навсегда пропадало, сменяясь другим. Впечатление они производили потрясающие. Словно замурованный в толщу старинного фундамента каземат. Помещение было глубоким, как колодец, и сырым, как погреб. Стены потели тяжелой влагой с крупинками растворенного в ней ржавого железа. Оранжевые разводы мазками расходились по стенам, и в редких просветах выступал багровый, спекшийся в монолит кирпич немислимо старой, дореволюционной еще кладки. Швы между кирпичом были — спички не протолкнуть.

Нинка поморщилась и вышла в центр — подальше от стен. Медленно обойдя кругом, осмотрела столб, металлические крепи, изъеденные причудливой ржой, сквозные дыры, забитые жирным спрессованным нагаром. Потом спрятала руки под мышки и замерла в позе «подумаешь!...», упершись взглядом в какую-то трещину у притолки.

— Чувствуешь? — толкнул его Луковкин.

Пашка прислушался к ощущениям. Было действи-

тельно жутковато, хотя — что такого, комната без окон, темно и холодно, подумаешь... Правда, шли сюда очень долго, по пустынным, неосвященным коридорам. Никогда не думал, что в школьном подвале столько свободного места. Просто катакомбы какие-то. Признаки человеческого присутствия — а ими были штабеля раскисших от времени и влаги мебельных упаковок — заканчивались во втором помещении из многих других, нанизанных как бусинки на бечевку, третий бокс был завален невообразимо старым и бесполезным хламом, который вместо очистительного сожжения был заботливо погребен здесь, через эти рассыпающиеся курганы пришлось перелезть, увязая ногами. Нинка даже отказалась было идти дальше, так что пришлось пойти на крайнюю меру и бросить уговаривать, а дальше — дальше начинались пустынные необжитые пространства, в которых пыль лежала толстым слоем, глушащим шаги, в котором сухая штукатурка обволакивала стены и дышать было боязно из-за странного запаха, оседающего пленкой на языке, и эта сплошная анфилада тянулась и тянулась, потом начались ступени, уводящие вниз, не просто в темноту, но в кромешный мрак, непроглядный как могила, и тогда он впервые ощутил покалывание страха, тогда впервые начал чудиться затаенный шорох по углам, и только невнятный намек Луковкина, что он, дескать, здесь уже бывал, причем один, заставил спуститься и пройти по узкому и слепому, как кишка, коридору, который сразу, без какого-либо перехода, превратился вдруг в комнату с высоченным потолком и блестящим в свете фонаря столбом посередине.

Они находились на два яруса ниже первого школьного этажа, но казалось, что над головой миллионы спящих вместе глыб. Пашка с опаской осветил кружевную ржавчину балок. Из одной балки торчало, словно кость, что-то вроде подвесного крюка, но действительно ли это крюк, Пашка не разглядел. До потолка было — метров пять.

Бетон пола крошился от времени.

— Метров двадцать до солнца, — сказал Луковкин густым подражательным басом.

Пашка засмеялся.

— Ты чего, — обиделся Луковкин.

— Загнул... — сказал Пашка. — Двадцать метров, это как дом пятиэтажный, даже выше. Чего это — шахта, что ли...

— Что бы ты понимал. Знаешь, как определить глубину? — Луковкин согнул свою длинную ладонь трубочкой и, нацепив ее на ухо, приложился к стене. Замер, напряженно шевеля губами. — Ни звука снаружи, понял? Да

(Окончание. Начало в № 4,5, 2006)

убери ты фонарь — и так уже круги перед глазами.

Пашка перевернул фонарик лучом кверху и осторожно поставил на пол — на плоское доннышко. Свет от него сразу же стал другим: чужим, пугающим, рождающим чужунные тени.

— Нинк, — позвал Луковкин. — Иди послушай.

— Вот еще... Здесь на стенах наверняка гадость какая-нибудь.

— Ну, через мою руку послушай.

Нинка неопределенно дернула плечом и осталась на месте.

— Тоже мне — спелеолог. — сказал Пашка. — Начитался книжек и туда же — двадцать метров... глубину определить... Специалист. Как ты вообще сюда залез-то?

— А вот так! — сказал Луковкин, отряхивая ладони. — С завхозом спускались в подвал, за черенками, ну ты помнишь — для метел... Я спросил, Николай Петрович, а что там дальше, он смотрит, как баран, и говорит, представляешь: где? Вот там, говорю, и показываю за штабели, а он отвечает, там — подвал. Представляешь. Понятно, говорю, а за подвалом. А он говорит, конец подвала. Стена, что ли? Он только плечами пожал, может, и стена, мне, говорит, какое дело. И пошел наверх. Ну я — момент уловил и сунулся. Подвал-то не запирают.

— А зачем?...

— Ну, не знаю... — Луковкин пожал плечами. — Пошел и пошел. Интересно же...

— Что интересного в подвале? — капризным голосом спросила Нинка.

— Как же... — Луковкин мягкими губами пожевал воздух. Вид у него был ошарашенный.

— И вообще. — сказала Нинка. — Пойдемте-ка отсюда. Холодно тут. И противно... Плесень всякая... Бр-р-р... И ржавчина эта — ужас. Фартук перемазала...

— Подумаешь — фартук.

— Тебе хорошо думать — тебе-то брюки мать постирает. А мне — самой, — сказала Нинка. — Ты знаешь хоть, как она трудно отстирывается.

— В натуре, Ген, — сказал Пашка. — Пойдем. Потолклись, и хватит.

— Ребята, да вы что... — голос у Луковкина был совсем упавший. — Это же — тайна. Понимаете? Куда эти рельсы уходят, а?... А если...

— А если подвал запрут? — спросила Нинка.

— Никогда же не запирают.

— Никогда, никогда, а вот сейчас возьмут и запрут. — сказала Нинка. — Что тогда? Ночевать здесь?

Луковкин посмотрел на них с непривычным взрослым сожалением и отодвинулся в сторону, словно отгородившись разом чем-то невидимым и прочным. Видимо, был виноват свет, идущий снизу — отдалившись, он перестал быть привычным Луковкиным, нескладным и большеруким соседом по лестничной клетке, знакомым с детства, с ободранных коленок, у этого, другого Луковкина было незнакомое лицо, четкий грифельный рисунок скул и совершенно чужой обиженно-усталый взгляд. Лицо было густо перемазано — ржавчиной и тенями. И Пашка, обмирая, подумал вдруг, что Луковкин оказывается, чрезвычайно сильно похож на эту комнату со столбом посередине, будто он родился тут, в ржавой темноте, и вырос тут же, среди гулкого падения пузатых

капель с потолка, среди шороха медленно нарастающей пыли и хруста стареющего бетона, в двадцати метрах от солнца, от футбольных шлепков и шелеста велосипедных шин. Эта мысль была ужасной. Он смотрел, как Луковкин движется на фоне стены, то полностью растворяясь в ней, то проявляясь снова, причем проявляясь все реже и реже, как он, отойдя в противоположный угол, наклонился, уже почти неразличимый, раскорячившись по паучьи, заглянул в темный пролом, вдоль жирно блестящей рельсовой колеи. Глаза его блестили в точности как рельсы — словно сгустками остывшего жира были наполнены глазницы. Вдруг стало трудновато дышать. Свет от фонарика не освещал уже ничего, просто ограничивал видимое пространство. Это длилось всего мгновение — ощущение дикого нарастающего ужаса, потом оно вдруг свернулось в плотненький ком и перестало быть страшным, грязные стены, перевернутый фонарь, Луковкин, с измазанной бледной щекой... Чего мы здесь торчим, подумал Пашка. Глупо же... Пустой заброшенный подвал в здании старой постройки. Никто сюда не ходит. Потому что темно, грязно и далеко. И главное, незачем... Подумаешь — тайна. Паутина с тонными пыли. Замучаешься отряхиваться потом. Брюки вон — как половая тряпка, Нинка права. Влетит теперь. Чувствуя себя рассудительным и взрослым, он принялся осторожно отряхиваться. Правда же — не пацаны ведь... Пару лет назад, конечно, прониклись бы восхитительной таинственностью места-о-котором-никто-не-знает, сподобились бы устроить здесь штаб или что-то вроде, шмыгали бы сюда вечерами, таская сухари и свечи. Пару лет назад — да... Теперь же глупо. Все равно как выйти на улицу в шортиках и пройтись на виду у всех.

Луковкин же так и не повзрослел.

Нинка стояла, отвернувшись. Спина ее выражала — да провалитесь вы все... Пашка опустил робеющий взгляд пониже, на круглые Нинкины ягодицы, скорее угадываемые, чем видимые под складчатой школьной юбкой. Она словно почувствовала — крутнулась на носочках, поворачиваясь, отчего юбка прильнула к телу и ягодицы на миг обозначились довольно отчетливо.

— Вы как знаете... — сказала она. — А мне тут надо-ело.

Луковкин не отвечал, и тогда Пашка, хрустнув за немевшими плечами, добавил:

— Ладно... Мы пошли... Генк...

Луковкин выпрямился и, вновь сделавшись похожим на обычного человека, сказал:

— Идите.

— Чего? — не поверил Пашка. — Ты что, не с нами?

— Нет, — сказал Луковкин. — Я не с вами.

Нинка преувеличенно горестно воздела глаза и всплеснула руками. Жест получился слишком театральным, и она, рассердившись, энергично покрутила пальцем около виска.

Пашка был, в общем, того же мнения.

Раздражало еще и то, что сам он, пожалуй, не решил-ся бы остаться здесь в одиночестве. Ни за что. Ребячество, конечно, но засело как заноза. Луковкин же темноты не боялся никогда, даже в детстве. Даже в пионерском лагере, где скрипели, качаясь в темноте, старческие со-сны. Пашке всегда требовался провожатый. Это странное

необъяснимое превосходство рождало глухую зависть.

— Мы фонарь-то... того — заберем, — сказал он упрямо.

— Ладно. — спокойно сказал Луковкин.

— Заблудишься ведь... Или лоб расшибешь.

— Да тут не обо что. — Луковкин повернулся стриженным затылком. — Вы идите. Я ненадолго. Пройдусь вдоль рельсов и все. Очень хочется узнать, куда их тянули. И главное — зачем...

— Все равно же не увидишь ни хрена в темноте...

— У меня спички. Идти можно на ощупь, а если найду что-то, посмотреть коробка хватит.

Нинка фыркнула выразительно и пошла в сторону выхода, шурша подолом. Словно не допуская сомнения, что за ней последуют. Пашка, ощущая момент некоего перелома, посмотрел на нее, на чугунные завитки волос, на то, как юбочные складки колышутся, намечая неуловимые изгибы, потом посмотрел на угловатые Генкины плечи, на торчащий из левого кедда носочный язык, тот снова скособочился и почти полностью нырнул в проем, цепляясь плечами за неровную арочную кладку. Рельсы терялись под ней, словно обглоданные темнотой. Конечно, было неправильно оставлять его одного. Что такое коробок спичек — тридцать неярких вспышек и все... абзац.

— Генка, — предложил он еще раз. — Ну... Куда ты со спичками.

— Паша, — сказала вдруг Нинка. — Паша, мне темно.

Он отошел и наклонился за фонарем. Металлический ободок стал горячим — не прикоснуться. Он перехватил рукой пониже, за пластмассовый стержень, внутри которого бултыхались батарейки. Свет сузился, превратившись в пятно на стене, потом оно скользнуло прочь, скопившись под ногами у Нинки неглубокой желтоватой лужицей. Видно? — спросил он. Пойдем, выдохнула она нетерпеливо, надоело уже. Пусть ОН останеся, если ЕМУ так хочется. Надвинулся сдавленный тесный коридор, похожий на кольчатую глотку. Нинка шла быстро, на ходу обстукивая запыленные каблучки. Они оставляли круглые дырочки, и мягкая пыль, потревоженная движением, неторопливо заполняла их. Двадцать метров до солнца, подумал он, обреченно вышагивая следом.

— Я понял, — ударил вдруг в спину голос Луковкина. — Я все понял... Здесь убивали лошадей!...

Эта фраза, кроме своей абсолютной неожиданности, имела, должно быть, какие-то иные, необъяснимые, магические свойства, голос, произнесший ее, обдал щекочущим набатным гулом, завихрилась невесомая пыль в углах, с высоты, с пористых ржавых балок, одновременно оторвались и полетели вниз пузатые набрякшие капли и, подобно ржавеющему дождю, с негромкими — пок... пок... — посыпались в рябую пыль, и она осела, подалась вниз, темнея и покрываясь оспинами, словно корка подгорающего пирога, а голос, уже догоровивший фразу до конца, все висел и висел, расходясь тугими кругами, искаженный внутренним каменным эхом, и стены, которых он касался, начали так же непостижимо звучать, и потек, задевая лицо, горячий воздух, пахнувший трубным железом, и что-то еще, невообразимо далекое, сокрытое в мрачных каменных глубинах, чуть

слышно, но отчетливо захохотало... Что-то сместилось в сознании, Пашка одновременно шел за Нинкой, наступая на круглые дырочки ее следов, и вместе с тем, заслоняясь от медленно морозящихся капель, падал в пухлую пыльную бездну, на дне которой, словно болотные пузыри, закипали и гасли холодные белые звезды. А потом, когда он почти упал, до него вдруг дошло, что он всего лишь споткнулся и рухнет сейчас носом в пыль, насмерть что-нибудь отшибет и, уж конечно, раскокает фонарик, что немедленно и случилось. Он ткнулся в пол локтем, и фонарик, зажатый в той же руке, грянулся рядом, рассыпавшись насмешливыми искрами.

— Ну и придурки, — громко сказала Нинка. — Какие придурки вы оба...

Он поднялся, кряхтя.

Локоть мозжило болью, такой старческой и нутряной, что рука воспринималась трухлявой валежиной. Хотелось отломать ее и отбросить — только бы не болела. Почти часовое лежание на полу облегчения не принесло. Совсем. Затылок набух холодом, как тряпичный куль. Весь этот час он пытался уснуть. Пытался изо всех сил, пересчитав миллионы овечек, прыгающих через изгрызенный пруттик. Сон так и не пришел. Вместо сна он вдруг, непонятно почему, вспомнил Луковкина, которого оставил тогда в подвале и с которым быстро и незаметно перестал дружить. Вспомнил Нинку, которая не менее быстро и не менее незаметно превратилась в шикарную крутозадую стерву, а потом уехала куда-то, ничего ему не сказав. Почему-то он вспомнил их, странный подвал, который нашел Луковкин, и блестящий отполированный ствол, проступающий сквозь кромешную темень. Что-то очень важное стояло за этим. Он обхватил тяжеленный затылок. Рядом трудно, с присвистом, дышал человек. Кровь выцеживалась сквозь бинты. Лежал умирающий Профессор — вытянутый и сухой. Тонкие щеки провалились внутрь, и мутные глаза невидяще смотрели куда-то сквозь близкий потолок.

В центре комнаты, на свободном от лежащих тел пятакче, теснясь плечами, стояли люди.

Лыков не понял сначала, в чем дело, но потом, тупо взглядевшись, увидел — Круглоголовый стоял посреди них, стиснутый со всех сторон, Парень в камуфляже, кривовато оскалясь, держал его под прицелом, а Санитар, возвышаясь напротив, медленно, по-крабы, разводил свои огромные клешни, словно собираясь схватить и придушить. В одной из клешен он удерживал громоздкий черный пистолет и, довольно неуверенно прикоснувшись стволом, вдруг ткнул им в серые лохмотья Круглоголового, прямо в середину груди. Круглоголовый покачнулся под нажимом, но остался стоять, так же несоразмерно спокойно, словно все происходящее его не касалось.

— ...думаешь, да, — сказал Санитар.

Круглоголовый пожал плечами.

Санитар, накручивая себя, еще раз ткнул пистолетом.

— Самый умный... А мы все тут что — идиоты?... Да?... Мы все делаем... А ты что сделал?... Я — на своих руках... — он говорил, задыхаясь. Щеки багровели пятнами. — Пристрелил ее, тварь... Как собаку пристрелил. Думаешь, мне

ее не жалко?... Кто ты такой — чтобы решать? Кто тебе право дал?... Ты что себе думаешь... — сузил побелевшие веки. — Думаешь, ты — Бог?... А?...

Круглоголовый молчал.

Санитар остановился, с хрипом гоняя воздух через трепетавшие ноздри, коротко оглянулся через плечо. Парень в камуфляже быстро, кончиком языка обметнул губы и шевельнул автоматным стволом. Дульный срез, облизанный пороховой копотью, едва не задевал затылок.

— Короче... — сказал Санитар. — Ты арестован. Оружие сдать...

Что-то похожее на тень улыбки тронуло губы Круглоголового. Санитар, чудовищно раздувая ноздри, вглядывался в лицо. Бугры желваков надувались и опали. Он был как взбешенный бегемот — маленькие яростные глазки, скребущая челюсть, каменная твердость жевательных мышц.

— Что в мешке? — спросил он и, взъярившись на ответное молчание, рывкнул, упиравшись пистолетом в лоб. — Что в мешке, спрашиваю?!

— Не трогай, — сказал Круглоголовый.

Санитар чуть отступил, загораживаясь пистолетом, и вдруг улыбнулся, показав сточенные до корней зубы.

— Так и знал!... Нет, я так и знал. Как только увидел твою рожу, так сразу подумал — этот что-то знает. Непрост, ох, непрост. Сидит среди нас — спокойный, как Будда. На все ему наплевать. На все с усмешечкой... — пальцы, сжимающие пистолет, белели от напряжения. — Меня не проведешь. Я знаю — если насрать на все, наверняка джокер припрятан. А... брат, прав я?... Вон сколько людей — и никому не насрать... потому что пусто в карманах. Нету джокера. Один ты такой... Ну, ничего!...

Он сделал быстрый знак бровями.

Парень в камуфляже шагнул по дуге, обходя сбоку, и автоматный приклад вдруг метнулся вперед, с сухим хрустом врезавшись в лицо, голова Круглоголового мотнулась в сторону и медленно вернулась на место, уронив рубиновую струйку от рассеченной брови. Он поморщился. Струйка усилилась, пересекая щеку, и кровь часто-часто закапала со скулы.

— Еще! — сказал Санитар.

Приклад снова ударил, наотмашь, с оттягом, хрустнул свернутый нос, Круглоголовый всем телом накренился назад, но снова устоял, трясая головой и отфыркиваясь, как лошадь, только кровавые пузыри вспучились из разбитого рта. Санитар смотрел, не веря. Кровь выливалась обильно, перетекая через подбородок.

— Что ж ты за фрукт такой?!... — сказал Санитар. — Ну — ладно... Дернется — убей его. — Медленно, не переставая целиться, стал нагибаться к мешку, и тут Круглоголовый дернулся.

Выглядело это именно так — словно вздрогнул всем телом. И вдруг оказалось, что стоит уже в другом месте — за пределами тесного круга, куда не направлен ни один из автоматных стволов, и в одной его руке — пистолет, с наполовину отскочившей назад затворной рамой, и другая рука уже рвет пистолет из подмышки, и, вырвав, чертит в воздухе стремительную дугу, усатый военный поджимает голову, пытаясь спрятать ее между плеч, но не успевает, рубчатая рукоятка буднично продавливая его

висок и валит оседающее тело в сторону, тем временем затворная рама первого пистолета, сизовато курясь, прыгает назад, и опадает жирный огненный плевок, а парень в камуфляже, складываясь как перочинный ножик, рушится на пол, и еще чей-то автомат выплевывает сдвоенный выстрел, не в сторону Круглоголового, в то место, где он только что стоял, в рикошетных вспышках выплескивается из стены горизонтальный кирпично-кафельный фонтан, и похожий, только алый, тряпично-кровяной, бьет из необъятной груди Санитара, он оседает грузно, теряя вдруг и объем и форму, а Круглоголовый, крутнувшись на пятках с механистичностью орудийной башни, снова сдвоенно стреляет — кому-то в лицо и еще кому-то, не успевающему повернуться — в затылок.

Это заняло время, отведенное на выдох.

Лыков потянул ноздрями изменившийся воздух, наполненный пороховым выхлопом и распыленной человеческой кровью, и услышал, как топнуло сердце и зашумела в ушах нагнетаемая кровь, тотчас пришли остальные звуки — шорох оседающей одежды, звон долетевшей до пола латуни и страшные мясные шлепки падающих тел.

Тонко шуршала выбитая из стен пыль.

Круглоголовый мотнул головой, словно отряхнулся — крупными брызгами отлетела кровь. Он промокнул рукавом, подбирая половинки разваленной надвое губы. Перешагнул через мертвого Санитара и встал рядом с мешком. Пистолеты он так и держал в руках. Потом, словно опомнившись, посмотрел на них, почти с ненавистью, Лыков подумал, что сейчас отшвырнет их, но не отшвырнул, а что-то сделал с ними, произведя два металлических резких щелчка, и сунул в чехлы под мышками. Он оставался совершенно один у окна, напротив распахнутого проема, за которым, торопливо набухая, изменялось небо. Лыков понял вдруг, что смотрит уже не на Круглоголового, а смотрит именно на небо. И что все смотрят туда же... Облитый красным глянцем голый череп Круглоголового мешал, загораживая. Лохматые перекрученные нити проявлялись в небе, словно напыляемая из невообразимого далека, сквозь полупрозрачную небесную муть, превращаясь из еле видимых волосаных проблесков в огромные, канатной толщины тенета, они соприкасались друг с другом, моментально срастаясь

чудовищными узлами, обретая тем самым полное сходство с гигантской сетью, медленно планирующей вниз. Частые сполохи мелькали там — в вышине, жирными хлопьями проступал коричневый дым, тугие его кольца носило ветром, и там, где нити касались этого дыма, они истончались и рвались, сворачиваясь подпаленными обрубками. Что-то далекое и невидимое пынуло в небо, разом, во всю ширь, и обдав стремительным искрящимся жаром, сразу угасло. Сухие черные стружья появились, как снег, и полетели, кружась. Слово мгновенно выгорела дотла целая вселенная. Отвердевший воздух давил на лицо. В ушах стоял рев. Как от близкого водопада. Лыков различал в нем разные голоса. Орала все, даже раненые, заслоняясь бинтованными культями. Кто-то хрипел, по самые фаланги погрузив пальцы в пузырящиеся глазницы. Лыков не заметил, как оказался у выхода. Там было тесно, как в трамвае. Все лезли в проем одновременно, хрустели ребра, падали вывороченные кирпичи. Кто-то затаиваясь ворочался под ногами. Дышать было невозможно, как под водой, обручи ребер прогибались внутрь. Давили локтями — сразу со всех сторон. Кто-то грузно и неуклюже подпрыгнул, полез поверх, больно цепляя за плечи, его не то сбросили, не то повалились под тяжестью — всплеснули хватающие руки и канули... Лыков мельком увидел, как Круглоголовый пятится от окна. За ним творилось что-то невообразимое — пузырящиеся желтые волны летели отвесно вниз, излохмаченные канаты натягивались и рвались, гулко шлепая в небо излохмаченными концами, это была уже не сеть, падающая сумятица обрывков, перемешанная с пеплом. Воздух в конце площади кипел, дымно и нехотя поыхали космы оранжевой травы, швыряя длинные, долго не гаснущие искры.

Внезапно за окном дымно помутнело, словно опустили закопченное стекло, и быстрые язычки пламени проросли сквозь кирпич. Затрещали, скручиваясь, волосы на головах. Толпа с визгом продвинулась еще на миллиметр и встала намертво — сразу несколько тел рухнули в проходе. Лыкова как прессом сжали плечами и вытолкнули прочь, полураздавленного и оглушенного. Он повалился на пол, под ноги кому-то, бегущему... Это был Круглоголовый, одежда на нем дымилась. Он ухватил Лыкова в охапку, может, просто потому, что налетел на него, но отпустить не стал — рывком выдернул на ноги и потащил... Он почти ничего не видел — малиновый жар выедал глаза. Они бежали не к проему, а куда-то в противоположный угол. Перепрыгивая через мертвых. Нестерпимо воняло паленым волосом и горящими тряпками. Впереди была стена. Никакого выхода — трескалась нагретая штукатурка. Они умрут под этой стеной — Лыков знал это совершенно отчетливо, но отчего-то продолжал бежать, бежать что есть силы. Прилипали горячие подошвы. Круглоголовый тянул за собой, как буксиром. Он выбросил руку с пистолетом и выстрелил несколько раз в надвигающуюся стену. Эффект был, как от удара кувалдой — брызнул кусковатый кирпич, взвилась раскрытые трещины, что-то дробно посыпалось с той стороны, Круглоголовый с разбегу ударил ботинком и повалился ничком в пробитую брешь, увлекая Лыкова за собой. Лыков дважды ударился распахнутым ртом о кирпичный угол, боль была дикая, зубы хрупнули, как

фарфоровые, потом гряда обломков навалилась сверху, ломая и калеча, он сделал какое-то нелепое плавательное движение и вывалился в коридор.

Все вокруг осыпалось, дробясь и падая.

Он сжался и пополз.

Сквозь дыру в стене, облизав растресканные края, дохнуло пламя.

Что-то чадно поыхало за поворотом коридора, тонкие комариные пiski тонули в сухом огненном треске.

Зашевелилась гряда кирпичного боя, и что-то поднялось, роняя обломки.

Лыков не узнал Круглоголового, возможно, это и был кто-то другой, но он показал пистолетом в темноту коридора и заорал:

— Давай! Пошел отсюда!... Пошел!...

— Куда? — спросил Лыков, но Круглоголовый уже исчез. Загрохотало железо, он увидел перед собой врата технического выхода, за которыми должен быть пандус, они были задвинуты, но не закрыты, как раньше, на замок, и их выгнутое железо гудело, все больше и больше вспучиваясь, словно какая-то громоздкая тяжесть накатилась на них с той стороны. Скрипя, подались внутрь болтовые головки, железо вокруг них вытягивалось заусеницами, звонко сыпанула отлетевшая клепка, металлический лист прорвался посередине и поплыл, заворачиваясь, и что-то бугристое, хитиновое, лягающее поперло сквозь эту ширящуюся дыру, скуля и повизгивая.

Лыков бежал прочь, оглядываясь.

В стене коридора вдруг обнаружилась фанерная заплата двери, странно, что он не заметил ее ранее. Лыков ткнулся в нее. Закрыто. Он панически подергал за ручку, потом, разбежавшись, ударил ногой. Толстая фанера с хрустом подалась и спружинила. Стон рвущегося железа и натужное харканье достигло ушей. Он еще раз набежал на дверь, ударив всем телом. Сломанные зубы чакнули, соприкоснувшись. Он завыл и ударил еще раз. Створка отлетела и кривовато повисла. Темный шелестящий поток потек навстречу. Книжки, увидел он. Великое множество книг. Рассыпающийся курган. Щелкали, распадаясь, мягкие переплеты. Лыков полез через них, увязая ногами. Библиотека, что ли?... Черт, нашли же место для библиотеки. Ходить по книгам оказалось невыносимо трудно. Хуже, чем по болоту. Шаткий ворох рассыпался под ногами, непрерывное, хлипкое уползание, зацепиться было не за что, Лыков все полз и полз, чувствуя себя мухой в сиропе, потом, внезапно, обнаружил гребень, он перевалился через него и скатился кубарем, корежа бумагу и картон. Внизу, у рассыпающегося подножья, он встал, зачем-то отряхнулся и побежал дальше. Вернее, попытался побежать. Было некуда. Противоположная стена отсутствовала, уцелевшая треснувшая свая подпирала верхние этажи, несколько метров чистого от книг пола еще оставались, далее пол обрывался, словно откушенный, и сквозь спутанную арматурную бахрому был виден внутренний двор, заваленный сплошь битым камнем, бетонным крошевом, сизыми остриями торчали вверх металлические отломки, белел раскрошенный стекольный сахар, припорошивший хмурые лбы утонувших в мусоре строительных блоков. Лыков чудом сумел остановиться. Двор был замкнутым — маячила впереди

глухая стена без окон, широкая, с ладонь, трещина змеилась по ней сверху вниз, исчезая под обломками, справа поднимались закрученные в спираль решетчатые фермы, темнели какие-то узкие длинные лазы у самой земли — то ли подвальные отдушины, то ли засыпанные доверху окна первых этажей, сам же двор, наподобие бухты вгрызаясь в здание, присоединив к себе лишенные перегородок этажи, и тот жалкий бетонный язык, на котором замер Лыков, висел над двором, словно доска для прыжков.

Разбегались черные трещины, зисая окалина арматуры просвечивала сквозь них. Каменное крошево внизу кипело, он не сразу понял, что это беззвучно трясется здание. Тренькали стальные поджилки, скребущие ручки штукатурки стекали со стен. Где-то вверху рассыпалось целеевшее стекло — полетели осколки, сверкая и красиво кружась.

Осторожно ступая — нависшая плита вполне могла отделиться и ухнуть вниз — он приблизился к самому краю. Символика была прозрачна до крайности. Намек, предназначенный идиотам. Он расхохотался бы во все горло, если бы не был так напуган. Книги, нагроможденный курганом человеческий опыт, за гребнем которого — конец мира, обрыв, высота, острые грани... Все зло — из-за книг... Это не походило на откровение Бога — слишком прямолинейно. Слишком безыскусно, словно кнопка на стуле. Не откровение — насмешка. Поскуливая, Лыков заглянул через лохматый от арматуры край. Двор лежал внизу, обморочно распластавшись, твердые углы готовно щетинились навстречу. Слишком высоко. Слишком. Он попытался глотнуть вязкий ком в горле. Не получилось. Слишком высоко. Он разобьется. Расплескается по камням, как непроваренный студень. Он содрогнулся, представив — сломанный позвоночник, вбитые внутрь ребра. Хлопяя внутренностей, расплзшился в пыли. Даже если прыгать головой вниз — быстрой смерти не будет. Здесь никто не умирает мгновенно. Чаша наполнена — она должна быть испита. Он пятился назад, спотыкаясь об увесистые тома.

Что-то тяжелое упало, железно взгромыхнув. Ворота, холодея, подумал он. Ворота упали. Почти тотчас взвыла раздираемая в клочья фанера, остатки двери, невидимые за книжным развалом, рассыпались торопливым дождем обломков, и книжный холм содрогнулся — твердое грузное тело ударило в него с размаху, на мгновение замерло, словно прислушиваясь к бешеному биению сердца, потом, шумно отдуваясь, полезло вверх. Оно, должно быть, было очень тяжелым, книжный холм закрипел, проседая, теряющие страницы тома посыпались сверху. Лыков заметался по осыпавшемуся краю. Кирпичная бездна прыгала вниз, ожидающе распахлолось пыльное пространство. Будь перед ним глухая стена, было бы легче. Да, насколько было бы легче. В стену можно вжаться и закричать, умирая. По крайней мере, не пришлось бы выбирать. Это настоящий ад — когда приходится выбирать. Из двух смертей. Между ними все равно нет никакой разницы. Можно прыгнуть вниз и расплескаться по камням, эта невидимая тварь скользнет следом и начнет меланхолично и тупо подъедать его изломанное тело. Как корова, мусолящая простынь. Непредставимо. И все равно приходится выбирать.

Отсутствие стены было пыткой. Рассыпающийся холм трясся, книги падали сверху. Увесистый том шлепнулся рядом и раскрылся. Тараканами сыпанули черные буквы. История одного предательства. Шопенгауэр. Взметнулись над гребнем мясистые волосатые лапы, с тусклыми крюками на концах. Лыков упал ничком, обхватил пальцами торчащие стебли арматуры, и, перевалив тело через край, свесился вниз. И сразу увидел хмурую балку, наклонно прислоненную к стене. До нее было — две вытянутых руки. Лисица и виноград. Он что есть силы раскачивался, чувствуя, что вот-вот оборвется. Сбитые ладони соскальзывали. Когда из-под ногтей ушли последние миллиметры — швырнул тело вперед. Балка чуть приблизилась и начала уходить вниз, он падал параллельно ей, но каким-то чудом сумел дотянуться, ладони наждачно шаркнули по бетону, оставляя красные мазки, он пролезолзил так несколько метров, прежде чем сумел обхватить балку ногами. Колени ожгло, затрещали брюки, разодранные в паху, забывшись, он стиснул обломки зубов, навалилась обморочная дурнота, и он, боясь, что сорвется, вяло обжался вокруг балки, скользкий зазубренный край рванул щеку, потом — словно невидимый гигантский молот опустил на крышу здания, брызнули и посыпались, обгоняя его, первые обломки, пухлое облако раскрошенного кирпича вздыбилось и опало, несколько угловатых кусков ударило по плечам, балка дрогнула и загудела, как басовая струна, его швырнуло прочь, но дно колодца было уже рядом — он плашмя рухнул на кирпич и замер, переживая прилив боли... Потом перевернулся и поднялся, пошатываясь...

Вокруг плотным одеялом висела пыль. Ничего не было видно. Корчились шаткие тени. Кирпично-багровые завихрения сменяли друг друга. Сверху текло — сухой колючий поток. Бритвенно резало засыпанные глаза. Лыков старался не дышать, и все равно — грудь

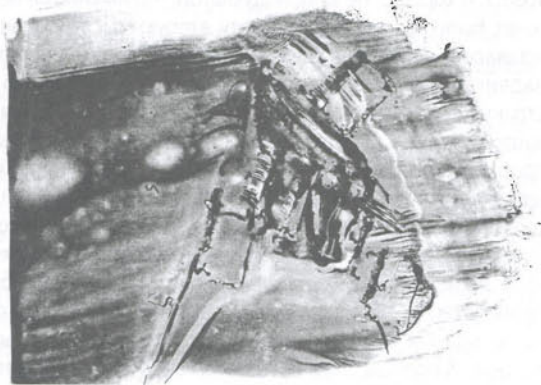
раздирало мелкими коготками. Не обращая внимания на крупные обломки, которые падали вокруг — инстинкту самосохранения давно был положен предел — он брел через двор. Переставлял ноги. Все равно — куда. Смятое перекрученное железо строительных лесов, выступив из пыли, преградило путь — он задел его плечом и зашагал дальше. Откуда-то, из оглушенного звона внутри головы, всплыло вдруг: «Это только начало» — фраза, непонятно кем сказанная, была вырвана из контекста, непонятно, что означающая, не имеющая ни начала, ни продолжения, но среди рассыпанной пустоты она обрела вдруг непостижимый смысл, даже целую вереницу смыслов, матрешками вложенных одна в другую, и все мысли сгрудились и запрыгали вокруг нее... «начало» — «начало» — «начало»... до ломоты в затылке, до сладкой оскомины на сломанных зубах, она, эта фраза, была осью, на которой вращался мир, со стуком смыкались шестерни, проворачивались дырчатые колеса, похожие на червяковые цепи, с натугой подрагивая, уходили в гулкую темноту... наваливалось пустое, лишенное звезд небо, медный солнечный диск тускнел, остывая по краям, растворяясь в небе на одну треть, и вода становилась польниью, и вся трава зеленая горела, и валил жирный дым от кладезей, и бездна клокотала, испуская прозрачное марево огня, и целый мир, огромный и непостижимый, созданный из этой фразы и ради этой фразы, корчился, сворачиваясь внутрь себя. Это был конец всему. «Это было начало всего». Время, место и причина сливались в одно, а потом это одно замыкалось в окружность, сужалось до точки, до математической абстракции и наконец выходило за пределы вычислений. Это было сумасшествие, неподъемный груз, пустота между Символами, скрывающая миллионкратную информационную нагрузку. Оседала горькая пыль. Падали обломки, брякая и рассыпаясь. Это была боль. Искаженность восприятия, неточность понятий. Двоякая терминология. «Лингвистическое удущье». Иная понятийная структура. Иные следственные связи. Невозможность определения. Невозможность внятных объяснений. Теорема, отвергаемая составными частями. Глухое крепнущее раздражение. Жестокая несостоятельность наглядных примеров. Это было бессилие. Бессонница, искусанные губы. Безбрежное стеклянное море, семь чаш гнева, пролитых ниц. Лыков дошел до стены, почти невидимой в пыльном хаосе, оперся плечом и пошел вдоль нее, потом через какой-то нелепый звездчатый пролом — словно просверленный гигантским буром — проник внутрь здания. Там был обрушенный квадрат межэтажной шахты, и сходились в него черные жерла трех коридоров. Без колебаний Лыков углубился в первый попавшийся и зашагал в гулкое темное нутро. Немного света сюда проникало — сквозь частую перфорацию под потолком. Чуть теплее были мутные пятна. Откуда идет этот свет, Лыков даже не думал. Он был как кукла, из которой выдрали набивку. Комок пустоты неторопливо оттаивал внутри головы. Эта чудовищная неохватная мысль, это мгновенное зарево понимания, едва не рас творившее его в себе. Все силы уходило на то, чтобы стоять прямо. Ломко подгибались колени. Босые ноги хлюпали, кровь сочилась из-под штанины, рана была, видимо, глубокой, но боли он не чувствовал. Крохотный краешек истины. Это едва не убило. Теперь оттаивало

вязким комком. Слезилось влагой из глаз. Исчезало навсегда. И хорошо. Не хочу, подумал он. Что именно он не хочет, было неясно, но сил на эту, вторую мысль уже не оставалось. Просто не хочу. Ничего. Коридор медленно надвигался, размытые световые пятна плыли мимо. Странные муаровые узоры тягуче дрожали в них. Редкие жидкие лужицы рябили в выбоинах. Углы на поворотах проросли зеленоватым мхом. Тянуло плотным сырým теплом, левая стена коридора была чуть теплее правой, соответственно мох на ней топорщился гуще. Сознание отмечало эти детали, совершенно не тревожась о сути. Не хочу. За -надцатым поворотом обнаружили пучки труб, протянутых под потолком, свет померк, паутина свисала с них мертвыми языками, похожими на отросшие бороды, дальше — больше, она покрывала весь потолок, свет просеивался совсем тусклый, Лыков с трудом угадывал очертания коридора, кое-где паутина свешивалась очень низко, но почему-то не сплошным пластом, а обвислыми языками. Слово разорванная... До него вдруг дошло, что она действительно разорвана, причем как раз на высоте человеческого роста, и он заторопился вперед, загораясь неясной надеждой... Поворот... еще поворот... Еще... Паутина висела, портьерами обрамляя проход... Отдельные ее языки заметно покачивались. Кто-то прошел здесь совсем недавно. Лыков перешел на шаткий небыстрый бег, чувствуя, как телу возвращается чувствительность и боль... Саднило лицо, распирающая боль полосовала ногу. Движение за поворотом. Выливался навстречу жидкий спрессованный свет от мощной промышленной лампы. Самой лампы видно не было — паутина укутывала ее, выпуская наружу лишь яркое световое пятно. Но его было вполне достаточно — Лыков пробежал вперед, прикрывая привыкшее к полумраку глаза, вляпался в свежий, не потревоженный паутиновый пласт, содранные пальцы ожгло, он поспешно отодрал налипшие нити и, пробежав еще чуть вперед, остановился как вкопанный...

Громко топнуло сердце — и тоже остановилось.

Он увидел лишь часть приземистого напружиненного туловища — остальное скрывала паутина — но и этого было достаточно. Подрагивали хитиновые наросты вдоль хребта, негромко стучая друг о друга, гладкий, словно полированный набалдашники трости, сустав торчал вертикально. Твердые веревочные вздутия мышц трепетали — тело, подвешенное между ломаными линиями ног, чуть раскачивалось. Бесстыдно торчал куцый костяной огрызок у округлого зада, и бугрился спекшийся рудиментарный рубец на месте, где предполагался анус.

Саранча медленно и неуклюже обернулась — насколько позволяла короткая кольчатая шея — и посмотрела через плечо. Лыков, обмирая, увидел два своих перевернутых отражения в лоснящихся костяных наростах, пучившихся на месте глаз. Бугристая морда чудовища действительно напоминала человеческое лицо, какие-то мелкие детали совпадали — например, очень человеческими были костяные полоски бровей, они почему-то выделялись сразу из многочисленных наростов и вздутий и были чуть изогнуты кверху, словно в трогательном удивлении. И очень человеческим был интеллигентный подбородок под кошмарными растопыренными челюстями. Эта похожесть, вызывающая странное чувство нереальности, длилась всего мгнове-

ние — она мелко чакнула хищным нетерпеливым ртом, стригущим движением дернулись боковые жвалы, и выпустила вдруг клейкие слюнные струйки. Раскрылись широкие провалы ноздрей. Обрывая занавески паутины, она развернула туловище в тесноте коридора — передние, стрекочущие когтями лапы, чиркая, прошлись по стене. Лыков осторожно пытался. Отчего-то она медлила. В принципе, Лыков ее понимал — куда он денется. Внутри закипал пузырящийся, как от щекотки, смех. Надо же — сам пришел. Догонял, торопился. Успел. Всю жизнь, если подумать, всегда торопился куда-то. И вот — успел... Бороды паутины, за которые он задевал плечами, падали, налипая на лицо. Он не обращал внимания. Саранча приподнималась на лапах. Глазные кости источали ртутный отблеск. Выплескивалась слюна. Чего она ждет? Расстояние одного прыжка. Он, наверное, и вздрогнуть не успеет. Боль будет жуткая. Он продолжал пятиться. Куда она вцепится? Ноги? Лицо? Хотя, наверное, он рефлекторно закроется руками... Значит — руки... Локтевые артерии в первую очередь. Это опасно. Кровь. Впрочем — вздор... о чем это я — геморрагический шок не развивается, это уже понятно. От потери крови здесь никто не умер, насколько я знаю. Она просто выливается. Как вода. Господи, подумал он, только не в пах, как тому несчастному. Только не это... Барсуки, потревоженные в норах, бросаются в пах. Потому что — пахнет. Так говорил дед — льняная борода и хитроватые льдинки в глазах. Подмой клубни — на барсука идем. Чтоб самцом не пахло. Сам он в это не верил — потому и не мыл никогда. От меня, старого, какой запах — сожаление одно... Мой, не мой, все равно туда попытается куснуть. Барсук — животное подлое. Не столько победить, сколько унижить. И имя у него — подходящее. Поэтому — обмотанное одеялом колено вперед, пусть вцепится в колено, а мы его — палкой по затылку... Смех пузырьками истерики проносился по венам. Как много почтения своему паху. Как много опасений за его сохранность. Словно он еще может понадобиться зачем-то... Ха-ха-ха... Пятиться с выставленным вперед коленом было крайне неудобно. Смех душил, воздуху в перехваченной спазмами гортани не хватало, и он глуховато перхал, похожий больше на неглубокий горловой кашель.

Лапы дрогнули, сгибаясь в скрипучих натянутых суствах, Саранча просела мордой вперед, задирая кверху кургузый огрызанный зад.

Все! — обреченно подумал Лыков. — Сейчас!

Саранча развалила надвое зубатый рот и произнесла что-то — долгое и рокочущее. Именно произнесла. Это было настолько неожиданно, что Лыков споткнулся и замолчал. Щекоцущий смех опал, словно грязная пена. Он медленно распрямился, подрагивая выставленным коленом. Саранча сохраняла каменную неподвижность, только громко шипела слюна, вытекающая из-под дырчатых щек. Лыков даже не удивился, увидев Круглоголового. Тот выступил, словно из стены, из-за нагромождения паутиновых покрывал, их драпирующих. Кровяная корка на его черепе успела подсохнуть и отлетала тонкими чешуйками, оголяя розовую обваренную кожу. Сломанный прикладом нос был кривовато вправлен — пучился сквозь кожу острый, как птичий клюв, горбик. Свисала рука, оттянутая пистолетом. Он придвинулся и встал рядом, покачиваясь. Саранча шевельнула жвалами. Звук повторился. Абсолютно нечеловеческий, прыгающий, но ясно интонируемый. Круглоголовый медленно кивнул, наклоняя череп. Лыков снова ощутил мгновенную дурноту, как тогда, во дворе, под душным пледом кирпичного обвала. Это, несомненно, была речь. Пистолет смотрел стволом в пол. Ярко алел флажок взведенного предохранителя. Сквозь прорези в рукояти блестели бутылочные тельца патронов. Лыкову казалось, что он сейчас упадет. Саранча снова шевельнулась, и тотчас дернулась, приподнявшись рука с пистолетом. Звук, выпускаемый кольчатой гортанью, надвинулся и затопил. Нотки кромешного полного одиночества страшно проскакивали в нем. Тоска, понял Лыков. Тоска, сводящая с ума. Голая площадь, колючая пыль, ветер, метущий обрывки. Одинокий бег — от края до края. Пустота вокруг. Словно отсутствие воздуха. Это было неправильно — пустота вокруг. Должно было быть по-другому — должна быть теснота, слитные прогибы тверди земной, мелодия топота, единый ритм миллиардов движений, спаянных в одно, общий бег, общая цель — от края за край. Пустота — это боль, смятение. Тоска. Черный пепел траурно опускался с неба, засыпая обугленные до черноты кочки на площади. Хрустел выгоревший хитин, раздувались провалы ноздрей. Одиночество. Лыков судорожно вцепился в спину Круглоголового и обвис беспомощно. Натянулась и опала струна внутри позвоночника. Падали вязкие комья с перекрещенных клыков — затрещав сросшимся хитином, Саранча развернулась в проходе и ушла прочь.

Ушла.

Тонко колыхнулась потревоженная паутина.

— Отпусти, — сказал Круглоголовый, убирая пистолет. — Отпусти же... Ну...

Лыков с трудом разжал побелевшие пальцы.

— Если хочешь есть, — садись. — сказал Круглоголовый.

Лыков пожал плечами и плюхнулся на твердый пол.

— Если хочешь стоять — оставайся стоя, — сказал Круглоголовый.

— Я не понимаю. — сказал Лыков, поднимаясь. — Господи... Я не понимаю... Отчего все говорят загадками? Я ничего не понимаю... — он подумал и опять уселся, навалившись спиной на стену. — Я же человек. — сказал он,

всхлипывая. — Просто человек, понимаете? Мне ничего этого не надо! Ничего не надо, понимаете?...

Он действительно так думал. Не надо ничего! Череп трещал, раздаваясь по сросшимся швам. Круглоголовый, угрюмо улыбаясь, вел его по некончаемому коридору. Он сбился, считая повороты. Паутина со исчезала, открывая голый крашенный потолок, то нарастала вновь, и тогда приходилось продираться сквозь шелковые дебри, роняющие невесомую пыль. Паутина рвалась со звуком, напоминающим человеческую речь. Лыков понял это и начал прислушиваться. Это бывает, говорил Круглоголовый. Последствия. С теми, кто наиболее восприимчив. Я такое видел — жуть. Хотя специалисту должно быть интересно. Был здесь один такой. Светило. Хлестал пар из продырявленных труб, и с тяжелым стуком падали пузатые капли. В них тоже была речь. Когда нагрузка на логический аппарат превышает пороговое значение, мозг, спасая себя, пробует отключиться. Это встроенный механизм защиты. Но забыть невозможно в этом мире, ни сон, ни потеря сознания, поэтому и происходит череда отключений-включений. Сплошная непрерывная трель. Совмещение парадоксов. Я и сам толком не понимаю, как это возможно. Восприятие плывет. Это словно vortex фотографий вывалили на стол и начали перемешивать. Ты еще не видел снов наяву? Эй? Эй!.. Трещал паутинный шелк, громко расщелкивались секунды, слова катились горошинами. Свет темнел и усиливался. Наваливалась грохочущая тишина. Скворчание крови в ушах смешивалось со сдвоенным топотом, со шлепками шагов, в этом тоже была речь. Лыков шел сквозь нее, как сквозь водяную толщу. Два противоположных состояния, совмещаясь локусами, порождают треть. Мозг — очень сложная штука. Не просто — вквыкл. Мыслительные процессы обладают инерцией. Они не могут просто так взять и прекратиться. Или начаться из ниоткуда. Требуется время — набирать номинальную мощность, гасить стохастические колебания. Темный лес. Но в паузы сознания вываливается что-то — точайшие пленочки огромного Знания. Что — почему? — смешавшись, спросил Круглоголовый. — Нет... это-то как раз понятно. Информационно поле-то — общее. Лыков зажмурился и продолжал видеть его сквозь затворенные веки. Шевелилась паутина, светился зеленоватый мох. Оборванные провода нагревались под штукатуркой. Кто-то над самым ухом капризно и громко просил пить. Профессор закатывал мутноватые бельма, ему было очень плохо, асфиксия, он умер у Лыкова на руках. Вечность назад. Я надеялся, что этого не увижу, сказал он. Сами убиваем друг друга. Словно некому больше. Я так надеялся... Закрылись высохшие, в синюшных прожилках, веки. Листопад шелестел над миром. Профессор уплывал, подхваченный желтым сумрачным ветром. Тяжело и злобно, как отравленное животное, подышал Санитар. Скрипели квадратные челюсти, выкрошенный зубной камень просыпался на подбородок. Воспламенился воздух, и тугое пламя забило распахнутый рот... Многие другие... Действительно, как рассыпанный ворох фотографий. Беспорядочный ворох. Месиво. Суматошное мелькание. Придвинулось — близкое слепое лицо Саранчи, хлещущая из пасти пена. Это просто инстинкт. — сказал Круглоголовый, — рефлекс слюноотделения. Они

вечно голодны. Созданы такими. Почему она не нападала? — спросил Лыков. — Они ведь созданы — нападать и мучить... Ни ты, ни я не знаем, для чего они созданы, — возразил Круглоголовый. Голос его был сух, а губы неподвижны. Людям свойственно исказить услышанное. Религия — яркий пример. Столько говорится о смиреннии, о побежденной гордыне, и все равно раскаявшийся грешник ставит себя в центр мира. Этот эгоцентризм неистребим. Если и признается высшая сила над собой, то только затем, чтобы объявить себя единственным ее созданием. Апофеозом творчества. Пределом совершенства. А ты в этом не уверен? — спросил Лыков. — Не уверен, — ответил Круглоголовый. — Мне непонятен и неприятен творец, вечно лицезреющий одно и то же полотно. Пусть даже любимое. Пусть даже самое лучшее. Творчество — это направленный процесс. Когда оно останавливается — оно перестает быть творчеством. Превращается в любование. Мне более близок творец, например, стыдящийся юношеских стихов. — А наука? — спросил Лыков. — Наука — это та же религия. Правда, имеющая несколько иную цель. Раскрыть все свойства сущего, овладеть методами и в конечном итоге — сравняться с творцом. То есть — встать на его место. Опять эгоцентризм. — Мне не нравятся такие рассуждения. — сказал Лыков. — Слишком далеко они могут завести... Они и заводят, — сказал Круглоголовый. — Заводят и — бросают... одного в темноте. Ты же слышал — Крик! У каждого существа есть собственный ад. Физическая боль — только один из множества аспектов. Одиночество — как это должно быть ужасно для них. — Они что, все сгорели? — спросил Лыков. — Скорее всего — все... Ну, может быть, осталось несколько тварей, случайно укрывшихся в подвалах. Это не имеет значения. Они, конечно, очень опасны. Но... убить одиночную тварь не так уж сложно. Так что сейчас снаружи относительно безопасно. — Снаружи? — спросил Лыков. — А что там — снаружи. — Сгоревший Мир, — не совсем понятно ответил Круглоголовый. — Ветер и печаль. Ладони, полные горького праха. — Мы туда идем? — спросил Лыков. — Да, — сказал Круглоголовый. — Хотя — нет! Ты идешь один. — Зачем? — Несколько часов у тебя будет... — сказал Круглоголовый. — Прежде, чем развернуться... ну да ладно... Стоит поторопиться. Тебе нужно найти неразрушенное здание... Относительно неразрушенное... Нужно будет зайти в него. — И все? — спросил Лыков. — Все! Зайти и встать у окна. Тогда — зажжется свет и начнут приходить люди. Они будут приносить с собой какие-то вещи. Чаще всего — совершенно бесполезные. Иногда — оружие. Так что материальная база приложится. Некоторое время — пока более сильные тебя не сомнут — ты будешь у них главным. Абсолютная власть, — он слегка улыбнулся. — Говорят, она ценится куда выше денег. — Так просто? — сказал Лыков. — Конечно... Вообще, большинство человеческих проблем — это тыфу... — он сдул с ладони щепотку воображаемой пыли. — Немного упорства, уверенности в себе и совсем чуть-чуть везения... Построить Империю вовсе не сложно тому, кто по-настоящему этого хочет. Человеческая история много раз это доказывала. Можешь провозгласить себя кем хочешь. Вестником Бога, например. Многие так и делают. Причем совершенно искренне. Ты ведь уже знаешь об этом мире

куда больше остальных. Вот и заяви — громогласно. Придется, правда, много чего пообещать. Главное — побольше туману. Народ это любит. Выдели нескольких избранных, скажи им что-нибудь вроде: «идущие за пастырем спасутся» — пускай роют землю. В общем, все как обычно. Учебник истории за шестой класс. — Зачем все это? — спросил Лыков. Круглоголовый пожал плечами. — А ты? — спросил Лыков. — Ты куда? — Я ухожу, — сказал Круглоголовый, поправляя серую мешковину на плече. — Уходишь? — не понял Лыков. — Куда ты уходишь? — Никуда... — сказал Круглоголовый. — Просто ухожу. Отсюда. Прочь. — В смысле — совсем?... Из этого мира? — Круглоголовый кивнул. — Ты действительно можешь отсюда уйти?! — пораженно спросил Лыков. — К сожалению, могу... — Вернуться на Землю? — На какую Землю?! — взорвался Круглоголовый. — На какую Землю, черт тебя дерит. Ты как глухой. Ты что — так и не понял ничего. — Он раздраженно взмахнул рукой и отвернулся. — Невозможно обрести что-то, ничего не отдавая взамен. Тукали глухие шаги, рвалась паутина. Напряжено хлопотало в трубах. Шелушились подсохшие раны на затылке. Они шли и шли. Километры вытягивались под ноги. Мелькали замшелые углы, отсекая горизонты новых пространств. Обратный путь невозможен. Это закон. За спиной рушится вселенная. Горят мосты, падает ничком литое зарево. Кровавые отблески уплывают по сонной реке. Разбегаются потревоженные жуки. Гнилые жабы глаза преломляют тревожный огонь. Человек меняется с каждым поступком. Чем значимее поступок, тем глубже изменения. Другое время, другой взгляд. Все течет, точка отсчета, как лунный стержень, пронизывает тягучие воды, страшная суставчатая ива летаргически наклоняется к воде. Другая вода. Блестит, словно смазанная жиром. Трухлявая колода, упавшая поперек течения, шипя растворяется в нем. Листья испаряются, не долетая. Кислотные пузыри сочатся из-под творожистых откосов, и берега — другие, полчища одинаковых шаровидных растений спускаются, теснясь, к фиолетовой глади. Человек изменился, и изменилась вселенная, принадлежащая ему. Невозможно войти в одну реку дважды. Не в реку, а в воду, — поправляет Лыков. В реку — можно. Только это будет совсем другая река. Чужая. Он помнил — лоснящаяся поверхность. Не то что войти — прикоснуться было превыше сил. Пусть течет себе. Не понимаешь? Невозможно встретить старого друга, после долгих лет заочной напряженной ссоры и — не ощутить неловкости. Невозможно вернуться к прежней женщине и любить ее так же, без поправок на прошлое, обязательно всплывет какая-либо скользкая муть. Невозможно, говорю тебе... Естественно, речь идет о настоящих чувствах, суррогатные состояния в расчет не берутся. Много чего невоз-

можно. Мир несовершенен. Это вытекает из его устройства — обратный обмен невозможен, даже при согласии сторон. Это как блестящая теорема, опровергаемая доказательством от обратного. Наверное, этим и объясняется раздражение Бога. У него есть свой личный крошечный ад. — Вы видели его? — не имея губами спросил Лыков. — Вы... ты... видел Бога?! — Я — атеист, — ответил Круглоголовый. — Я не верю в мудрого старика с бородой, сидящего на престоле небесном. Но — этот мир создан... И еще другие... не важно. Он создан, он существует, а значит — он совершенствуется, идет созидательный творческий процесс, а значит, существует нечто, его породившее. Создатель. Творец. Космическая сила. Можно бесконечно жонглировать терминами. Для простоты я называю его Богом. Мы пришли...

— Что? — не понял Лыков.

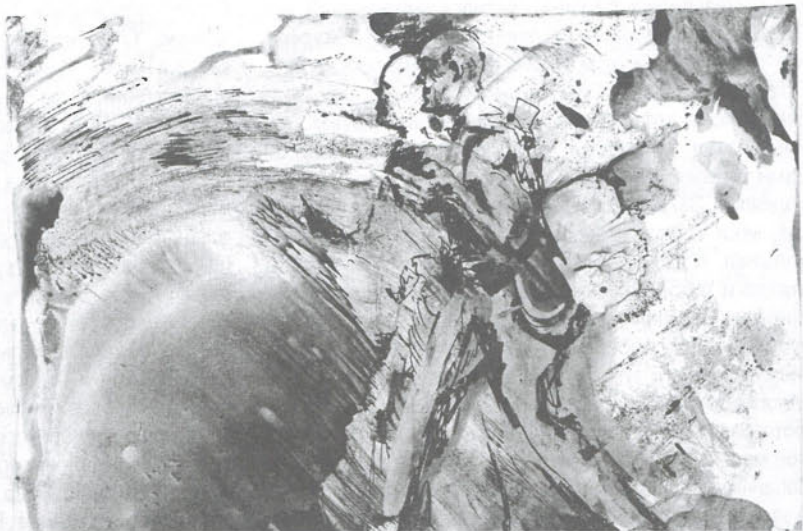
— Мы пришли. — сказал Круглоголовый. — За следующим поворотом дверь. Петли наверняка прикипели, но если поднатужишься — отворишь. Я не знаю, что там — но просто беги вперед. Старайся пореже дышать и поменьше поднимать пепла.

— Подожди, — затараторил Лыков, цепляясь. — Ты и правда можешь уйти?... Правда?... — Круглоголовый нетерпеливо дернул порезанной шейкой, проклюнулись тугие рубиновые капельки. — Зачем же ты приходил?

— Хламида скитальца тесна и неудобна! — произнес Круглоголовый, не двигая губами. — Коснувшийся ее — проклят, как посягнувший на одно из свойств Божьих. Я думал — мне удастся... если не исправить, то хотя бы искупить... Я ошибся!... У меня не хватает сил — остаться!... Чтобы носить одеяние Бога — нужно перестать быть человеком... Ну... довольно. Иди! — громко сказал он. — Иди же... Время, отпущенное миру, истекает. Мои слова не прибавят к нему ничего. Иди!...

— Все будет, как ты говоришь? — спросил Лыков. — Здание... окно... свет и люди... Так все и будет?... Ты не ошибся?...

— Видишь ли... — сказал Круглоголовый, разводя руками. — Случилось так, что и мне оказалось нечем поклоняться!...

Виктор СТРЕКАЛОВСКИЙ,
Эдуард МОЛЧАНОВ

Все флаги В ГОСТИ К НАМ

Впервые в Екатеринбурге был исполнен гимн международной федерации шахмат (ФИДЕ), посвященный чемпионату мира по шахматам среди женщин. На старт вышли 63 шахматистки из 29 стран, в том числе все лидеры мирового рейтинга — чемпионка мира Антоанета Стефанова из Болгарии, пятикратная победительница мировых первенств Майя Чибурданидзе из Грузии, Пиа Крамлинг из Швеции, Хампи Конеру из Индии и Александра Костенюк из России. Нашу страну представляли двенадцать спортсменок, одна из которых — наша землячка, международный мастер спорта, чемпионка Европы среди девушек Мария Курсова.

Международный мастер Мария Курсова

Турнир открыли президент ФИДЕ Кирсан Илюмжинов и губернатор Свердловской области Э. Россель, они поздравили спортсменок, гостей турнира и многочисленных болельщиков с началом соревнования.

В церемонии открытия принял участие архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий.

Главный судья соревнования А. Филиппович приглашает на сцену действующую чемпионку мира Антоанету Стефанову: ей предстоит осуществить жеребьевку цвета. В ходе театрализованного действия Антоанета выбрала одну из гигантских фигур — в виде шахматной ладьи, внутри которой находилась одетая в черное девушка, символизирующая выбор цвета в первой партии. Это означало, что участницы, играющие под нечетными номерами, начнут чемпионат черными фигурами.

Общепризнано, что шахматы включают элементы искусства, науки и спорта. В то же время стремительное ускорение темпа жизни, всеобщая компьютеризация и коммерциализация оказывают огромное влияние и на шахматы. Их развитие, по мнению экс-чемпиона мира Г. Каспарова, вступает в новую стадию — во главу угла поставлен прежде всего спортивный элемент.

Все это проявилось в ходе чемпионата. Уже первые раунды преподнесли большие неожиданности. Многие болельщики, а с Интернетом — более 250 тысяч из 141 страны — с интересом наблюдали за напряженной борьбой в зале отеля «Атриум Палас». Кто победит? Новое молодое поколение — дети компьютеров или старшее, воспитанное в духе чемпионов мира прошлого века?

Настоящим открытием чемпионата стала восходящая звезда шахматного небосклона Хоу Ифань. Недавно ей исполнилось 12 лет, и, судя по всему, можно ожидать появления нового имени в числе лидеров мировых женских шахмат.

Самая юная участница турнира Хоу Ифань

— Откуда ты родом, кто был твоим первым тренером? — спросили ее на пресс-конференции.

— Родилась в городе Цзянсу, но сейчас с мамой живу в Пекине, где располагается Национальный шахматный центр с интернатом для отобранных по всей стране юных талантливых шахматистов. Мой тренер гроссмейстер Е. Цзянчуань.

— Когда начался твой путь в шахматах?

— Я начала играть в 6 лет, затем довольно быстро попала на турнир, где отбирали детей для продолжения занятий в центре. Я прошла все необходимые тесты и теперь продолжаю свое обучение там.

— Каковы планы на будущее? Шахматы — основное занятие?

— Да, я намерена заниматься шахматами профессионально. Для того чтобы достичь высокого уровня, нужно заниматься только шахматами. Я готова... Я занималась шахматами, готовясь к чемпионату, и по утрам — вместо школьных предметов.

— А как свободное время проводишь? Чем любишь заниматься?

— Читать люблю. Только редко удается.

Вице-чемпионка мира Алиса Галлямова

— А какую литературу предпочитаешь?

— Романы.

— Неужели у столь серьезной и рационально мыслящей девушки нет мечты?

— Мечтаю купить дом в Париже. Но я реально отношусь к своим возможностям. И предпочитаю не витать в облаках.

Успешно вели борьбу на подступах к финалу российские спортсменки, чьи имена представлены в энциклопедическом шахматном словаре.

Визитная карточка

Светлана Владиславовна Матвеева. Международный гроссмейстер (1989). Участница нескольких чемпионатов СССР, лучшие результаты 1–2-е места. 1984 г.; 3–4-е места — 1985 г.; 4–5-е места — 1986 г. Неоднократная участница соревнований на первенство мира; не раз побеждала в международных турнирах.

Визитная карточка

Алиса Михайловна Галлямова. Международный гроссмейстер (1989), чемпионка мира среди девушек до 16 лет (1987); вице-чемпионка мирового первенства 1999 г.; участница и призер чемпионатов страны и международных турниров.

25 марта 2006 года главный судья чемпионата Анджей Филиппович провозгласил новой королевой шахмат китайскую спортсменку Сюй Юхуа.

Она по праву завоевала этот титул, не проиграв ни одной партии из 13 сыгранных. По мнению специалистов, 29-летняя Сюй Юхуа закономерно пришла

Третий призер чемпионата Светлана Матвеева

Чемпионка мира, двукратная обладательница Кубка мира гроссмейстер Сюй Юхуа.

на смену своим соотечественницам — Се Цзюнь и Чжу Чэнь, экс-чемпионкам мира.

Алиса Галлямова получила серебряную медаль, а Светлана Матвеева и Виктория Чмилите были удостоены бронзовых медалей.

Из интервью с новой чемпионкой мира Сюй Юхуа, двукратной обладательницей Кубка мира по шахматам.

— Считаете ли вы себя профессиональной шахматисткой или у вас есть другая профессия?

— Я окончила университет в Пекине, получила степень бакалавра в области юриспруденции. Собираюсь продолжить обучение, получить степень магистра. Но все равно считаю себя шахматным профессионалом, потому что большую часть времени отдаю этой игре.

— Как вам удается сохранять спокойствие во время игры, особенно на таком серьезном соревновании, как чемпионат мира?

— Вообще это очень сложно описать словами, я просто концентрируюсь на партии и больше ни о чем не думаю. Чем больше я концентрируюсь, тем меньше нервничаю.

— Как вы можете охарактеризовать вашу главную соперницу?

— Алиса Галлямова очень сильный соперник, и я искренне полагаю, что в двух партиях из трех мне просто повезло.

— Не собираетесь ли вы выучить русский язык?

— Я думаю, что шахматисту очень полезно знать язык этой страны, и в будущем обязательно попытаюсь его выучить.

БЕКЛЕМИШЕВА Вера Евгеньевна (в замуж. Копельман; 1881 — 1944, по др. свед — 1941), писательница, авт. воспоминаний.

Мать писателя Ю.С.Крымова. Сotr. в альм. «Шиповник» и др. изданиях. «Реквием: Сб. памяти Леонида Андреева». М., 1930. Авт. пьес: «Принц и нищий» (По Марку Твену) СПб., 1912; «Великие кануны» М.-Л., 1928. «Встречи» \ \ Книги; Архивы; Автографы. М., 1973. С.44-56. — В ст. Заборова Р.Б. Новое об Александре Блоке.; Отрывок из восп. «Лит. встречи с А.М.Горьким» \ \ ЛН. 1965. Т.72. С..592-593; «Леонид Андреев» (1907-1918), воспом. — РГБ ОР. Ф..218. № 1268. 1. В личном архивном фонде в ЦГАЛИ хран. рук. Б.: «Царевна на час» (1919), «Посылка» (1934), ром. «Рубеж», пьеса «Дни испытаний».

ИДРДВ. Т.5. Ч.1. № 1094, 1190; ВД. Указ. рук (указ. имен); РНБ.

БЕКЛЕМИШЕВА Екатерина, переводчица.

Пер. с франц соч. г-жи Репневиль «Зелия, или Добрая дочь» В 2-х ч.. М.. 1819.

Слов. рус. писательниц; Масанов; Венгеров. Источ.

БЕКМАН-ЩЕРБИНА Елена Александровна (урожд. Каменцева; 1881 — 1951), авт. воспоминаний.

Пианистка, педагог. «Мои воспоминания» 2-е изд. М., 1982; Воспоминания об А.Н.Скрябине. — В кн. «Александр Николаевич Скрябин», М.-Л., 1940. С. 62-64.

ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 7115, 7307.

БЕЛAVENCEBA Ольга.

Сotr. журн. «Шут» (1910-11). Авт. кн.: «Трагедия падших». СПб., 1911.

Венгеров. Источ.

БЕЛАВИНА С.

«Письмо к издателям» — «Утренний свет». 1780. Ч. 8. С. 288.

Венгеров. Источ.

БЕЛАЯ Л.

Сotr. журн. «Каторга и ссылка» (1927 Т.V) — Л.Б.. Масанов.

БЕЛАЯ Софья Николаевна

(См. Богдановская, С.Н.)

БЕЛЕВСКАЯ (Летягина) Марина Яковлевна, авт. воспоминаний.

«Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилеве, 1915-1918 гг: Личные воспоминания». Вильно, 1932.

Кн. рус. зарубежья.

БЕЛЕВЦЕВА Наталия Алексеевна (1895 — 1974), авт. воспоминаний.

Актриса. Авт. кн.: «Глазами актрисы». М., ВТО, 1979.

ИДРДВ. Т.4. Ч.4. № 7777, 7895.

БЕЛЕНКО Вера Николаевна (псевд. Лесницкая, В.), драматург.

Сotr. в «Вестн. Европы» (1888, № 8); в сб. «Сцена», вып. Х11 (1900); «Репертуар», т.111 (СПб., 1901). Авт. кн.: «Генеральное сражение», шутка в 1 д. СПб., 1889; «Поджог», ком. в 2-х д. Ровно, 1899 и М., 1901; «По бабушкиному завещанию», комедия. СПб., 1892; «В дворянских гнездах», ком. М., 1900.

Масанов; Венгеров. Словарь; РНБ.

(Продолжение на в следующем номере)

За клюквой

Субботний день выдался на редкость удачным. Была середина сентября, ночью подморозило, и утром, с восходом солнца, небо, без единого облачка, раскинулось над подёрнутым инеем северным краем ровным голубым покрывалом. Сибирь вдыхала по ночам крепкий арктический воздух с побережья Студёного океана, а днём выдыхала его обратно, отдавая остатки тепла прогревшегося за пару летних месяцев тонкого слоя земли.

Именно в это своеобразное бабье лето можно без помех собирать спелую клюкву на болотах, когда ночные заморозки полностью истребили беспощадную сибирскую мошку, а днём скупое солнце всё же даёт ещё достаточно тепла, чтобы человек не замёрз без меховой одежды, долгое время находясь на открытом воздухе.

Илья по привычке проснулся рано, умылся холодной водой, пока на кухне закипал чайник, быстро позавтракал и прибрал посуду, стараясь не разбудить неосторожным шумом спящих в комнате жену и дочку. На часах — шесть, на градуснике — минус три, вещи собраны с вечера — осталось одеться, и можно выходить. Натянул на себя тёплое трико и толстый свитер, сверху геологический энцефалитный костюм, на ноги — шерстяные носки и резиновые сапоги на толстом «протекторе», на голову — лыжную вязаную шапочку. Подхватил в прихожей эмалированное ведро, — в нём в пакете уложены продукты, бутылка воды с кружкой и сигареты со спичками — вот и вся ягодная экипировка.

Илья вышел из подъезда и быстрым шагом направился через дворы к дому Халима, своего друга и товарища по работе. Лужи затянуло хрустким ледком, под ним стояли белёсые воздушные пузыри, звонко лопающиеся под ногами, но вода не промёрзла насквозь и проступала из-под треснувшего льда тягучими ртутными шариками.

Казалось, что маленький город ещё спал. Но на самом деле всех, кому нужно было на нефтепромыслы, уже забрали ночные вахтовые автобусы, и только кое-где во дворах возле редких легковых машин собирались стайки ягодников.

Халим как раз укладывал снаряжение в багажник своей зелёной «шестёрки», одной из первых появившихся в городе легковушек, когда Илья потихоньку подкрался сзади и резко брякнул ведром о мерзлую землю. Халим от неожиданности отскочил в сторону, а увидев друга, чертыхнулся и протянул навстречу руку.

— Доброе утро! — радостно поздоровался с ним

Илья, ответил на крепкое рукопожатие и указал на своё ведро. — Пристрой и мои пожитки, пожалуйста.

— Это всё? — удивился Халим. — А где же мешки под ягоду?

— Какие мешки? Мне и ведра достаточно, я кадушками клюкву солить на зиму не собираюсь.

— Так мы же с ночёвкой едем, а ведро можно всего за час комбайном накидать. Что будешь дальше делать?

Халим закончил укладываться, захлопнул багажник и обошёл машину вокруг, постукивая носком сапога по шинам.

— Мне спешить некуда, тем более на природе. Найду чем заняться. В лесу живём, а леса не видим, вечно — то на работе, то ночь уже наступила.

— Ладно, у меня тут удочка складная припасена и черви, порыбачишь.

В это время к ним подъехала вторая машина с компаньонами.

— Ну, что, начальнички, готовы? — из правого заднего окна высунулась ухмыляющаяся физиономия Василия Беркина.

Его богатырская фигура с трудом умещалась в салоне легковушки, и ему было удобней ехать, загнув коленками переднее пассажирское сиденье к самому лобовому стеклу. За рулём сидел Сергей Жидков, старожил и «кулибин» электроцеха бурового управления, а позади него, рядом с Беркиным, втиснулся Саша Синцов.

— А где Четвёркин, не пришёл, что ли? — спросил Илья.

— Да он ещё вчера отказался, как узнал, что я еду, — хохотнул в ответ Василий. — Придумал, будто жена не пускает.

— Да нет, он с прошлого раза охладел к ягоде, как прогнали мы его по болоту с полной выкладкой, — Саша Синцов тоже приоткрыл окошко и намекнул: — Слабаки с нами не ходят.

— Поехали, хватит трепаться, — Сергей дал «по газам», и машины друг за дружкой покатали прочь со двора.

— Куда едем? — спросил Илья, отрегулировав наклон спинки и устроившись поудобнее.

— К Ханымею, там у нас есть своё местечко, третий год туда мотаемся за ягодой. Далековато, правда.

— Сколько?

— Да километров сто восемьдесят будет.

— А поближе что, клюква не растёт?

— Растёт, но там вкуснее, — Халим глянул на Илью

и рассмеялся. — Ну-ка, поставь музыку, чтоб веселее ехать было.

Илья нашарил в бардачке магнитофонную кассету. Ритмичная мелодия полилась из динамика, машина с шелестом бежала по ровной дороге, звонкими щелчками шин отмечая стыки между бетонными плитами. Солнце, лениво лишь приподнявшись над горизонтом, ласково грело щёку сквозь стекло. За песчаной обочиной тянулись редкие лески, прерываемые бурными проплешинами болот и зеркальным блеском озёр. Местами погибшие от избытка влаги берёзки стояли корявым частоколом, почти без ветвей и коры, мёртвыми обломанными макушками подпирая небо. Километры наматывались на счётчик спидометра, в тонкую щель не закрытого до конца бокового стекла тянуло свежим, напоенным ароматом приближающейся зимы воздухом, ненавязчивая музыка поддерживала настроение приятного путешествия, и сердце само пело, впитывая окружающую строгою северную красу.

Через пару часов свернули с основной трассы на узкую — в две плиты — разбитую дорогу и, преодолев ещё десяток ухабистых километров, остановились перед мостиком над безымянным притоком Пяку-Пура. Русло неширокой извилистой речки было перекрыто двумя рядами, с метровым расстоянием между ними, стальных труб. Промежуток между трубами был рассчитан на широкие мосты тяжёлых грузовиков, «Уралов» и «Камазов», — о легковушках тогда никто, конечно, не думал.

Друзья осмотрели «каскадёрское» сооружение — не проржавело ли за год. Илья и Василий увидели его в первый раз и с опаской перешли по трубам на другой берег, поглядывая на близкую мутноватую воду и прикидывая, может ли автомобиль свалиться боком в речку, если, не дай Бог, соскользнет колёсами с покатою отполированной стали. Пока они рассуждали, Халим с Сергеем спокойно преодолели кажущееся препятствие, подобрали своих друзей и резво покатили дальше.

Ещё через полчаса свернули на широкую песчаную обочину и остановились на приметном месте, возле размытого кострища. Из машин вывалились немного усталые с дороги, похрустели застоявшимися косточками, прохаживаясь и пошучивая друг над другом. Саша Синцов возмущался больше всех, разминая затекшие ноги.

— Больше этого громилу с собой не возьмём, — бормотал он ворчливо, — занял полмашины, не выдохнуть, не выдохнуть.

— А как вы, кстати, спать собираетесь втроем? — ещё подначил его Халим.

— К вам пусть идёт или на улицу, — Саша с опаской глянул на друга.

Тот невозмутимо курил, выпуская дым вверх толстыми сизыми кольцами, смотрел задумчиво вдаль, делая вид, что не слышит разговора.

— Снаружи я спать буду, — Сергей вынул ключи из замка зажигания, пошёл к багажнику.

— Ещё лучше, — хмыкнул Синцов, — а меня с ним оставишь?

— Кто-то из нас сейчас, кажется, договорится... — негромко проговорил Василий и щелчком стрельнул окуроч в коричневую лужу. — И тоже отправится ночевать на природу, и ещё будет покачивать машину, чтоб я лучше спал...

Неяркое солнце катилось над горизонтом чуть выше уровня глаз, хотя время уже подходило к десяти часам дня — сказывалось близкое соседство полярного круга, да и зима была уже не за горами. Воздух совсем не хотел прогреваться, он струился в легкие словно студеной колодезная вода, с губ с дыханьем срывался парок, и тишина звенела в ушах, отвыкших от настоящего беззвучия. По обе стороны дороги до самого горизонта тянулась болотистая кочковатая тундра, в частых разрывах темных озёр, отороченных по берегам невысокими деревьями. Протяженными рощицами, пестревшими на фоне изумрудной зелени сосенок яично-жёлтой и гранатовой листвой берез и осин, были обозначены и протоки, причудливо-извилистыми руслами соединяющие все водоемы в одно бесконечное сибирское «море». Факелы рябин выделялись на осенней палитре крупными отрывистыми мазками.

Настроение у всех было немного хмельное, в предчувствии близкого соприкосновения с чистой душой природы. Ноги не хотели стоять на месте, руки быстро расхватали из багажников машин снаряжение, и через несколько минут все были готовы к походу.

— Нам до места шагать километров шесть, — сказал Синцов. — Пойдем цепочкой, держитесь за нами с Серёгой и Халимом и старайтесь с тропы не сходить. Болото хоть и неглубокое, но провалиться и по уши вымокнуть хватит.

— Вот, вот, нянчиться ни с кем не будем, — добавил Жидков, оглядывая ягодную команду и поправляя на плече ремень закинутого за спину ружья. — Кто промокнет или устанет, может топтать назад, ключи от моей машины под правым передним колесом.

— Да ладно, пошли уже, сусанины, — Беркин скептически сплюнул. — Вы нас так до вечера не приведете. Жаба задавила напоследок, не хочется свои плантации показывать — так и скажите.

Трое «следопытов» спустились с песчаной обочины и пошли вперёд, новички всё же пристроились позади, с опаской сначала пробуя носком податливую почву, потом приноровились и стали шагать смелее, стараясь не отставать от проводников. На более-менее сухих участках тропы мелкие кустарники и мох, прибитые первыми холодами, ломко похрустывали под сапогами, кочки пружинили и норовили выскользнуть из-под ног. Местами попадались ровные полянки полегшей травы, сплетенной в сплошной ковер, почва здесь колыхалась в такт шагам тяжелыми волнами, подаваясь, словно туго натянутый батут. От ходьбы по такой зыбкости замирало сердце, холодок про-

бегал по спине, и хотелось скорей ступить на твёрдую поверхность.

Илья шел последним, но то и дело норовил забежать вперёд, не в силах сдержать в себе радость движения.

— Не спеши, — осаживал его Халим, — устанешь быстро, по болоту ходить, сноровка нужна.

— Да я вас всех за пояс заткну, — петушился Илья. — Плетётесь как черепахи, а я с детства ходить приучен родителями-геологами и вместе с ними не одну сотню километров отмахал по Алтайским горам.

— Ладно, вечером посмотрим, какой ты ходок, — лукаво поглядывал на него Синцов, — сейчас-то, на легке, ты мастак вышагивать. На обратном пути я тебе подкину мешок ягоды на плечи, тогда и покажешь свою сноровку, а то ты, смотрю, всего одно ведёрко захватил с собой.

— Мешок мне тоже не помеха, — отшутился Илья, — плечи у геологов к рюкзакам привычные.

За разговорами путь казался коротким, и вскоре ягодники вышли на приподнятый лесистый берег протоки между двумя большими озёрами, где нашлось еще одно старое кострище с двумя ржавыми стальными рогатинами, вкопанными по краям. Насобирав сушняка, разожгли костерок и подвесили над ним закопчённый чайник. Ели быстро, в несколько минут расправившись с колбасой и хлебом. Запили походный завтрак и, одновременно, обед, обжигая губы о края железных кружек, наваристым крепким чаем и, сложив посуду возле потухающего костра, споро разобрали снаряжение.

— Ну что, будем устраивать соревнование? — спросил Жидков, улыбаясь и оглядывая разношерстный инвентарь команды.

Клюкву можно собирать по-разному: специальным комбайном — продолговатым жестяным контейнером с выступающими вперёд длинными проволочными зубьями — это изобретение напоминает страшную руку Фредди Крюгера и столь же варварски калечит ягодные усы и розетки листьев, но позволяет быстрее всего обобрать приглянувшуюся полянку; обыкновенным алюминиевым ковшиком — размашисто сбивать ягодные россыпи прямо в приоткрытый зев холщового мешка, — тоже быстро и не намного бережнее сохраняя при этом хрупкую северную растительность; и, наконец, просто руками — «по comments», как говорят «импортные» граждане.

Илья предпочитал последний способ, он любил чистую ягоду, без травы и листьев — её не надо дополнительно провеивать на ветру. А когда наберешь горсть темно-красных горошин, их так приятно пересыпать с ладони на ладонь замерзшей «картечью».

Выйдя из леса, команда разбрелась в разные стороны по обширному болоту, почти сплошь усыпанному крупной спелой клюквой. Илья ушёл подальше вдоль берега озера, облюбовал себе огромную высокую кочку, обвешанную продолговатыми ягодами, присел рядом с ней на корточки и начал аккуратно

обирать тяжёлые рубиновые капли. Ноги быстро затекли с непривычки, и Илья, долго не раздумывая, улёгся возле кочки на сухой мох и не спеша продолжал своё дело, передвигаясь по-пластунски на новое место по мере необходимости.

В таком положении его и застал проходивший мимо Беркин. Он долго хохотал над Ильёй, утирая наворачнувшиеся от смеха слезы, отдышался и ушёл дальше.

Часа за три наполнив с горкой ведро чистой «калиброванной» ягодой с ближних кочек, Илья вернулся к месту стоянки, никого не встретив по дороге. Хлебнул остывшего чая, взял полиэтиленовый пакет с банкой червей и намотанной на картонку снастью, телескопическую удочку и направился теперь вдоль берега в другую сторону. Обошёл большое озеро, подыскивая удобное для рыбалки место, и углубился в целую россыпь мелких водоёмов, с мшистыми болотистыми берегами. В центре некоторых из них из воды выступали неожиданные островки с миниатюрными корявыми сосенками-одиночками, издавала очень похожими на японские бонсаи. Был бы у него с собой фотоаппарат, такие снимки могли бы получиться!

Где-то вдалеке за спиной раздались сухие щелчки ружейных выстрелов. Видно, Жидков тоже закончил собирать ягоду и занялся охотой, решив порадовать друзей на ужин дичью, не успевшей еще сняться в южные края.

Водоплавающая птица догуливала последние деньки на северных просторах. По-над водой от Ильи запоздало разбегались пестрые утки, прятались в береговой траве, обидчиво покрывкая на непрошеного гостя, а в одном крохотном озёрке он застал врасплох семью из трёх красноклювых белых лебедей. Завидев человека, они с грациозным достоинством отплыли от берега, неторопливо поднялись на крыло и улетели в сторону солнца. Илья долго, затаив дыхание, провожал их взглядом, приложив ладонь козырьком ко лбу, потом двинулся дальше.

Скоро он вышел к другому обширному озеру, из которого вытекала довольно глубокая речушка, с крепкими, поросшими густым лесом берегами. Подойдя к её истоку, Илья обнаружил утопанный пятачок земли, высоким обрывчиком нависающий над водой, а рядом в густой траве лежал раскладной стул из дюралевых трубок, перетянутых выцветшим, но крепким ещё брезентом. Наверняка это место облюбовал кто-то из ханымейских жителей для своих рыбацких утех.

Илья с большим удобством уселся на найденном стульчике, закурил первым делом, вытянув к воде уставшие от долгой ходьбы по кочкам ноги, и несколько минут неотрывно смотрел, задумавшись, на гладь озера, раскинувшегося перед ним. Чёткое фотографическое отражение белых перистых облаков, цепочкой протянувшихся от его ступней к далёкому противоположному берегу, лишь изредка подёргивалось лёгкими пятнами ряби под порывами ветерка. Вода, коричневатого торфяного оттенка, была чиста и

прозрачна, илистое дно совсем рядом, и в нескольких метрах перед собой, у самой поверхности воды, он заметил секундные серебристые отблески. Сначала подумал — рябь играет в глазах солнечными зайчиками — но тут же сообразил, что это бликует чешуя некрупной рыбёшки.

Сигарета тут же была забыта, и руки, в накатившем азарте, лихорадочно начали разматывать снасть из тонкой разноцветной лески с тремя крючками. Илья быстро наладил удочку и аккуратно, стараясь не распугать будущий улов, с отвеса опустил наживку в отмеченное место. Самодельный поплавок из черенка гусяного пера, наполовину выкрашенного красным лаком, лёг на воду без малейшего всплеска и через несколько секунд уже подскочил торчком, семафоря о начавшейся поклёвке.

И пошло...

Мохтик — северная плотва — набросился на аппетитных, отъевшихся на заварке червей и напергонки атаковал крючки, с лёту заглатывая наживку. Илья не успевал вытягивать леску, половинки червей насаживал наспех, а рыбу, запихав кое-как первые несколько штук в полиэтиленовый пакет возле ног, стал бросать, не глядя, за спину, в травянистую ложбинку в нескольких шагах от себя.

За этим весёлым делом минуты понеслись как угольные. Не в силах оторваться от азартного процесса, Илья краем глаза уловил позади какое-то объемное движение.

— Вася, ты? Ты гляди, что творится! Мохтик просто озверел! — не оборачиваясь, проговорил Илья.

В ответ услышал только невнятное бормотание.

— Вот благодать! Я такого клёва ещё не видел, — продолжал Илья. — Натаскаю на уху в полчаса!

Он говорил, не ожидая ответа и думая, что Беркин присел рядом на траву и покуривает, наблюдая за рыбалкой. Мохтик выскакивал из воды один за другим как ошпаренный, вспыхивая в закатном солнце серебряной чешуёй...

И, как всегда бывает, неудержимый клёв вдруг в одночасье прекратился, поплавок устало лёг на воду и приклеился, словно нарисованный. Илья выждал минуту, по инерции ещё крепко сжимая руками удилице, потом пристроил его между ног, уперев в землю под перекрестьем дюралевых трубок, и закурил, не

отрывая взгляда от мёртвого поплавка, в надежде на новую поклёвку.

— Ты смотри, — покачал он головой, — не хочет больше ловиться.

Беркин позади него согласно хмыкнул и укоризненно покряхтел.

Илья, наконец, отвлекся от поплавка, обратив внимание, что солнце уже скатилось к горизонту, тут же глянул на часы — полседьмого.

— Вот тебе раз, время-то уже сколько! — протянул удивлённо. — И ты молчишь, а пора ведь уже и обратно топать.

Он обернулся, ожидая увидеть товарища, да так и застыл с открытым ртом. Василия сзади почему-то не оказалось. Вместо него в нескольких шагах от Ильи сидел на корточках толстый бурый медведь, облизывающий длинным розовым языком довольную морду, всю в мелкой искрящейся чешуе. Он ловко загребал лапой с травы живую ещё рыбёшку и отправлял её в пасть, совершенно не обращая внимания на человека.

Илья сидел в полном обалдении, забыв, кажется, даже дышать. Мишка быстро подобрал оставшуюся рыбу, поводил головой из стороны в сторону, приняв хвываясь и приглядываясь, ничего больше не нашёл, задумчиво лизнул мокрую пустую лапу — показалось даже, что он острым загнутым когтем поковырял в зубах — и только после этого с интересом уставился маленькими блестящими глазками на Илью, как бы спрашивая: «Ну, чем еще будешь угощать?»

Выяснять его дальнейшие намерения в планы Ильи не входило, да он, конечно, и не думал об этом и вообще не о чём не думал. Оцепенение прошло в мгновение ока, Илья заорал благим матом, подскочил со стульчика и бросился бежать вдоль берега, не разбирая дороги.

Медведь и сам опешил от такого поворота дела, обиженно рявкнул вслед убегающему человеку,

чем еще добавил тому прыти, опустился на передние лапы и отправился в другую сторону, ворчливо порывистая и фыркающая в нос — то ли пытаясь избавиться от щекотавшей ноздри чешуи, то ли рассуждая с самим собой о людском невежестве...

Остановился Илья, только начав задыхаться, оглянулся, но позади, слава Богу, никого не было. Солнце коснулось горизонта, небо стало тёмно-синим, и ни звука, и ни единой живой души вокруг.

Тут же вернулся страх. Теперь Илья перепугался, что заблудился, хотя понимал — друзья где-то недалеко. Кричать не стал — зачем лишний раз напоминать о себе медведю, решил выбрать в ближайшем леске сосну повыше и, забравшись на неё, оглядеться вокруг. Идея оказалась верной, в нескольких километрах на западе в небо поднимался дымок костра. Надо было спешить — белые ночи давно кончились, скоро стемнеет.

Не чуя под собой ног, Илья около часа добирался до временного лагеря. Друзья уже хватились его и распалили костёр от души, срубив пару берёзовых сухостоев.

— Ты где пропал? — обрадовано спросил Халим, когда Илья шагнул из темноты в колышущийся круг света.

— Заснул, наверно, на берегу, — хохотнул Беркин, — он же у нас всё лёжа любит делать, вот и прикорнул на кочке.

Василий рассказал друзьям, как Илья собирал клюкву, и те тоже покатались со смеху. Илья молча отмахнулся и поискал глазами свое ведро с ягодой. Ребята уже всё упаковали: мешки, набитые под завязку, уложены рядком, фанерный короб, с прислоненным к нему ружьём, и ведро, аккуратно завязанное кем-то полиэтиленовой пленкой, стояли недалеко от костра. Возле ружья на траве лежала пара ошипанных уток.

Раздумывать было некогда — в темноте по болоту, да с объемистой поклажей за спиной и на плечах, сильно не разбежишься. Больше всего сбор оказался у Синцова — целых три мешка — один он тут же сосватал Илье, по утренней договорённости. В довесок тому ещё достался рюкзак с походной посудой и остатками провианта.

Шли молча, еле различая тропу в неверном серебристом свете луны. Тьма и тишина сгустились вокруг припозднившихся путников, топкая почва норовила ухватить покрепче за сапоги и отпускала нехотя, со всхлипами и недовольным бормотаньем всплывающих пузырей. Воздух заметно посвежел и приятно охлаждал разгоряченные лица.

На дорогу выбрались чуть в стороне, прошагали ещё с полкилометра до стоянки, и скоро на песке, между поставленными углом машинами, уже весело потрескивал костёр. Запас дров нашёлся в багажнике у хозяйственного Сергея Жидкова, оттуда же был из-

влечён закопчённый полуведерный котелок и кулёк с картошкой.

Скоро над костром поплыл умопомрачительный запах тушёной дичи, вышибающий слюну у голодных ходоков. Жидков колдовал над котелком, присаливая и снимая пробу, Илья нетерпеливо топтался рядом, остальные, с ложками наготове, расселись на пружинных подушках сидений и пытались забыть голод крепким папиросным дымом. На газете, между толстыми ломтями хлеба, жестяными мисками, кружками и очищенными луковичками, ждала своего часа запотевшая бутылка белой.

— Готово, — Серёга смачно и нарочито медленно облизал ложку.

Илья натянул брезентовые рукавицы, снял с треноги котелок и осторожно примостил его возле импровизированного стола. Товарищи дружно застучали ложками, накладывая походное варево, забубукала в кружка водка, а Сергей, заметив, что не хватает одного сидячего места, поролся в багажнике и протянул Илье раскладной стул.

— Держи, я тебе царский трон приготовил, — пошутил он.

А Илья прямо остолбенел:

— Откуда он у тебя?!

— Как откуда? — Сергей расставил дюралевые ножки стульчика и похлопал по натянутому брезенту ладонью. — Была у меня пара, да в прошлом году Четвёркин потерял один на болоте, он ведь, как и ты, любит всё с комфортом делать.

Друзья расхохотались было, но смех быстро стих — некогда веселиться, когда еда стынет, да ещё какая!

Илья больше не раздумывал, уселся на знакомое сиденье и умял за обе щеки две порции картошки с вкуснейшим утиным мясом. Потом, утолив первый голод под стакан крепкого питья, закурил и как на духу поведал товарищам о сегодняшнем случае.

— Так что я твою удочку там бросил, — обратился он к Халиму, закончив короткое повествование, — ты уж извини.

Из-за его рассказа с друзьями чуть не случился нервный припадок от смеха, а Василий подавился хлебом и, выпучив глаза, упал на колени и беззвучно разевал рот, пока Синцов не врезал ему от души кулаком по могучей спине...

Спали после сытного ужина как убитые.

Утром быстро упаковали пожитки и ягодную добычу, вспоминая вчерашний вечер и посмеиваясь, попили чайку и разошлись по машинам.

— Медведь-то, наверное, сегодня уже сам рыбку удит, полное снаряжение собрал, — бросил прощальную фразу Саша Синцов, пересев в машину Халима, чтобы не тесниться опять рядом с Беркиным, и озадаченно хмыкнул, улыбаясь пришедшей в голову мысли, — а Четвёркин, партизан, ни слова ведь за год не сказал.

Алексей Алтайский (Казовский) родился в семье геологов, детство и юность провел в Усть-Каменогорске и в горах Рудного Алтая, окончил Томский политехнический институт (по специальности — инженер-электрик) и вот уже 20 лет живет и работает в Ноябрьске — на Тюменском Севере. В «Уральском следопыте» публикуется впервые.

Анатолий ПОНОМАРЁВ

Деревенская помощь

Помню, еще в конце 40-х годов в деревнях принято было собирать работников для однодневной, авральной и веселой, работы, которая называлась «помочь»; говорилось: «были на помочехе, с помочи идем»). Чаще всего это была летняя заготовка дров на зиму. Хозяева — организаторы помочи — заранее пекли хлебы, пироги, ставили большую корчагу браги, эдак ведра на два-три, потому как в помочи участвовало с десяток и более человек. Кормили работников в этот день тоже хозяева. Готовились к работе загодя: разводили пилы, точили топоры, запасали керосин. Керосином мазались в лесу, спасаясь от гнуса, им же смывали с пил налившую серу.

Работали здорово!

— Бойся! — то и дело раздавалось в лесу, и очередное дерево, изогнувшись дугой, с треском валилось и тяжело ухало кроной о землю. Деревья роняли крестнакрест, чтобы при распиливании их на чурки не зажимало пилу. Это своего рода искусство — уронить взрослое дерево именно туда, куда надо, и здесь орудовали самые опытные работники. Интересно было нам, пацанам, вариться в этом живом рабочем котле, видеть, как весело спорится работа. Работники перебрасывались шутками, поговорками, подначками. Кто-то обрубал сучья, кто-то таскал их в кучу, разжигал под ними огонь. А ствол уже пилили на чурки, тут же за чурки брались мужики с колунами, — и вот уже тяжелые смолистые поленья складывали в поленицы, которые росли на глазах. Помочь была праздником свободного, вдохновенного труда.

К вечеру делянка была вырублена, очищена, сучья сожжены, рядами стояли аккуратные, серой пахнущие поленицы свежих, чистеньких дров. На торцах поленьев с обеих сторон углем выведены или клеймом выбиты инициалы хозяина. Не украдет дрова лихой человек — любитель поживиться за чужой счет, а если уж найдется такой «храбрец», то для него в поленице имеется известное только хозяину полено, начиненное хорошим зарядом пороха...

И вот — работа закончена, все расходятся по домам, «управляют» скотину, приводят себя в порядок, принаряжаются, идут к хозяевам ужинать, и может быть, даже не столько ужинать, сколько повеселиться, погулять. Кто-то из мужиков и жену с собой прихватит, а кто-то, наоборот, без жены норовит — одиноких баб после войны было много. За столом едоков оказывается раза в полтора больше, чем работников в лесу, так как добавляется гармонист с женой или подругой, жены работников, старики.

С гармонистом обязательно договариваются заранее, чтобы не подвел. Нередко в один день в селе бывает не одна помощь, а хороших гармонистов в деревне один-два. Другие или быстро напиваются, или ленятся — мало играют, или гармонь у них без-

голосая. Таких зовут, когда уж некуда деваться, когда хорошие гармонисты заранее кому-то «посулились» (пообещались). Хороший гармонист — фигура на селе знаковая, авторитет его очень высок, он мог и «повелиться» или совсем отказаться, зная, что все равно будет играть, — не тут, так в другом месте. Гармонист в лес на работу не ходит, но на гулянке — главный человек, без него и праздник — не праздник.

Наконец все собралось, расселись по лавкам да скамейкам вокруг стола, и вот она — загадочная русская душа — понеслась в рай!

Хозяин, в одной руке чайник с брагой, в другой — стакан, обходит всех, наливая каждому, требует выпить до дна.

— А ну-ко, сам-от хлопни жо! — скажет кто-нибудь, все подхватят, а хозяин совсем даже не против, раз — и «хлопнул», он уж ждал, когда ему предложат, он тоже уработался, может, побольше других. Пригласят и хозяйку, челноком снующую от стола на кухню и обратно, и она отопьет из стакана, и опять бегаёт, носит на кухню пустые чашки, тарелки, тащит из кухни чистую посуду, разную снедь.

Уж как тяжело ни жилось, а коли помочь, — тут уж развернись, потому как смотрит на твою щедрость, на твою широту вся деревня. За плохим угощением на другой же день пойдет о хозяевах худая слава, а потому они выставляют лучшую посуду, достают из подполья и погребца давно припасенные соленья-варенья, обязательно заколют несколько куриц, а то и ягненка или козленка.

— Уж не осудите, чем Бог послал, — то и дело приговаривает хозяйка, бегая туда-сюда.

— Нельзя ись-то, ага? — спрашивает она в очередной свой выход к столу, втайне ожидая услышать похвалу.

— Да ково — ишо надо! — отзовется кто-нибудь. — Гли-ко вон натаскала всего, присядь хоть сама-то, поешь.

— Стряпка с перстов сыта, — отвечает она на ходу.

Тихо сначала за столом, разговаривают только ложки с чашками, но после нескольких «обходов» хозяина застолье зашумит, голоса все громче, еда постепенно отходит на второй план, ищут глазами гармониста. А он уже взял на колени свою кормилицу, перебирает клавиши, угадывая настроение застолья. У хороших гармонистов гармонь инкрустирована перламутром, латунью, слоновой костью, складки мехов переливаются малиновым, темно-синим или вишневым атласом.

Сначала, сидя за столом, поют песни, одну, другую: «Тонкую рябину», «Во саду при долине», «Под окном черемуха колышется», поют протяжно, задушевно, но когда дело доходит до песен «Слав-

ное море — священный Байкал» или «Ревела буря, дождь шумел», — поют, срывая голоса, стараясь быть услышанными.

Но песни песнями, а брага уже в ногах. И вот сдвигают столы в сторону или совсем выносят на улицу, заявляя о серьезности намерений. Тем временем гармонист ко всеобщей радости выдает залихватский перебор и «ударяет» плясовую. Мелодия простая, даже примитивная, но гармонь звучит задорно, гармонист — мастер своего дела, и вот уже несколько молодых пляшут посреди избы, перебрасываясь частушками:

Эх, туфли мои, носки выстрочены.

Не хотела выходить — сами выскочили.

Я иду, они стоят — четыре ёлочка подряд.

Ёлочка за ёлочкой, люблю парнишку с чёлочкой.

Но какая же пляска без мужиков?! А они сами не идут, их надо вытащить, расшевелить.

Милый Коля, ваши кони на кургане кованы.

Милый Коля, ваши ноги словно заколдованы.

Среди девок были мастерицы ногами дробь отбивать — «дробить», да если попадут две-три в такт, — дом, как говорится, ходуном ходит. Дробят не просто так, а ту же, что и гармонист, мелодию ногами выговаривают, иногда гармонист специально останавливается, чтобы их ногам «слово дать».

Подробить, так подробить, чтобы подробилось,

Полюбить, так полюбить, чтобы сердце билось.

И вот одна, потом другая, потом они вместе «дробят» в такт перед парнем, а он сидит, как пень, — не идет и все! Тогда они хватают его за руки и выдергивают на середину избы. Тут уж ему деваться некуда — пошел плясать! Таким же манером выдергивают другого, третьего — и вот уже пляшут почти все, вплоть до стариков.

Про-опьем сестру, прогуляем брата,

На-адеемся на то — баушка богата!

Частушки вылетают одна за другой. Есть мастера частушки петь, знают их несметное количество, похоже, и сами сочиняют. На частушках разыгрываются целые спектакли.

Гармониста я любила, гармониста тешила,

Гармонисту на плечо сама гармошку вешала.

В незамужних бабах огня много, они и так зажигают чужого мужика, показывают свое превосходство над его усталой многодетной женой, свою власть над ним. Вот, мол, захочу и уведу его к себе. Бывало, и уведет.

Хорошо, игрок, играешь, так и полюбила бы.

Хоть женился на другой, всё равно отбила бы.

Ты подружка моя — веточка орехова,

Не отбить, подруга, друга — не на ту наехала, — отвечает гармонистова жена.

— Хулиган парнишка я, не любят девушки меня, — поет кто-нибудь из парней, а концовку подхватывают уже несколько человек:

— Любят только вдовушки — отчаянны головушки.

Это пошла в ход вдовья тема:

У солдатки губки сладки, у вдовы-то медовы,

А у мужней у жены — дак как пельмени аржаны.

— Ах ты, чёрт полосатой! — кричит мужу жена и не остаётся в долгу:

Мил не любит, и не надо, я не шибко дорожу,

Я такими ухажёрами заборы горожу.

Бабы поют всю частушку сразу. Мужики, как правило, не допевают частушку до конца, поют только половину, делают паузу (под гармонь это легко) и уже потом заканчивают.

Вот среди пляшущих выделяются двое. Один из них картинно останавливается, прогибается назад, раскидывает руки в стороны, запекает частушку, но поет только половину:

По-осадили на машину, ветерочек подувал...

И снова пускается в пляс. В это время вместо него второй запекает свою частушку, так же остановившись среди пляшущих:

Ро-одимая маманя, как тебе меня не жаль...

И тоже не допевает, пускается в пляс, но вступает первый и, остановившись, заканчивает свою частушку:

— *Повезла меня мамаша, где я сроду не бывал.*

И он снова топает, хлопает, в то время как второй останавливается и допевает свою частушку:

— *Посадила на машину и сказала: Поезжай!*

Получается, что поют подряд, один за другим, вперехлест. Красиво выходит! И все это во время пляски среди других пляшущих и поющих, с разбойным под гармонь свистом, с ухаьем, задорным женским визгом. Возникает сам собой дух соперничества — кто кого перепоеет, кто кого перепляшет. Да как пойдут два молодца вприсядку — половицы гнутся! В каждом из них давно таился вулкан, и вот оно — извержение. Хорошая гармонь может озвучить всю деревню: «на этом конце села заиграли, на другом — пускаются в пляс», а если гармонь играет на всю громкость в четырех стенах, люди просто шалеют, оказываются целиком во власти гармониста. Неудержимое веселье захватывает всех. Гармонист, как правило, двуязыльный, весь в поту, играет иступленно, порой с неистовством, с бешеной энергией. О нем не забывают! Нет-нет да и поднесет ему какая-нибудь краля полустакашек браги или стопку водки. Он, не прекращая игры, запрокинет назад голову, она выльет стопку туда, как в трубу, даст закусить, своим кружевным платочком и пот ему на лбу промокнет, и губы вытрет, но если его жена или подруга увидят, то и до скандала недалеко. А он, чтобы все это замаять, сам частушку врежет:

Я играю — ручки маю, что, милая, не поёшь?

И уронит голову на гармонь, до предела растянет меха, выгнет их волной, кажется, вот-вот завяжет гармонь в скрипичный ключ, выдаст проигрыш на пределе, потом сбавит громкость и допоеет:

Я последний день гуляю, что, милая, не ревьешь?

И опять — головушку вниз и заиграет на всю мощь, во всю-то ширь безудержно разгулявшейся русской души. Вот в такую минуту и рвут перед ним рубаху на груди.

Когда кто-то запеваёт, гармонист снижает громкость, поющий становится главным действующим лицом.

*Ох, лучше мети, чтобы чисто было,
Ты такого люби, чтобы сердце ныло.*

*По деревне мы идём, всем подарки раздаём:
Кому — сына, кому — дочь, надо Родине помочь.*

Это частушки не придуманные по заказу для эстрадного сборника, они сами рождаются у простых неграмотных людей — творцов языка, на котором их предки говорили и сто, и двести лет назад:

*Брошу брошку на дорожку, кто-нибудь да подберёт,
Отобью у девки парня — пусть походит поревёт.*

*Сами девки знаетё, на што намекаетё,
Сулитё — не даетё, пошто обманываетё?*

Случались частушки и позабористей:
*— Как на улице Ямской меня ударили доской.
Что за мать его ети, — нельзя по улице пройти.*

*Чё ты ёжишша-корёжишша, — пошшупать не даёшь,
Если будешь так корёжиться, — не шшупана уйдёшь.*

Беспаспортные, невыездные, почти крепостные, — где им было проявить себя, свой характер, свой юмор, где излить душу, что они в жизни видели, кроме бесконечной тяжелой работы? В песнях, частушках, пляске находили они хоть какую-то отдушину, высказывали тоску по воле, а может быть, тут прорывалась старинная романтика разбойных людей:

*Товарища зарезали во рже, во рже, во рже,
Кровь горячая кипела на серебряном ноже.*

*Нам хотели запретить по нашей улице ходить,
Стены камни пробьём — по нашей улице пройдем!
— Эй, вы, запретители! Хрена не хотите ли?*

Любимыми народными героями всегда были вольные люди, удалые разбойники, кто много погулял, пошалил, пролил кровушки. А сколько ярких, безгранично храбрых деревенских лидеров сгнило в тюрьмах, погибло в пьяных драках, кануло в неизвестность! Это несостоявшиеся Ермаки, Стеньки Разины, Чапаевы, Котовские, не востребованные вовремя, не нашедшие себя. Многие из них проявили себя в войну, становились Героями. Только в одном нашем селе Героями стали двое. Интересно было бы узнать процент Героев Советского Союза из деревень и городов в Великую Отечественную войну. Думаю, что был бы большой перевес в пользу деревни

Но вернемся в нашу избу. Еще в памяти у всех была война, проводы рекрутов в армию, похоронки...

*Скоро, скоро через день надену серую шинель,
Шапочку военную, оставляю милку бедную.*

Запруги-ко, тятя, троечку, в серёдочку — Серка,

Проводи, маманя, в армию последнего сынка.

Вот включается новая пара. Один, остановившись, запеваёт:

— Из-за брата «бреют» брата, из-за брата братика... — и продолжает плясать вместе со всеми.

— Скоро-скоро нас «забреют», скоро-скоро повезут... — это вступает уже другой.

— Из такого хулигана сделает солдатика, — заканчивает первый.

— Неужели наши матери-отцы не заревут? — допевает свою частушку второй.

Овдовевшие в войну бабы ударяются в рев, всплакнут даже некоторые мужики, но положение спасает какая-нибудь находчивая молодуха:

*Я гуляю день и ночь, принесу в подоле дочь,
На-ко, мама, покачай, это вышло невзначай.*

А парни — свое, в них забродила сила молодецкая, с которой им трудно совладать:

— На-аша маленькая шаечка, шали-шали-шали... — обнявшись, запевают уже двое вместе.

— Наша маленькая шаечка — вдвоём-двоём-двоём... — «в пику» им запеваёт вторая пара.

— На-ашу маленькую шаечку никто-о не шевели! — с гонором в голосе допевают первые двое.

— Приходите в нашу шаечку — двоём наподдаём! — с откровенным вызовом заканчивает другая пара.

И вот эти четверо уже долбят ногами пол друг против друга, толкаются, как петухи, грудью, и если их не развести, дело может дойти до драки. Бывает и доходит, но не очень всерьез, только до первой крови. Они знают, что бабы повиснут на них, а драться не дадут, да и причин нет, чтобы в одной компании всерьез драться. Это уж когда улица — на улицу или деревня — на деревню, там дело другое. Там и убить могут. А тут они просто так — кулаки почесать. Да и хозяева, приглашая работников, думают не только о работе в лесу, а заглядывают вперед, предугадывая, чем может закончиться гулянье.

А гулянье уже идет к концу. Хозяин, приплясывая, с чайником в одной руке, со стаканом в другой, обходит оставшихся, предлагает выпить «на посошок». А кто-то уже и на ногах не очень уверенно стоит, кого-то уже домой увели, кого-то спать уложили. Хорошо, если вечер закончится без происшествий.

— Ну, слава Богу! — скажет валяющаяся с ног от усталости хозяйка.

— Ну и ладно. И хорошо, — скажет не менее уставший хозяин. — Главное, что дело сделано.

А ведь мода была — ходить смотреть, как гуляют, развлечения — то не было никаких, ни радио, ни телевизора. Вот и наберется зрителей: кто в открытые окна смотрит, навалившись на подоконник, а кто и в дом войдет, пацаны — так те и на полаты залезут, оттуда смотрят. Не принято было выгонять, а угостить со стола — могли. Потому и знала вся деревня, как вчера, скажем, у Петровых гуляли.

— Тут уж чо! — скажут. — Тут и говорить нечо. Вот уж гуляли, так гуляли!

ВАХТА

«А за окном всё так же стонут провода, и поезд мчит

меня в сибирские морозы», — поёт Кузьмин. Вот и я постоянно возвращаюсь с мыслями о сибирских дорогах и, конечно, морозах. Хотя сейчас в самом разгаре лето и за окном купе мелькают кудрявые зелёные берёзки. Поезд и вправду мчит меня на север, но не в стужу и холода, а в самый разгар комариного беспредела. Время, когда всю душу выматывает нескончаемая жара и кажется, что нечем дышать, вот-вот брякнешься в обморок, а тут ещё комарье зудит и зудит в ушах и днём, и ночью, норовя побольнее укусить и попить кровушки.

Я спешу на север, спешу на вахту. Вахта — дело серьёзное, два месяца бессменной работы на станции газового каротажа. Двенадцать часов работы и двенадцать отдыха. И так все два месяца. В памяти непроизвольно всплывает вахта позапрошлого года. Вот тогда то уж действительно была зима, морозы зашкаливали за сорок, а снега было не очень много, земля слегка присыпана и всё. Зимний день короткий, затуманенное трескучим морозом солнышко, с трудом оторвавшись ненадолго от горизонта, тут же скрывалось за темной кедровой гривой, и всё окутывалось серой морозной пеленой. В такие дни приостанавливались все работы на буровой. Тишина и мороз овладевали металлом, но и люди старались как можно реже выходить на улицу. А у нас на нашей станции, в вагончике-доме, было тепло. Весь балок был напичкан электроникой, на видном месте установлены два мощных компьютера и прочие хитрые приборы, с помощью которых можно узнать, что творится на буровой, идёт ли подъем инструмента, как и с какой скоростью вертится на глубине долото — специальная штука, которая, вгрызаясь в породу, углубляет скважину. Одним словом, станция контроля за процессом бурения.

С трудом дождался я конца срока и с огромным облегчением понесся в свою дорожную далёкую

Тюмень, где мой дом, родные и близкие, где меня всегда ждут, всегда рады моему появлению и откуда с такой болью всегда уезжаю.

Вот и сейчас, сидя у окна, глядя на проплывающую мимо чахлую низкорослую тайгу — редкие кедровые гривы, а всё больше заболоченные низины, укрытые мхами и мелким березняком, нагнали меня тоска и одиночество.

Долго стояли в Сургуте, почти два часа, правда, уже утро, и ожидание не сильно докучает, но все равно хочется побыстрее добраться до места, до Мегиона, и там определиться с новым местом работы, встретить старых знакомых, с кем неоднократно коротали долгие дни и ночи на станциях. Встретиться, поговорить, повспоминать прошедшие деньки, а может, и распить бутылочку горькой.

Пока я таращился в окно на пролетавшие мимо берёзки и ели, незаметно проскочили Лангепас. Значит, скоро и Мегион, пора собираться. Наскоро собрав постель, отнёс проводнику, затем уложил свои вещички в сумку. Вроде бы всё. Вагон слегка качнуло, поезд встал. Вот и перрон.

Я протиснулся с попутчиками и, выйдя из вагона, закурил. Вкус сигарет показался мне чересчур привычным. Казалось, всю дорогу, пока трясся в вагоне, только и делал, что курил. Увидев подъезжавший рейсовый автобус, бросил недокуренную сигарету и пошёл в сторону остановки. Каждый раз в этом месте у меня возникало ощущение, что всё идет по какой-то набитой колее: едешь на поезде, потом пересаживаешься на автобус, потом на базу экспедиции и так далее...

А вот и «Тюменьпромгеофизика» и наша ГТИ. Слава богу, добрался без особых приключений и ЧП. Первым делом иду, конечно, к Егорычу, показаться на его ясные очи.

— А, Иванович, заходи. Где это ты запропастился? Вчера ещё должен быть! На Агане вот-вот скважина забурится, а геологов нет, и ты где-то тормозишь.

— Как это я торможу? Александр Егорович! — по-

пытался возмутиться я. — У меня же всё точно по графику, на работу только завтра, вот сегодня и подъехал.

— Ладно, это так, к слову, а на Аган действительно нужно собираться. И чем быстрее, тем лучше. Скважина сложная и ответственная, понятно?

— Понятно, что других у нас просто и не бывает. А завтра я вполне буду готов к выезду, у меня практически всё есть, только продуктишек прикупить.

— Добро, тогда на завтра и запланируем выезд вашего отряда, а пока иди, отметься у Маринки, пусть зафиксирует твоё прибытие.

Егорыч, конечно, молодец, нужно отдать должное. Память у него отличная, всех и всё он помнит. Не нужны ему никакие записные книжки, он всегда в курсе всех событий, что творится на буровых. Где стоят наши станции газового каротажа, кто, когда уехал с вахты и когда ему нужно вернуться на работу. Всё у него на примете, ничего не проскользнет мимо его внимательных глаз.

Вот вроде бы и всё, отметил прибытие у Марины, взял направление в общежитие. Можно теперь и прошвырнуться по городу, забежать на рынок прикупить что-нибудь из провианта и на пару месяцев на буровую.

Мегион встретил душным зноем, запахом плавящегося асфальта и пустотой. Все жители городка попрятались кто куда. Никого не видно, кроме редких мужичков возле пивных ларьков, где они с удовольствием потягивали холодное пиво, а остальные либо на работе, либо схоронились по квартирам, где ещё осталось подобие прохлады.

Город нефтяников и вахтовиков, Мегион, довольно молод, просто скороспелка. Многоэтажки выросли как грибы, хотя кое-где сохранились окраины первых поселенцев и строителей. А так городок ничего, хотя и мал. В нём есть всё, и магазины, и рынки, а вот ресторанов, пожалуй, нет.

Утро было не лучше вчерашнего дня. Такая же духота и жаркое солнце над головой (рановато же оно тут поднимается, а может, и вовсе не заходит). Как бы там ни было, надо собираться в дорогу.

На базе ещё никого нет: просто рановато. Проверил, всё вроде на месте, остаётся только загрузиться в машину и на Аган. Едем вместе с геофизиком Серёгой Ежовым, парнишкой неплохим и к тому же бывавшим уже в Новоаганске, знающим места, да и с бригадой буровиков знакомым, а это совсем неплохо. Знать бригаду и бурового мастера — много значит, меньше конфликтов с буровиками, всё жить спокойнее.

У входа в экспедицию дымит сигаретой Сёрега, видуха у него озабоченная, а может, мне просто кажется, всё же на пару месяцев в тайгу это не в кино на дневной сеанс. На горизонте появился Егорыч, как всегда не один, а в окружении ребят. Как ни странно, но по дороге от своего кабинета до экспедиции (ходу-то всего пять минут) он успевает решить кучу всяких разных вопросов.

— Всё, порядок, Иваныч, едем. Машина у входа, с нами программист ещё едет. Он скоро подойдет, пойдем шмутки закидаем и вперед.

— Тогда пойдем грузиться.

До Агана добрались только к вечеру. Наш балок сиротливо стоял на отшибе у самой обваловки, да и сама буровая темнела вдалеке огромной безжизненной машиной. Монтаж ещё не закончен. Когда её полностью соберут, вот тогда она засверкает десятками лампочек, как новогодняя ёлка. А пока это груда конструкций, усталый металл. Хорошо, что мы успели добраться до буровой под вечер, а если бы ночью, где найдешь электрика. А нужно в первую очередь подключить электроэнергию, дать свет-тепло, а остальное после. Потом будет и чай, и похлёбка какая-нибудь, а пока только свет. Серёга появился с электриком спустя полчаса.

Но вот и свет дали. На станции всё кувырком. Всё, что могло упасть, валялось как попало на полу, матрацы и одеяла вперемежку с чашками и ложками, рассыпанный чай и сахар с крупой. Какой-то кошмар. Хорошо, хоть аппаратура уложена в ящики и как-то не разлетелась.

Допоздна наводили порядок в балке, но сначала заварили чайку, немного поели и вперед. В сон провалились уставшие, но довольные выполненной работой. А утром снова навалилась жара и комары. В городе-то их не было, а тут... Стоит сплошной гул, спят глаза, лезут в уши и жалят, кусают-грызут без устали. Если бы не мазь, комарье сожрало бы подчистую. Комарики это ещё так себе, а вот появится мошка и гнус, от них уж точно спасения никакого нет.

Прошёл день, потом ещё один, а сдвигов никаких. Всё так же стоим, ждём окончания монтажа буровой установки, а потом и мы установим свою, настроим датчики, подключим компьютеры и начнется наше круглосуточное дежурство.

Станция газового каротажа — это не только контроль за ходом бурения, но и куча всякой разной полезной информации. Постоянно к нам наведывается буровой мастер с технологом, нередкий гость у нас и супервайзер. Им позарез нужно знать точную глубину скважины, давление промышленной жидкости, её плотность и многое другое. Наши датчики установлены по всей буровой, и мы достоверно можем говорить, как крутится шарошечное долото на глубине несколько тысяч метров, с какой тяжестью на него давит вес стальных буровых труб.

Мы видим и слышим, как ведёт себя скважина, а по большому счету основная наша задача — это получение информации, которая позволит предотвратить аварийные ситуации, которые возникают совсем неожиданно и порой совсем не там, где их можно ожидать. Аварии непредсказуемы, а на нефтяных и газовых скважинах чрезвычайно опасны. С огромным давлением нефть и газ вырываются из недр на поверхность и вспыхивают факелом, металл плавится, и мачты буровых вышек складываются как

карточный домик. Это завораживающе страшное зрелище: стоит несмолкаемый гул и грохот, с устья скважины на сотни метров в небо извергается фонтан из газа, воды и грязи. Вся вышка покрывается толстым слоем инея и снега и больше похожа на новогоднюю елку, чем на буровую. Это ещё ничего, а вот когда все это вспыхнет синим пламенем — это уже что-то. А пока у нас всё ещё в начальной стадии, думать о таких вещах преждевременно.

Не успели ещё толком проснуться, как дверь в балок с треском распахнулась, и на пороге появился Юра Кумпан, ведущий геофизик экспедиции. А у самой станции впритык стояла наша всеми ветрами побитая «Нива». Юрий Викторович не стал долго задерживаться на станции, прямоком махнул на буровую, посмотреть, где и как установлены наши датчики и проверить оборудование. Долго он там не задержался, прилетел в балок и сразу засел за компьютеры, что да как. Как работает программа, правильно ли проведены настройки. Всё-то ему надо знать, везде сунуть свой всезнающий нос. Но после проверки вроде успокоился и даже соизволил принять чашечку нашего кофе. Проглотив кофе, заторопился и не стал задерживаться: впереди еще несколько буровых, и если распивать чаи на каждой станции, то и дня не хватит.

Работа есть работа, и после столовой мы отправились на буровую кое-что подправить, проверить. И как раз началось бурение, загрели дизеля во всю мощь четырёх двигателей. Теперь бурение пойдёт круглосуточно, и вместе с ними мы будем круглосуточно дежурить на станции, меняясь с Серёгой через двенадцать часов. Вот тогда-то и попытаются трудовые будни.

Смена за сменой, день за днём летели быстро и незаметно. Серёга осунулся и даже слегка похудел: всё же ночные смены не шутка, в ночь напряжённая работа, а днём частенько не дают толком выспаться. Порой Серёга с трудом мог урвать три-четыре часа на сон.

Летели дни, углублялась скважина, всё шло своим чередом. Только вот где-то в начале августа, когда жара особенно досаждала и спать в нагретшемся балке становилось нелегко, с нами стали происходить странные вещи. Как-то вечером, одурев от дневной жары, я решил просто побродить недалеко от буровой. Предупредил напарника и двинул по просеке в глубь тайги.

Тайга окутала сырým полумраком испаряющейся влаги, дурманящим смолянистым духом созревающих кедровых шишек, запахом хвои и несмолкаемым стрёкотом кедровок и соек. Выйдя на просеку, я удивился неожиданной тишине. Угмонились кедровки, куда-то подевались сойки, тишина давила на уши. Солнышко спряталось за кроны могучих деревьев, и сумерки, надвигаясь издалека, покрывали мраком дальние кедровые увалы. Просека всё дальше и дальше уводила меня в сторону от

лагеря. Стихи звуки работающей буровой, тишина ещё более сгустилась вокруг меня, и где-то исподтишка стала закрадываться подлая мыслишка: а не повернуть ли назад? Как никак, а среди людей всё же спокойнее. Отогнав дурные мысли, я настырно продолжал топтать по просеке.

Вдруг совсем неожиданно высоко над головой появилось светлое облако. Может, даже и не облако, а туман светящегося серебристого цвета. Свет исходил из самой его глубины, то становясь ярче, то совсем затухая, обретая едва заметные очертания в темнеющем небе. Сперва это облако никакого интереса у меня и не вызвало: облако как облако, мало ли их шастает по небу. Только вот когда надо мной появился ярко светящийся цилиндр, я уставился на это чудо, раскрыв рот. Цилиндр медленно плыл, сопровождая меня вдоль просеки, а потом прицепился к облаку. Я пытался распознать в нем хоть один известный мне летательный аппарат. Ничего путного в голову не приходило, мысли кружились, как дикие пчелы у разоренного дупла. Я боялся отвести взгляд, словно магнит, он притягивал и завораживал меня все сильнее. Потерялось ощущение реальности.

Всё это продолжалось минут пять-десять. Жаль, я не прихватил с собой часы и фотоаппарат, думал, не понадобятся. Покрутившись вокруг да около, этот цилиндр неожиданно завис над самой этой туманностью. Какое-то время просто висел, застыв над облаком, затем выпустил в его сторону четыре ярких луча, похожих на опоры, вспыхнул яркими красками, усиленно замигал, и прямо на глазах облако потускнело, стало таять и растворяться. Через какой-то миг оно исчезло, и вместе с ним пропал или просто растворился в пространстве и сам цилиндр.

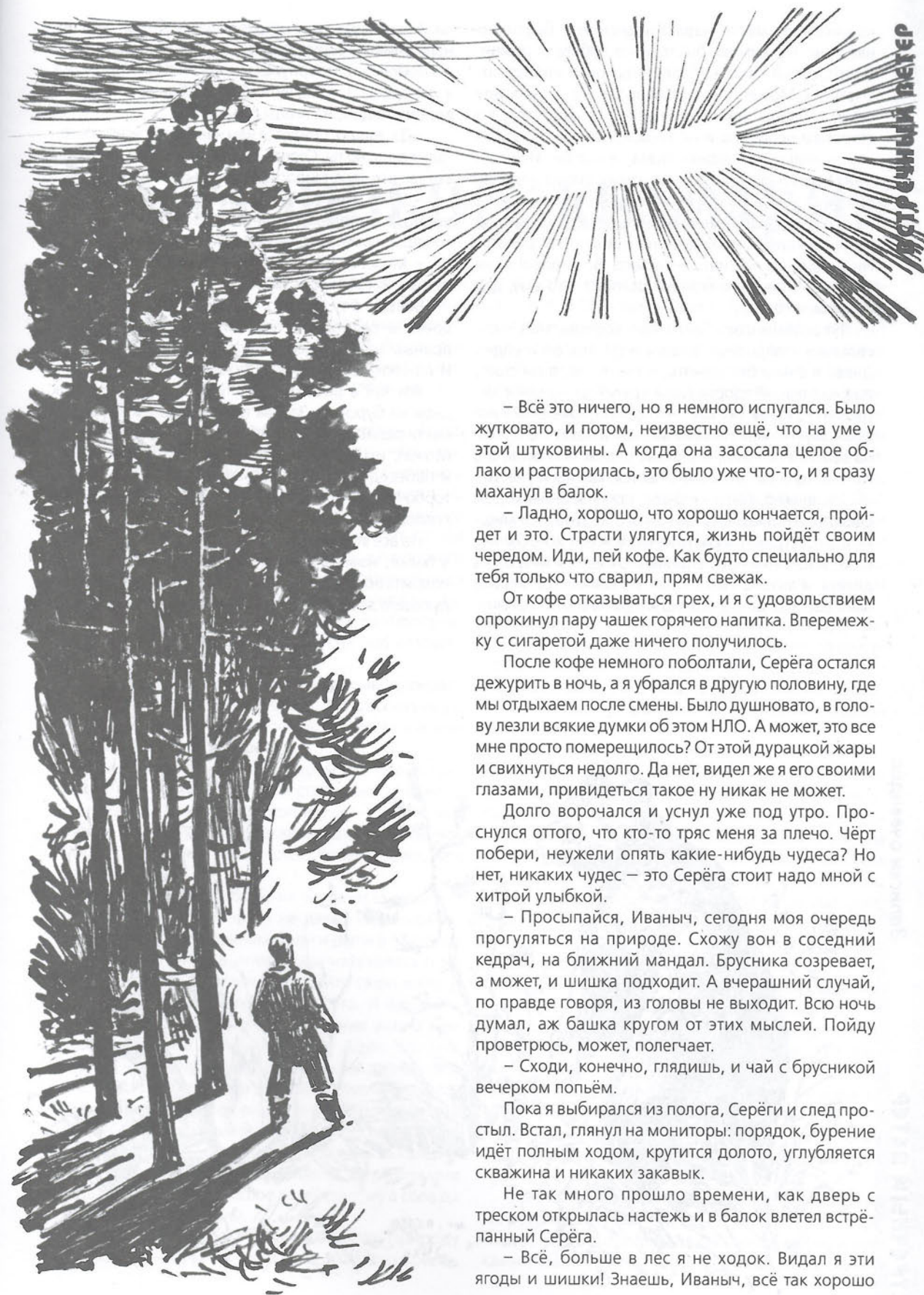
Я постоял ещё немного в надежде, что случится что-нибудь ещё, что будет продолжение, но тщетно. Темнота сильнее окутывала небо, засверкали первые звездочки. Поняв, что что-то важное утеряно безвозвратно, я поспешил к себе на буровую, на станцию поделиться новостью с Серёгой.

Но и без меня на буровой стоял переполох, а на нашей станции в полной растерянности метался из угла в угол Серёга.

— Иваныч, как хорошо, что ты появился. Тут такое творится, просто ужас! Ты даже представить не можешь! Компьютеры и датчики будто взбесились, всё зашкалило, всё, что могло! — Серёга с остервенением проредил всей пятерней и без того редкую шевелюру на голове. — А что случилось, кто знает? Полная ерунда!

— А ты знаешь что я только сейчас видел? Может, это как-то и связано с этими чудесами. Представляешь, иду по просеке, недалеко здесь, а над головой вдруг завис какой-то блестящий цилиндрик, — и пересказал Серёге свои приключения.

— Вот это да! — только и смог произнести мой напарник.

– Всё это ничего, но я немного испугался. Было жутковато, и потом, неизвестно ещё, что на уме у этой штуковины. А когда она засосала целое облако и растворилась, это было уже что-то, и я сразу маханул в балок.

– Ладно, хорошо, что хорошо кончается, пройдет и это. Страсти улягутся, жизнь пойдёт своим чередом. Иди, пей кофе. Как будто специально для тебя только что сварил, прям свежак.

От кофе отказываться грех, и я с удовольствием опрокинул пару чашек горячего напитка. Вперемежку с сигаретой даже ничего получилось.

После кофе немного поболтали, Серёга остался дежурить в ночь, а я убрался в другую половину, где мы отдыхаем после смены. Было душновато, в голову лезли всякие думки об этом НЛО. А может, это все мне просто померещилось? От этой дурацкой жары и свихнуться недолго. Да нет, видел же я его своими глазами, привидеться такое ну никак не может.

Долго ворочался и уснул уже под утро. Проснулся оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Чёрт побери, неужели опять какие-нибудь чудеса? Но нет, никаких чудес – это Серёга стоит надо мной с хитрой улыбкой.

– Просыпайся, Иваныч, сегодня моя очередь прогуляться на природе. Схожу вон в соседний кедрчак, на ближний мандал. Брусника созревает, а может, и шишка подходит. А вчерашний случай, по правде говоря, из головы не выходит. Всю ночь думал, аж башка кругом от этих мыслей. Пойду проветрюсь, может, полечает.

– Сходи, конечно, глядишь, и чай с брусничкой вечером попьём.

Пока я выбирался из полога, Серёги и след пропал. Встал, глянул на мониторы: порядок, бурение идёт полным ходом, крутится долото, углубляется скважина и никаких закавык.

Не так много прошло времени, как дверь с треском открылась настежь и в балок влетел встречный Серёга.

– Всё, больше в лес я не ходок. Видал я эти ягоды и шишки! Знаешь, Иваныч, всё так хорошо

начиналось, место нашел чудесное — брусники навалом. Ну, думаю, быстренько наберу и домой. Почти целый пакет набрал, надо бы и шишку посмотреть. Может, и тут подфартит. Ну, значит, иду себе, в башке какие-то мыслишки крутятся, по сторонам особенно и не засматриваюсь. А тут как что-то кольнуло, поднял глаза, и вот он. Иваныч, меня будто парализовало, не пойму, откуда медведь появился, да здоровый такой, гад? А он тоже, видно, не особенно хотел меня видеть, но ведь стоит, на меня тарашится и уходить не думает. Что делать? Ни ружья, ни ножичка — ничего. Вот попал! И не убежишь никуда, в момент догонит. Что ему, два прыжка, и готово.

Тут вспомнилась байка: поговоришь, мол, с ко-солапым, попросишь дорогу уступить, он и уйдёт. Давай я с ним беседовать, и так, и сяк, а он стоит, только башкой здоровущей крутит да на меня хитрыми глазками зыркает. Что делать, как быть? Руки сами опустились. Не заметил, как и пакет с ягодами на землю поставил, и рюкзак рядом положил, а в голове одна только мысль бьется: как ноги унести?

Ну, думаю, была не была, стану задним ходом сдавать. И потихоньку так начал отходить, а от мишки глаз от страха оторвать не могу. А ему хоть бы что, стоит и на меня посматривает. Отошел я метров на десять, а мишка хватать пакет и своими когтищами вмиг распластал его, только ягоды на землю брызну-

ли. А ему, видно, только это и нужно было. На меня ноль внимания, давай ягоды дармовые хавать. Тут и я осмелел, развернулся и пошел. Через пять секунд я уже здесь. Вот так, чуть медведь башку мне не отвертел. Ладно, на ягоды позарился.

— Да, видно, придется нам чаёк без бруснички сегодня пить, но ты, Серега, особенно не тужи, радуйся, что так всё закончилось. Могло быть и хуже.

— Хуже и не придумаешь. А мишка-то сытый, видно, в это время, жратвы у него сейчас сколько хочешь, нужен ему зачуханный гэтэишник.

— Может, ты и прав. Но кто знает, что у него в голове. Зверь и есть зверь.

Больше в ту вахту за ягодой мы не ходили. Да и времени свободного поубавилось. Бурение пошло полным ходом, и по лесу шастать не было времени. И тарелок летающих нам тоже не встречалось.

Вот так в рабочих буднях и пролетел остаток дней на буровой. Завтра приезжает нам замена, и мы передадим нашу станцию следующему отряду. Может, им повезет больше нашего, повстречают и побеседуют с инопланетянами, наберут полные торбочки всяких разных ягод, а мы уже будем дома, поглощать плоды цивилизации.

Но всё это будет завтра, а пока нужно прибраться в балке, навести порядок с отчетностью, вообще подбить все бабки, и свободны. Радует одно: до следующего заезда не будет этих тиранов-комаров.

Глухариный аквамарин

Живем мы в Екатеринбурге, народу тьма, в другом муравейнике муравьев меньше. Про машины, заводы я и говорить не хочу. А всего-то 60 км по прямой, среди сохранившихся лесов, где стоят лиственницы в четыре обхвата, течет тихая, чистая, задумчивая речка Адуй, что впадает в реку Реж.

Знаменита река своими самоцветами. Здесь деды наши такие камни добывали, что нам, нынешним, и не снилось; одна копь Семениха чего стоила. В ней одной добывали бериллы и аметисты, цитрины и морионы, да еще и редкие минералы попадали: монацит да эвксинит. Не зря здесь много ученых людей побывало, а Александр Евгеньевич Ферсман в 1913 году организовал Радиевую экспедицию, чтоб эти минералы изучать. Много по этим лесам копей разбросано, много самоцветов добыто, и до сих пор находят, и новые места открывают.

Взять Парфениху — такие морионы прекрасные, с голову и больше были. Но рассказываю это, чтоб вы понятие имели, что за места и о чем разговор пойдет дальше.

Так вот, прочитал я у Ферсмана про Адуй, какие там камни водятся, и стали мне эти места сниться. Ну коли снятся, сон в руку — пошел искать те дедовские ямы. Искал не один год, кое-что нашел, в отвалах ковырялся, представлял, как раньше было.

А деды наши работы не чурались, много и впустую робили, но фарт не давал им покою, и поколение за поколением рыли и рыли в надежде найти такой камень, чтоб всем на зависть и на удивление. Так вот и я мечтал найти свою жилу, и бродил по Адую почти каждое лето. И однажды набрел на Адуйский кордон. Лесник жил в нем со своей женой прямо на берегу Адуа. Это был старинный кордон. Новый теперь на другом месте. Звали того лесника Арефий, а жену Домной. И вот надо же, какие они разные были. Арефий маленький, тощенький, на опенка похож, а Домна — ну вы представляете, как домны выглядят? Круглая, рябая, не идет, а катится. Держали они лошадь, корову, вели свое хозяйство, ну а соль да сахар в Крутихе брали.

И что-то все же в них было общего. Природу любили. Детей им бог не дал, так они свою любовь

на других людей тратили. То ли я им приглянулся — а я тогда еще пацаном был, помешанным на камнях геологом мечтал стать — что стали они меня за сына своего привечать. Самый вкусный кусок — мне, самое теплое место — мне, и так мне среди лесов адуйских хорошо было, что казалось, я тут и родился. Да уж и что говорить: черемухой пахнет, по берегам купавки цветут, а птицы, так тем и дня мало — они и ночью петь не переставали. Набродисься по чертополохам, ноги наломаешь, на кордон придешь, камни показываешь, где был рассказываешь, отдыхаешь. Арефий на камни взглянет и скажет: баловство все это, не в них счастье, но на следующий день ведет меня без партии на новые ямы и оставляет рыться. А сам никогда не рыл.

Я все думал: красоту понимает, природу любит, а когда на кристалл смотрит, какая-то грусть его глаза заволакивает. Да и Домна вроде бы все названия камней знала, а в руки их не брала, словно обжечься боялась. Но про Домну другой рассказ будет.

Как-то показал я Арефию обломок аквамарина голубенького, взглянул он на него, и что-то изменилось в нем, словно нехорошее вспомнил. Сидим мы на крыльце, вечер, тепло, комары поют, дымарь тлеет. У дымаря лошадь с поникшей головой — слюна с губы капает. Домна сапогом самовар раздувает. Арефий встал, идти собрался, только Домна вдруг говорит: «Не дури, Арефий, сиди, зачем парню знать». И не сыном меня назвала, а как чужого — парнем. Но Арефий вошел в избу, недолго побыл, вернулся, в руке тряпочка. Сел рядом, развернул тряпицу — в руке аквамарин такой, что чище не бывает, голубее воды в Адуе. И словно цвет изнутри повдоль кристалла идет, если его поворачиваешь. Я так и обмер, сию, глазами его ем. Откуда диво такое, спрашиваю. А Домна опять: «Не дури, Арефий, убери, спрячь подальше, не бери душу ни себе, ни другим».

«Нет уж, Домна, расскажу я ему быть, а он пусть решает, в камнях счастье или в чем другом».

Жили в Крутихе два брата, охотой промышляли. До революции места здесь еще глуше были, зверя много, птицы, глухарь, косуля непуганые, ну и про камни знали, только ими не баловались, хотя в

Крутихе многие и камнями, и золотом промышляли. Места-то тут и вправду знатные, всего всем хватало. До Первой мировой войны дело было, это потом мужиков крепких война, да революция, да Гражданская сожрала. Ходили братья на охоту всегда вдвоем, и как-то заметили они глухаря на поляне, что-то он скреб и клевал. Дело осенью было, зоб забивал камнями, видимо. Убили глухаря, а когда распотрошили, нашли в желудке камень — небольшой, голубенький, чище воды, да еще как струганный. Карандаш, да и только. Утром пошли на то место и прямо под дерном, где глухарь ковырялся, нашли груды таких же камней. Не все хорошие, но и чистые попадались. Рыть палками землю стали, жила появилась, крупная, пегматитом называется, значит камня в ней много будет. Домой явились — никому ни слова, но только сами не свои ходят. Инструмент в деревне просить — люди догадаются. В Екатеринбург снаряжились, мол, пороху да патронов надобно — охотники же. Там их Первая мировая и застала. Дома уже повестки урядник разносил и их не обошел, погодки были. Дали они клятву, что козь живые вернуться, то только вдвоем то место долбить будут.

На фронте в разных местах лямку тянули, вшей кормили, немчуру били. Один брат с большевиками сроднился, другой их видеть не мог, разбогатеть мечтал, а те, богатые, не привечали.

Война живыми оставила, революция не тронула, и Гражданская не покалечила, только душу сломала, что одному, что другому. Домой вернулись, тот, что за большевиков, — комбед организовал, раскулачивал. С братом чужими стали. Вот как судьбы-то ломались, что лед под сапогом, только хруст стоял.

Но не давали младшему покоя те камни, и стал он снова вроде бы как на охоту ходить — время-то голодное было. Найти ему то место никак не удавалось, и место-то приметное — листовка сухая на отличку от других своими размерами, болотце небольшое, на краю болотца бугор вздыбленный, ну не найти — грех. Но то ли годы память поистерли, то ли буря листовку повалила, а болотце высохло, только нет того места, хоть реви. Попервости плюнуть хотел, но только посмотрит на те камни, что впервой нашел, опять ему занорыши блазнятся и с черенок лопаты кристаллы синие. Так и бродил, искал, да только не видел он, что брат с ружьем ходит следом. Хоронится: кто он ему теперь — контра, ни поговорить по душам, ни чай вместе попить. Души теперь разные, и не родня вовсе.

Первые звезды замигали меж сосен, костер теплом подался, лошадь в стойке всхрапывала, а корова жевала бесконечную свою жвачку. Домна самовар унесла в дом. Арефий положил кристалл на блюдечко, зажег керосиновую лампу, допил чай и, не глядя на меня, продолжал своим тихим, бесцветным голосом.

Так надо же было случиться, выследил младший глухаря, застрелил и увидел: огромная листовка, покрытая мхом, лежала на том месте, где когда-то они скребли дерн палками, вырывая камни — глухари всегда прилетали на те же места, где и раньше были, у них и ток на одном месте сотнями лет бывает. Стал он рыть крадче, вырыл канаву, жилу обнажил, вглубь пошел — не идет камень, так себе шпат, да морион, да иногда, словно для приманки, кристалл берилла, но далеко не аквамарин. Старший не ищет, наблюдает. Когда в яму спустится, в отвале пороется, видит, что нет камня. Ждет. Зима настала, самое время в яме робить, воды нет, комар не надоедает, да только на снегу следы остаются.

Кончилась зима — снова в лес. Одежду меняет, инструмент прячет, следы хвоей да листвой забрасывает. Роет. И раз взорвалось сердце от радости: голубыми искрами посыпались камни из-под каелки, кристаллы шли густо, пальцами и с головками, что синее не бывает. И когда уже чудилось, что с этими камнями он теперь богач, и дом справит, и лошадь купит, как услышал, что под чьими-то ногами порода осыпается, и горло страх перехватил, руки задрожали, слово сказать не может. Вот же его счастье, столько мечтал, ночью снилось. Как наяву это счастье видел, а теперь в руках держит.

— Ну что, — голос знакомый до боли, — вылаз, старатель, забыл, что земля и недра государству принадлежат, что все теперь общее и не тебе, однако, одному это.

Вскружила голову злоба, и кайлом с размаху хотел разможжить брату голову, да только опередила пуля, и красная кровь полилась на голубое счастье.

Отволоч старшой труп, спустился в забой и лихорадочно начал долбить дальше, пот застилал глаза, масляный светильник то пригасал, то искрил и чадил, но ничто не могло остановить, хлестал кайлом породу, выволакивал глыбы с камнями, и от радости не заметил, как нависшая порода дала трещину. Еще несколько взмахов, и, ухнув, глыба рухнула ему на спину, придавила его с такой силой, что он не мог и шевельнуться. Прямо перед глазами лежали добытые самоцветы и из голубых, тихо угасая, превращались в черные. Потом и все почернело.

...Нашел я его через год, продолжал Арефий. Младшего вороны растаскали, а он лежал среди породы в той же позе, в какой застала его смерть. Сродственник мой это, с хрипотцой в горле добавил Арефий, а камень взял на память. Надо, так возьми.

Тихо на дворе, а стало гнетуще тихо, говорить не хотелось. Завернул камень, отдал Арефию. Вдохнул грудью свежий воздух. Звезды светят — вот счастье-то.

Приключения «человека-лодки» продолжаются! На этот раз на долю нашего автора выпали суровые испытания: «космическое» одиночество на берегу горной реки, муки голода, встречи с туземцами – дружелюбными и не очень – и, как кульминация, адская мясорубка White Water. Затерянный

мир, забывший о переменах, и мир беспрестанно меняющийся, каждую минуту испытывающий героев на прочность, – всё сплетается, как сон и явь, в монументальном полотне Юрия Шишкина.

«Уральский Следопыт» с гордостью представляет самый динамичный материал сезона!

Сотни глаз следили за тем, как изрыгая гром и огонь, по взлетной полосе промчался маленький истребитель.

За 78 секунд полета испытатель должен был набрать максимальную высоту до двух тысяч метров. И он ее набрал, но самолет вдруг дал крен, ушел в отвесное пикирование и... упал на берегу реки у села Патруши, в шести километрах южнее аэропорта Кольцово..

За маленькой станцией расположился уютный городок — русский, небольшой: меньше иной деревни. От него веяло спокойствием и легкостью. Я словно попала в некое особое состояние, которое, приблизительно, соответствовало России 30— 50-х годов. Ощущение рождалось не только архитектурой, но общей наивной искренностью мира, открывшегося взгляду. Это необъяснимо, но определенно чувствовалось, как своего рода духовный запах. В действительности же реальность пахла просто: березовой листвой, рябинами, горячими булочками, осенью. И дымом сосновых шишек: должно быть, топили самовар. Слышался ветер, шумящий садами. И ничего особенного не происходило, но будто бы душа моя стала реальностью и отразилась в маленьком городке, как в зеркале. И я увидела ее со стороны.

Хочешь двигаться – ищи попутчика!